

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
(структурное подразделение)**

**Материалы к истории
Причерноморья
в Новое время**

**Materials in the Black Sea History
through the Modern Period**

**Симферополь
2016**

УДК 94(477.7) “17/19”
ББК 63.3(2)5
М 341

Рекомендовано к изданию Ученым советом
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского» (Протокол № 10 от 27 октября 2016 г.)

Редакционная коллегия: д. и. н. А. И. Айбабин (председатель),
к. и. н. Д. В. Конкин (ред.-сост.), к. и. н. Н. И. Храпунов (ред.-сост.)

М 341

Материалы к истории Причерноморья в Новое время:
сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов; Научно-
исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского
федерального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь,
2016. – 208 с.

Сборник содержит материалы круглого стола «Этнокультурные и
межконфессиональные отношения в Крыму», прошедшего 25 ноября
2015 г. в г. Симферополе и организованного Научно-
исследовательским центром истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО
«КФУ им. В. И. Вернадского».

Для студентов, преподавателей вузов, профессиональных
исследователей-историков, работающих в России и за рубежом, а
также для широкого круга читателей, интересующихся историей
Крыма и Причерноморья в Новое время.

На обложке: памятник Екатерине II в Городском саду Симферополя

ISBN 978-5-9908082-1-8

© Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, 2016.
© Авторы, 2016.

Введение

Представленный вниманию читателей сборник научных трудов «Материалы к истории Причерноморья в Новое время» сформирован на основе докладов, прочитанных на заседании круглого стола «Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму», который был проведен 25 ноября 2015 г. Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в рамках выполнения базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время». Ряд научных статей подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

История межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму и Причерноморье остается важной проблемой в условиях современной геополитической ситуации. Исторические спекуляции по данной тематике обрели особую популярность в последнее время, в связи с чем профессиональные исследования политизированных и потенциально конфликтогенных исторических событий прошлого приобретают ключевое значение не только для стабильного и мирного развития общественно-политических отношений в Крыму, но и для выстраивания взаимоприемлемого и адекватного диалога с соседями России в рамках Причерноморского региона.

Содержание сборника редколлегия решила разбить на пять тематических секций, которые характеризуют различные аспекты истории и общественных отношений региона в Новое время. В разделе «Религиозная политика империи» рассматриваются вопросы государственного регулирования конфессиональных отношений в Крыму. В статье З. З. Хайрединовой изучен комплекс законодательных документов, регламентировавших положение крымскотатарского духовенства в конце XVIII – первой половине XIX века. Основой работы стали указы имперского правительства, собранные в «Полном собрании законов Российской империи». Хотя эти документы уже неоднократно использовались историками для исследования самых разнообразных проблем крымской истории в указанный период, тем не менее ретроспективный анализ законодательных актов позволил автору сделать несколько важных выводов о характере и направлении политики российского

государства в отношении мусульманского духовенства в Крыму. Статья В. Г. Тура анализирует проблему юридической регламентации религиозной жизни крымского общества в первой половине XIX в. в более широком контексте. На основе значительного количества неопубликованных архивных и малоизвестных опубликованных юридических, статистических источников и научной литературы подробно характеризует правовое положение различных религиозных общин Крыма. М. А. Никифоров изучил деятельность Г. А. Потемкина, направленную на интеграцию мусульманского населения Крыма в состав Российской империи в последней четверти XVIII в. В этой работе проведен анализ как официальных распоряжений правителя Новороссии, так и его личной переписки с императрицей Екатериной II.

Следующий раздел сборника посвящен истории земельных отношений в Крыму. Д. В. Конкин вводит в научный оборот проект известного ученого и администратора К. И. Габлица, в 1802 г. предложившего ряд мер по развитию экономики Крыма. Этот источник дает возможность оценить внутреннюю политику государства по отношению к мусульманам Крыма, определить ключевые проблемы, осложнявшие экономическое развитие региона. Проект Габлица отразил взгляды на развитие Крыма столичных чиновников и приближенных к императору Александру I государственных деятелей. В другой статье Д. В. Конкина затронута проблема вакуфов – традиционного для местных мусульман вида землевладения – в сложное и противоречивое для истории полуострова время после окончания Крымской войны. Массовая эмиграция мусульманского населения стала одной из главных причин перехода общественного заповедного вакуфного имущества в частную собственность. В статье подробно рассмотрены эти процессы, продемонстрированы действия власти по защите вакуфного имущества от перехода в частную собственность, сделаны выводы о несостоятельности Таврического магометанского духовного правления в качестве главного администратора, регулятора и контролера вакуфного имущества в Крыму.

В разделе «Межнациональные отношения на окраине империй» рассмотрены некоторые аспекты демографии, социальной стратификации, а также социокультурной теории и практики прошлого и современности в Причерноморском регионе. Д. А. Прохоров на основе архивных документов проанализировал сведения о состоянии караимской общины Чуфут-Кале в период после присоединения Крыма к России, а именно – ее социальный,

возрастной и гендерный состав на момент проведения VI ревизии, или народной переписи. В статье М. В. Лобановой проанализированы особенности восприятия феномена тюркизма в начале XX в. в Болгарии – своеобразном цивилизационном пограничье Европы. Продемонстрирована парадоксальная, на первый взгляд, близость и взаимодействие османских младотурок и представителей болгарской социалистической «левицы», что, по мнению автора, следует рассматривать как часть не только общецивилизационного процесса на Балканах, но и схожего идеологического фундамента данных политических течений. Осознать современные вызовы и противоречия интеграционных процессов в Крыму, напрямую связанных с историческим наследием и сменой государственной принадлежности региона, помогает коллективное исследование А. Б. Швеца, А. Н. Яковлева и Д. А. Вольхина, рассматривающее результаты пространственного анализа процессов трансформации социокультурных противоречий и информационного имиджа в Крыму после его воссоединения с Россией. Авторы обращают внимание на то, что качественно характер внутрикрымских противоречий постепенно трансформируется из межэтнического и межконфессионального типа, как это было еще до воссоединения Крыма с Россией, в откровенно политический тип с криминальным компонентом. Следует отметить, что все выводы сделаны авторами на основе мониторинга и анализа, главным образом, региональных СМИ за период 2009–2014 гг., что не позволяет полноценно рассуждать о современном состоянии проблемы, но в целом надежно фиксирует основные тенденции развития социокультурных процессов на полуострове.

В разделе «Государство и охрана памятников» представлено две статьи, обсуждающие актуальную проблему сохранения объектов культурного наследия Крыма. Д. А. Ломакин рассматривает основные направления памятникоохранной деятельности в городе Старый Крым в 20-е гг. XX в., анализирует вклад научных организаций и местных краеведов в дело сохранения культурного наследия города. Следует отметить неразработанность данной тематики и, как следствие, практически полное отсутствие к ней внимания со стороны отечественных и зарубежных исследователей. Н. М. Терещук и И. Е. Шпакова воссоздает историю одного объекта культурного наследия – церкви свв. Елены и Константина в Карани. Подобные примеры «микроисторий», пронизывающих глобальные исторические эпохи, имеют важное значения для понимания уникальности

крымской ситуации, ее культурного многообразия и цивилизационной гетерогенности.

В последний раздел сборника – «Новые издания источников» – помещен аннотированный перевод отрывка из сочинения знаменитого британского путешественника Э.-Д. Кларка (1769–1822), подготовленный Н. И. Храпуновым и Н. В. Гинькут. Кларк оставил одно из самых подробных и интересных описаний Крыма в эпоху после его первого присоединения к России. В данном отрывке речь идет о Бахчисарае, ставшем центром трех культур – мусульманской, христианской и караимской. Кларк не только подробно описал жизнь города в эпоху перемен, а также состояние его архитектурно-археологического наследия, но и использовал судьбу памятников как материал для политических и идеологических спекуляций.

Заключает сборник статья Д. В. Конкина и Н. И. Храпунова, авторы которой акцентируют внимание читателей на актуальных проблемах истории Крыма в Новое время и предлагают новые подходы к ее изучению. Констатируется, что изучение истории Крыма как пограничья на периферии великих держав подразумевает осознание «внутриимперских» процессов и сравнительный анализ с другими регионами. Важно отказаться от привычных объяснительных схем, воспользоваться теми методами и подходами, которые облегчат встраивание «малых» и «национальных» историй и сюжетов в общую историю полуострова, а также отыскать новых героев и новые сюжеты, которые позволят расширить спектр исторических реконструкций.

Надеемся, что этот сборник не останется единственным, а станет началом серии ежегодных изданий, посвященных ключевым проблемам истории Причерноморья в Новое время.

А. И. Айбабин, Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов

Религиозная политика империи

УДК 94:2:348.07

В. Г. Тур

*Российский государственный университет правосудия
Симферополь*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ ИНОСТРАННЫХ ИСПОВЕДАНИЙ КРЫМА В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Рассматривая вопрос о государственно-конфессиональных отношениях в России XIX в., следует их сопоставлять с ситуацией в Европе. Если в период Средневековья формирование государств шло по этническому признаку и во многом было взаимосвязано с установлением влияния той или иной религиозной конфессии в регионе, то уже в XVII–XIX вв., с началом буржуазных преобразований, непосредственно связанных с экономическими интересами, вопрос конфессиональный был поставлен в прямую зависимость от государственных интересов. В итоге между странами Западной Европы и Россией исторически оформились существенные различия в государственно-конфессиональной сфере деятельности.

Западноевропейские государства, в своем большинстве сформировавшиеся в рамках надгосударственного религиозного образования в лице Католической церкви, столкнулись с внутренними межконфессиональными проблемами только в период Возрождения, когда на арену выступили новые религиозные христианские учения, связанные с изменением мировоззрения населения. Прежде всего, это сформировавшиеся в ходе буржуазных преобразований протестантские течения. Стремление населения освободиться от папской опеки совпадало с укреплением влияния светских институтов, новых элит, опиравшихся идеологически на религиозные противоречия, приведшие к серьезным потрясениям: Тридцатилетней войне, Английской, а позднее, в определенной степени, и к Французской революциям. В то же время, распределение сил в Европе и осознание неизбежности того, что Католической церкви придется потесниться и даже пересмотреть свое отношение к вопросам

государственно-конфессиональных отношений, послужило причиной возникновения идей веротерпимости, впервые оформленных в трудах Джона Локка и получивших продолжение в произведениях Вольтера и других «вольномыслителей» XVII–XIX вв.

В конце XVII в. Джон Локк написал «Послание о веротерпимости», в основе которого лежал анализ проблем Англии, истощенной гражданской войной и в целом Европы, едва пережившей Тридцатилетнюю войну и борьбу с Османской империей [18, с. 91–134]. В работе акцент делался на достижении веротерпимости внутри христианского мира как необходимого условия «нравственной эволюции» Запада. Позднее идеи межконфессионального согласия прозвучали в трудах Вольтера «Трактат о терпимости» и «Философский словарь», опубликованных во второй половине XVIII в. [4; 5].

Вопрос веротерпимости касался, прежде всего, отношений между католицизмом и протестантскими общинами. Нельзя сказать, что идеи великих мыслителей своего времени так легко пробивали себе путь в Европе. Конкордат Наполеона с папой Пием VII 1801 г., по которому католицизм был объявлен религией большинства, а фактически государственной религией Франции, усиление влияния католицизма и активизация униатской церкви в Польше, превращение лютеранства и кальвинизма в доминирующие религии Германии второй половины XIX в. подчеркивали, что идея единства государства, нации и церкви оставалась доминирующей [19, с. 34–36]. Что же до иных религиозных течений, то они представляли собой некое исключение. В частности, иудаизм в различных течениях (ортодоксальный, консервативный, реформистский и др.) получил распространение в еврейских общинах Европы, но отношение к его последователям самих европейцев XVIII–XIX вв. оставалось предвзятым. В большинстве случаев иудеи были существенно ограничены в своих правах, и религиозные общины фактически сохранились только в Англии, получив разрешение на то Кромвеля, в Голландии и отдельных землях Германии, Польше. Например, в Австрии указ об изгнании евреев сохранял силу до 1848 г. Те из них, которые все же оставались в стране, не могли строить синагоги и даже читать молитвы с использованием Сефер-Торы. В Италии то небольшое их число, которое сохранилось в результате политики изгнания, должно было жить в гетто и носить на одежде отличительные знаки. Кратковременный период равноправия, которое иудеи получили в результате покорения Италии Наполеоном, завершился в 1799 г. В Германии, даже учитывая достаточно лояльное

отношение Бисмарка к евреям, получила известность его речь в прусском ландтаге (1847 г.). При обсуждении вопроса о предоставлении приверженцам иудаизма равных прав, он отметил: «Я желал бы, чтобы они пользовались всеми правами, кроме права на власть и на занятие правительственных постов» [16]. Оставалось терпимым отношение к православию, которое не имело существенного влияния в Западной Европе. Что же касается ислама или религиозных общин национальных меньшинств, неорелигий, то в XIX в. их права на свободное вероисповедание вообще игнорировались.

Традиционно вопрос о веротерпимости европейцев в отношении нехристиан возникал в связи с ростом колониального господства в регионах Ближнего Востока, Индии, Африки и др. Здесь борьба с исторически сложившимися традиционными религиями однозначно не позволила бы выстроить отношения с местными национальными элитами и закрепить свое политическое и экономическое влияние. Это, впрочем, не мешало созданию многочисленных католических миссий на территориях с доминирующим исламом или индуизмом.

Что же касается Российского государства, то оно унаследовало от средневековой Византии не только православие как цементирующий идеологический фактор, но и построение многоэтничного, многоконфессионального государства, для которого религиозная терпимость являлась основой его целостности и могущества¹. Находясь в центре Евразии, на пересечении культур Запада и Востока, у России не существовало иного пути развития. В отличие от Западной Европы, где государства были замкнуты в рамках одного или нескольких близких по культуре этносов, расширение границ в XVIII–XIX вв. требовало не только формирования веротерпимости как мировоззрения в обществе, но и закрепления ее законодательно. Причина, на наш взгляд, связана с тем, что Россия изначально, с момента своего формирования, рассматривала вновь присоединенные территории, окраины как единое целое в государстве, а не отдаленные покоренные колонии, полезные только как источники сырья и дешевой рабочей силы для развивающихся капиталистических отношений. Следовательно, и выстраивала здесь долговременные отношения, приспособлявая работу управленческого аппарата, законодательство к особенностям быта, культуры многочисленных народов, включая национальные меньшинства. Наиболее показательным в части государственно-

¹ Нетерпимость на рубеже XVIII–XIX веков, в силу ряда политических особенностей, проявлялась только в отношении раскольнических общин, противопоставлявших себя государственной Православной церкви.

конфессиональных отношений стал Крымский полуостров, вошедший в состав Российской империи в 1783 г.

Конфессиональная структура Крыма рубежа XVIII–XIX вв., то есть времени юридического оформления полуострова в составе Российского православного государства, остается малоизученной темой. В этот период закладываются основы особенностей государственно-конфессиональных отношений на территории приобретенного края. Причем, в отличие от исторических территорий России, в Крыму конфессиональная структура, как правило, накладывалась на этническую. Учитывая, что данное направление историко-юридических исследований требует глубокого анализа и осмысления документов, масштабного изучения, мы в данной публикации коснемся только некоторых аспектов проблемы.

К 1783 г. и в последующие десятилетия, на полуострове сформировалось десять основных этно-конфессиональных общин, в том числе наиболее крупные и влиятельные: мусульманская и греко-православная Константинопольского патриархата. Причем обе данные общины по составу, несмотря на некоторую этническую окраску, отражавшую исторические условия их формирования, в силу особенностей вероучения включали в себя представителей многочисленных народов, населявших полуостров.

Православная церковь в Крыму была представлена первоначально греческим населением, в меньшей степени потомками готов, болгарам и выкрестами, перешедшими в православие из других религий. Канонически была связана через Константинопольский патриархат с Русской Православной церковью. Потери христианского населения, связанные с выселением в 1778 г., постепенно возмещались в результате поощряемой греческой и болгарской эмиграции и расселения добровольцев, участвовавших в русско-турецких войнах на стороне Российской империи [34].

После ликвидации Готской епархии Константинопольского патриархата православные общины вошли в структуру Московской патриархии. Единство религиозных догматов и правил литургии беспрепятственно обеспечили религиозным общинам преимущества и защиту государства. Русская православная церковь подчеркивала свое единство с православным миром, крещение в Крыму и, как следствие, обосновывала историческую справедливость присоединения полуострова к России [38, с. 85–86]. Если в 1783 г. численность православных христиан составляла 27 412 чел., то к 1897 г. выросла до 269 487 человек (49,3 %) [31, с. 70; 36, с. 5].

Одновременно выделяется ряд религиозных организаций, имеющих четко выраженную этническую принадлежность. К их числу можно отнести Армянскую Апостольскую церковь, Армяно-Католическую, Иудейскую, Караимскую и Крымчакскую¹ общины. Католическая община была представлена преимущественно немцами, австрийцами, поляками и представителями других европейских народов. В связи с политикой активного переселения в Крым немцев и швейцарцев, весомую долю в конфессиональной структуре составили протестанты, представленные Евангельско-Лютеранской общиной и Реформаторами. Представители иных, более мелких религиозных течений в исследуемый период были столь малочисленны, что не влияли на культурное развитие края.

Первые статистические сведения по Крыму позволяют охарактеризовать соотношение населения по конфессиональному признаку. В городах и уездах Крымского полуострова, входившего в состав Таврической губернии, в 1803 г. насчитывалось около 188 тыс. жителей обоего пола, в том числе иноверцев – 88,8 %. Из их числа большинство – мусульмане (80,5 %). В 1849 г. численность населения, включая жителей г. Севастополя, как мы уже отмечали, несколько выросла за счет переселенцев и естественного прироста, составив 339 644 человека без учета военнотружущих гарнизонов [3, с. 92–110]. Процент иноверцев в соотношении снизился до 70,8 %. Из них по-прежнему доминирование сохраняется за мусульманами (66,7 %). Римско-католики (включая армяно-римско-католиков) составляли 0,6 %, лютеране и реформаторы из числа переселенцев-колонистов – 0,75 %, армяно-григориане – 1 %, караимы – 1 %. Последователи иудаизма, включая крымчаков, составляли 0,7 % населения [3, с. 215–216; 7, л. 5–7].

Существенные изменения в соотношении конфессионального состава Крыма произошли после эмиграции мусульманского населения в 1860–1863 гг. и потерь в результате Крымской войны. На 1 января 1866 г. численность населения Крыма составила более 225,5 тыс. человек [21, с. 270, 352]. В численности и процентном соотношении религиозных общин иностранно исповедания также произошли изменения. Процент иноверцев в целом снизился до 60,2 %. При этом римо-католики (включая армяно-католиков) составляли уже 1,9 %, лютеране и реформаторы – 2,9 %, армяно-григориане – 1,7 %, караимы – 3,3 % и последователи иудаизма,

¹ При переписях населения, учитывая конфессиональный состав, крымчаков считали вместе с иудеями.

включая крымчаков – 2,9 % населения. Число мусульман снизилось до 48,5 % [21, с. 356]¹.

В условиях численного преобладания верующих «иностранных исповедания» в Крыму, важной задачей российских властей было юридическое урегулирование отношений с влиятельными общинами «иноверцев». От разрешения данной проблемы зависела дальнейшая политическая ситуация и историческая судьба вновь приобретенной стратегически важной территории Таврики.

Первый шаг по урегулированию проблемы был сделан Екатериной II, которая в Манифесте от 8 апреля 1783 г. гарантировала охранять «храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно...» [25, № 15798]. Все последующие императоры продолжали веротерпимую политику на полуострове. Многочисленные акты, регулирующие государственно-конфессиональные отношения, изданные в XVIII – первой половине XIX вв., были собраны и систематизированы в отдельном томе Свода Законов Российской Империи в период правления Николая I [34]. В «Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных» подчеркивается, что «В Российском государстве свобода веры присваивается не только Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, и Магометанам, и язычникам» [33, ст. 3].

Одним из первых документов, регламентирующим устройство, например, мусульманской общины и ее отношение с государственной администрацией становится Указ от 23 января 1794 г. «О бытии в Таврической области магометанскому духовному правлению, под предводительством муфтия» [26, № 17174]. Указом устанавливалось содержание духовных лиц из государственной казны, утверждался в должности муфтий, однако подробная регламентация деятельности Магометанского духовного правления отсутствовала. В то же время муфтият сохранял право на вакуфы, обеспечивающие средства на содержание духовных учреждений. Только 23 декабря 1831 г. Николай I утвердил «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащем ведению его делах», где подробно излагались функции Таврического Магометанского Духовного Правления, его

¹ Приведенные нами цифры, основанные на материалах «Памятной книги...», несколько разнятся с приведенными в статье Р. А. Старченко [6]. Это связано с использованием разных источников, а главное, что в его работе в основу заложен анализ соотношения по этническому признаку, мы же провели расчеты по конфессиональному.

деятельность в рамках законов России и штат [6, л. 1–9; 13, л. 3, 29–30]. В структуре мусульманской общины сохранились суды кади, функции которых теперь ограничивались лишь решениями споров внутри общины (уммы) и решением дел в области брачно-семейных отношений и наследования.

Необходимо отметить, что данным актом деятельность муфтия и иных духовных лиц была полностью поставлены под контроль губернской администрации. Ярким примером является сам принцип выборов муфтия собранием, на котором кроме духовных лиц, мурз и депутатов волостей требовалось присутствие таврического гражданского губернатора, который открывал собрание, члена губернского правительства, губернского прокурора и предводителя дворянства. С результатами выборов трех кандидатов на должность муфтия, прилагаемыми послужными списками и мнением губернского начальства, главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий знакомил императора. Только после этого один из кандидатов утверждался в звании «Высочайшим» именным указом. Аналогично под контролем чиновников более низкого ранга проходили выборы на иные духовные должности. Учитывая, что постоянный и непосредственный контакт с прихожанами осуществляли муллы, имперские власти наиболее внимательно контролировали их деятельность. Кроме выборов и утверждения в должности на уровне губернатора, обязательной присяги на верность императору, оговаривалось, что муллами могли быть только выходцы из таврического магометанского духовенства, «по происхождению из его состояния», что не позволяло проникнуть в данную среду лицам из соседних кавказских регионов или Османского государства [6]. Особо оговаривалась численность мулл при мечетях из расчета один мулла на 200–1500 верующих мужского пола, имеющих образование не ниже гимназии и в возрасте не моложе 22 лет [37, с. 103].

Таким образом, в состав мусульманского духовенства попадали только лица лояльные российской власти. В целом же Положение обеспечивало законность полицейского контроля деятельности мусульманской общины со стороны губернских чиновников. В более поздних вариантах Положений 1857 и 1897 гг. принципиальных изменений не последовало, за исключением требования к кандидатам на выборные должности в части знания русского языка. Кроме указанных документов, Строительным уставом 1836 г. подробно регламентировалось сооружение мечетей. Предусматривался порядок утверждения проектов, минимальная численность прихожан для

получения разрешения, место и расстояние от жилых и культовых построек [32, л. 27–28].

С другой стороны, контроль за деятельностью духовных мусульманских учреждений, который мог вызвать недовольство, компенсировался их содержанием, включая довольно крупные должностные оклады священнослужителей из государственной казны, освобождением от налогов и существенными льготами в области налогообложения в целом всех «таврических мусульман» [39].

Говоря о католических общинах Крыма, которые существовали на полуострове на момент его присоединения к России, следует отметить, что таковой являлась только армяно-католическая, которая требовала адаптации к правовой системе Российской империи. Миссия ордена иезуитов была ликвидирована еще в 1740 г. [20, с. 466–467]. Кроме армяно-католиков, остальные представители католического сообщества появились на полуострове в процессе его освоения при Екатерине II и ее преемниках. После восстаний в Польше 1830–1860-х гг. в Крыму число католиков выросло за счет ссыльных или беглых поляков.

Стремление российского правительства расширять контакты со странами Европы определяло терпимое отношение к католическим религиозным общинам в империи. Манифестом Екатерины II от 30 октября 1794 г. католики получили права на неограниченное публичное вероисповедание и законное владение своим имуществом. Как и в большинстве конфессий иностранных вероисповеданий, священники содержались за счет государственных средств и обязались давать присягу на верность и подданническое повиновение [26, № 17264].

Однако национально-освободительное движение в Польше, поддержанное католическими священниками, изменило ситуацию в сторону ужесточения контроля государства за деятельностью российской католической церкви и сокращения ее контактов с Римской курией. С целью ослабления влияния папы на российские католические общины в 1782 г. была открыта Белорусская (Могилевская) католическая архиепископия во главе с С. Сестренцевичем, при котором учреждалась консистория. Под давлением России папа 10 декабря 1783 г. был вынужден возвести С. Сестренцевича в ранг архиепископа, а позднее – в сан митрополита. В 1798 г. был утвержден «Регламент для церквей и монастырей римо-католического исповедания в России», которым они были переподчинены архиереям, что противоречило правилам римо-католической церкви [28, № 18733, 18734]. Немногочисленные католические общины Таврической губернии не имели своего центра и были оторваны от непосредственного влияния митрополии. Только при Николае I Риму

удается добиться от российских властей учреждения новой епископской кафедры с центром в Херсоне, которая должна была объединить многочисленные католические общины немецких колонистов, сосредоточенных в Саратовской, Новороссийской и Таврической губерниях, Бесарабии и на Кавказе. Однако открытие кафедры в Херсоне вызвало бурное противодействие православного архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, опасавшегося усиления католического влияния в регионе. Ему удалось добиться переноса кафедры католического епископа в небольшой городок Тирасполь, где, как оказалось, отсутствовал даже католический приход.

Назначение первого Херсонского (Тираспольского) епископа Фердинанда Кана произошло 20 (или 24) мая 1850 г. с согласия российского императора. При этом им была принесена архиерейская присяга, обычная для имперской России, когда главой религиозной общины в целом признавался правитель государства. Осенью 1852 г. понтифик официально переименовал епархию в Тираспольскую, но ее центром городок так и не стал. Ф. Кан для устройства епископской кафедры избрал город Саратов, где существовали крупная немецкая и польская католические общины [15; 17]. В то же время определенное недоверие к римско-католическому духовенству сохранялось. Это следует из ст. 47 «Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных». Отмечалось, что «никакие буллы, послания и наставления Римского Двора не могут быть приводимы в действие в Империи, Царстве Польском и Великом Княжестве Финляндском без Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, испрашиваемого Министром Внутренних Дел по предварительному удостоверению, что сии акты не заключают в себе ничего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной Самодержавной Власти». Все епархиальные управления, а также кафедральное, приходское, монастырское и служащее в разных частях гражданского, военного и морского управления духовенство римско-католического исповедания получали содержание из государственного казначейства, и из процентов особого, в ведении Министра Внутренних Дел состоящего, капитала, по штатам и другим положениям, «сообразно с потребностями места и лиц и приличное сану и степени каждого». На должности назначались только российскоподданные, получившие соответствующее богословское образование, а в ряде случаев и ученую степень [33, ст. 49, 91]. Интересно, что в разделе «О управлении духовных дел христиан Римско-католического

исповедания» было подчеркнуто, что «...лицам Римско-Католического духовенства строго запрещено в своих поучениях, произносимых в церквях, касаться предметов политических, даже в общих выражениях, или издавать сочинения о делах политических и особенно об относящихся до внутреннего государственного правления» [33, ст. 54]. Католические монастыри не могли использовать земли, населенные крепостными иного вероисповедания, а духовенству было запрещено пересылать за границу свои сбережения из полученных доходов [33, ст. 91, 112].

В то же время, аналогично с православными и мусульманами, римско-католические священнослужители получили широкие полномочия в судебной практике. В их ведении были не только дела внутрицерковные, они также рассматривали жалобы на духовных и светских лиц, если таковые поступали в Консисторию, решали спорные дела между духовными лицами, касающиеся движимых или недвижимых имуществ, в отношении светских лиц – семейно-брачные дела и прочие. Если же рассматриваемое дело выходило за пределы полномочий и рамки предусмотренных уставом наказаний церковных и морально-нравственных, то оно передавалось в светский суд с обязательным участием в процессе депутата от римо-католического духовенства [33, ст. 60, 64].

Армяно-католики Крыма были подчинены российским католическим иерархам латинского обряда. Еще в 1778 г. вместе с другими христианами они покинули Крымский полуостров [39, с. 486]. Высочайшей Грамотой от 14 ноября 1779 г. [23, № 14943] им были предоставлены широкие льготы при размещении в г. Новомосковске Екатеринославской губернии и иных местах компактного проживания. Этим же актом предписывалось «...учредить Ратушу, которую назвать Католическим Судом». В 178 г. был создан Новомосковский Римского закона суд. Таким образом, армяно-католическая община получила право «...в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям выбираемыми из вас по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской Губернии, и быть под апелляцией Наместнического Правления» [30, с. 278]. Однако уже в 1787 г. большинство армяно-католических семей вместе с православными греками и прихожанами Армянской Апостольской церкви получили официальное разрешение от правителя Таврической области Г. А. Потемкина вернуться в Крым. Из рапорта «Новомосковского римского закона суда» от 15 сентября 1789 г. следует, что указом Екатеринославского наместнического правления «...велено оному суду жительствоющих в

г. Новомосковске армян переселить в Таврическую область» [8, л. 1, 59–64]. Общая численность переселенцев составила 796 человек, из них католиков 348. К 1800 г. численность Карасубазарской армяно-католической общины выросла до 1100 человек, а к концу XIX в. насчитывала около 11 тыс. человек [22, с. 116].

Переселенцы, вернувшиеся на родину, были размещены в Карасубазаре, где был учрежден Армянский магистрат и Суд римско-католического закона [25, № 15.700]. Оба учреждения выполняли роль органов самоуправления. В частности, Карасубазарский римско-католический суд с момента его открытия находился в прямом подчинении Таврического областного правления и Таврической казенной палаты, что наделяло его особым статусом. Члены магистрата и суда содержались из казны государства, в отличие от аналогичного учреждения армяно-григориан в Старом Крыму. Актом от 12 июня 1800 г. (№ 2974) предписывалось, что «...города Карасубазара жителей римско-католического закона купцов и мещан на основании высочайшей грамоты от покойной государыни императрицы Екатерины II в 14 день ноября 1779 г. на разные права и преимущества им пожалованной и Его Императорским Величеством в 18 день апреля 1800 г. утвержденной... под ведением и правлением сего суда находиться, который один имеет над ними во всем свои распоряжения, не входил никто из прочих тамошних жителей греческого, татарского, еврейского и другого звания в их дела...и к повинностям не привлекались» [9, л. 11–12]. Армяно-католическая община, подведомственная Карасубазарскому римско-католическому суду, таким образом, получала обширные привилегии. Однако льготы на выплату податей и отправление повинностей распространялись на «людей, причислившихся к Карасубазарскому армяно-католическому закону обществу до 30 января 1804 г.», что следует из доклада на Государственном Совете министра юстиции графа В. Н. Панина от 9 сентября 1852 г. [10, л. 1–2]. Кроме судебных функций, данное учреждение наделялось правом выдачи свидетельств на право торговли и промыслов, билетов на торговые и промышленные заведения купцам и мещанам армяно-католического вероисповедания, а также паспортов для выезда из области сроком до года. Отчеты предоставлялись в Губернскую канцелярию. К области фискальной деятельности суда относился сбор налогов и податей, предусмотренных законом [11, л. 106].

Таким образом, армяно-католики Крыма, как и таврические мусульмане, получили право иметь органы самоуправления, которые во многом регламентировали деятельность общины. Уже в 1793 г.

армяно-католики Карасубазара соорудили деревянную церковь, а в 1810 г. на берегу реки Карасу zaloжили каменный храм во имя Св. Георгия, построив его за три года.

Армяно-григорианской общине (Армянская Апостольская церковь) во время переселения в 1778 г. также были выделены земли в районе Екатеринослава. Тем не менее из-за малопригодности земель к ведению традиционного хозяйства они массово переселились в низовья Дона, основав там город Нор-Нахичеван. В последующем часть армяно-григориан, как и армяно-католиков, возвратились в Крым. Центром их заселения в начале XIX в. становится г. Старый Крым. Рядом находилась и святыня армян – древний монастырь Сурб-Хач. К середине XIX в. численность армяно-григорианской общины увеличилась до 4 тыс. человек. Старокрымская община пользовалась правом внутреннего самоуправления, предоставленного грамотами 1779 и 1799 гг. Учитывая, что среди армянского населения Таврической губернии значительное число составляли ремесленники и купцы, со временем армяно-григориане расселяются по наиболее крупным городам Крыма, прежде всего, в Феодосии, Евпатории и Симферополе.

С 1812 г. в Крыму была учреждена должность наместника католикоса всех армян, а сама община включена в состав Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархии [33, ст. 961]. Но уже в 1842 г. вместо наместника католикоса в Крыму вводится должность Главного попечителя крымских армянских церквей.

В Старом Крыму 28 июля 1808 г. в соответствии с грамотой Павла I, по аналогу с Карасубазаром, также была открыта армянская городская ратуша. Это позволило «учредить собственный армянский суд под именем магистрата, и в нем рассматривать и решать дела тяжёбые и исковые на армянском языке по прежним народа сего правам и обыкновениям...» [28, № 19168]. Деятельность членов ратуши осуществлялась на общественных началах. Из средств общины оплачивалась лишь работа писаря, двух канцелярских служащих, рассыльного и сторожа.

Армяно-григорианская и армяно-католическая ратуши являлись органами внутреннего самоуправления. Правомочность ратуш и судов ограничивалась лишь обществами в Старом Крыму и Карасубазаре. Она не распространялась на армянские общины, возникшие в других городах Крыма. Таким образом, самые крупные общины армяно-григориан и армяно-католиков Крыма в местах их компактного проживания, как и Таврические мусульмане, получили право иметь

органы самоуправления, которые во многом регламентировали деятельность общины.

В части межконфессиональных отношений между двумя армянскими общинами следует упомянуть о группе документов, относящихся к 1793 г. Прежде всего, это переписка Иосифа, архиепископа всех армян Апостольской церкви в России, с чиновниками различных рангов. Основная задача этих писем – добиться поддержки государственного аппарата в вопросе недопущения принятия католицизма армянами Апостольской церкви. В письмах отмечается расширяющаяся практика перехода армян из Апостольской церкви в армяно-католическую и требование – препятствовать этим тенденциям, вплоть до высылки за пределы Крыма лиц, принявших католицизм [12].

В результате переселенческой политики в первой половине XIX в. конфессиональный состав Крыма пополнился протестантскими общинами евангельско-лютеранской и реформаторской церквей, которые в основном были представлены колонистами из Германии и Швейцарии. Пользуясь значительными экономическими льготами от российского правительства, правом на самоуправление, освобождением от рекрутской повинности и иными преимуществами, им удалось создать целый ряд преуспевающих хозяйств. В Манифесте от 13 февраля 1798 г. «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» подчеркивалось, что «Всем переселенцам, какого бы закона ни были, дозволяется в городах и селах строить храмы и церкви для Богослужения по обряду каждой религии, заводить школы и училища для наставления юношества...» [28, № 18373]. Вопреки пожеланию Екатерины II заселить, прежде всего, города Феодосию и Евпаторию, переселенцы предпочли районы предгорья и побережья. Возникло восемь колоний в Симферопольском (Нейзац, Фриденталь, Розенталь, Кроненталь) и Феодосийском (Гейльбрун, Судак, Герценберг, Цюрихталь) уездах.

В то же время, в отличие от других конфессий, протестанты не имели на полуострове этнических корней и не могли претендовать на какие-либо преимущества в религиозной сфере. Деятельность религиозных общин колонистов регулировалась «Уставом Евангелическо-лютеранской церкви» и Постановлением «О управлении духовных дел Евангелическо-Реформатских обществ» [33]. Таврические приходы входили в округ Санкт-Петербургской Консistorии [33, ст. 434]. Что до выборных в общинах проповедников, то они пользовались правами личного дворянства, но

могли быть только из подданных Российского государства, принявших соответствующую присягу.

Общины реформаторской церкви, в соответствии с Постановлением, были подчинены Виленскому Евангелическо-Реформаторскому Синоду и Коллегии. Пасторы и старосты общин были выборными и пользовались более широкой внутрицерковной самостоятельностью [33, ст. 795–800].

Протестантские институты наряду с самоуправлением получили право суда по делам внутриконфессиональным, семейно-брачным и иным вопросам морально-этических отношений в общине. В Уставе была выделена глава 8 «О судопроизводстве в Консисториях», в которой подробно дается перечень преступлений и нарушений, которые могут рассматривать комиссии, уточняется, какие дела передаются в присутственные места, подробно расписаны процессуальные нормы ведения следствия и суда как по внутрицерковным делам, так и частным заявлениям и жалобам.

В то же время протестантским проповедникам и пасторам, аналогично духовенству католическому, предписывалось «...в речах своих всемерно избегать неуместных рассуждений о предметах, не касающихся религии, особенно же о современных политических происшествиях и принимаемых по оным правительством мерах, и не позволять себе никаких укоризненных выражений насчет других вер и народов...» [33, ст. 675]. Духовным и светским лицам из числа протестантских общин предписывалось, чтобы «...не позволяли себе нарушать, каким бы то ни было образом, доброго согласия с прочими, в государстве свободно существующими, религиями...» [33, ст. 670].

Иудаизм в Крыму был представлен тремя основными этноконфессиональными группами: евреями, исповедующими традиционный иудаизм раввинистской ветви, крымчаками и караимами. Первая группа евреев-раввинистов на протяжении веков сформировалась из переселенцев, прежде всего из Европы. После присоединения полуострова к России община пополнилась за счет т. н. «польских евреев». Второй группой являлись крымчаки – субэтническая тюркоязычная группа, которая также исповедовала иудаизм раввинистского толка. Крымчакская община имела в Крыму более древние корни, сформировалась из многочисленных переселенцев. В отличие от традиционного иудаизма имела общий для крымских общин молитвенник, получивший название «молитвенник ритуала Кафы». Представители обеих общин проживали, как правило, в городах. Но крымчакская община в основном была сосредоточена в Карасубазаре. Несмотря на многие

общие черты как в происхождении, так и религиозной догматике, данные общины, как правило, не смешивались. В то же время в Российском государстве различий между ними не делалось. Обе общины попадали под действие «Положения о евреях», утвержденного 13 апреля 1835 г. [24, № 8054]. Роль крымчакской общины как некоего единого социального организма в конце XVIII – XIX вв. разрушается. В Карасубазаре, где была сосредоточена основная часть крымчаков, было учреждено «Карасубазарское еврейское мещанское общество» представленное в городской ратуше бургомистром и ратманом [1, с. 82]. Попытки получить привилегии крымчакской общине, по образцу караимов, завершились неудачей, и они оставались в равных правах с иудеями-раввинистами, в основном выходцами из Польши, несмотря на различия в языке и элементах культа [1, с. 87–89]. В отличие от иудеев-раввинистов, более крупной общине караимов удалось добиться от российских властей признания их отличия от иных групп, исповедующих иудаизм. При этом одним из основных аргументов являлся факт непризнания Талмуда. 8 июня 1795 г. Екатерина II освободила караимов, число которых к этому времени достигало 2400 человек, от уплаты наложенного на евреев налога и разрешила приобретение земельной собственности. В частности, они были освобождены от сбора рекрутских денег, и им был облегчен постой [26, № 17340]. Кроме того, в указе предписывалось четко отделять караимов от евреев. Неравенство перед законом положило начало процессу отчуждения между общинами, которые были близки по вере. В 1827 г. караимы Крыма были освобождены от воинской повинности. Всего к середине XIX в. в Таврической губернии уже проживало около 5 тыс. караимов. По аналогии с крымскими мусульманами было создано Таврическое караимское духовное правление во главе с гахамом. 8 апреля 1863 г. был принят новый закон, в котором оговаривалось, что «караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит» [29]. Несмотря на различия, следует отметить, что в вопросах вероисповедания и культовой практики евреи-раввинисты, крымчаки и караимы не имели ограничений наряду с иными конфессиями, пользовались равными правами с иными религиозными общинами иностранных вероисповеданий, что определялось законодательством [33, ст. 1060–1116].

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на то, что Свод законов Российской империи содержал более тысячи статей,

охранявших права «первенствующей» Православной церкви, после присоединения Крыма к России правительство проводило в Таврической области, а позже – губернии, гибкую этно-конфессиональную политику в отношении преобладавших по численности «иноверцев». Екатерина II строго придерживалась данных обязательств сохранять веру и храмы жителей Крыма. С этой целью для мусульман и караимов учреждались Духовные правления, для армянских этно-религиозных общин – магистраты. Перечисленные структуры наделялись многочисленными функциями, включая даже судебное производство в рамках семейно-брачных отношений и вопросах наследования. Католические и протестантские общины, имевшие центры за пределами полуострова, также имели ряд привилегий, оговоренных законодательством. Священнослужители крупнейших общин находились на государственном обеспечении или им предоставлялись льготы в рамках социального положения. Фактически в вопросах права на свободу вероисповедания и осуществления культа между религиозными организациями иностранного исповедания различий не существовало. Правительство России в Крыму демонстрировало религиозную терпимость и толерантность.

Со своей стороны императорская власть требовала от священнослужителей присягу на верность, строгого подчинения государственным учреждениям и осуществляла всесторонний контроль за деятельностью религиозных организаций, регламентировала порядок выборов, отчетность и даже переписку. Следует подчеркнуть, что благодаря столь продуманной российской политике в религиозной сфере, на протяжении XIX в. в Крыму фактически отсутствовали как межконфессиональные, так и государственно-конфессиональные конфликты. Если таковые и возникали, то были связаны с социальными или внешнеполитическими событиями, но без религиозной составляющей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь: ДАР, 2000. 192 с., ил.
2. Богословский К. Государственное положение римо-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени. Харьков, 1898. Отдельные оттиски из журнала «Вера и разум» за 1898 г. 200 с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XI. Часть 2. Таврическая губерния. СПб., 1849. 298 с.
4. Вольтер Ф.-М. Трактат о терпимости / Серия «Великие идеи». М.: Эксмо-Пресс, 2016. 128 с.

5. Вольтер Ф.-М. Статьи из «Философского словаря» // Вольтер. Философские сочинения. Пер. с фр. / Ин-т философии. М.: Наука, 1996. 560 с. (Памятники философской мысли).
6. ГАРК. Ф. 26. Канцелярия Таврического Губернатора. 1803–1917 гг. Оп. 1. Д. 7376. 10 л.
7. ГАРК. Ф. 26. Канцелярия Таврического губернатора. 1803–1917 гг. Оп. 1. Д. 15040. О доставлении в Министерство Внутренних Дел ведомости о магометанах за 1845 год. 7 л.
8. ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 191. Дело о переселении армян. 354 л.
9. ГАРК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 51. О пожалованных Карасубазарскому обществу привилегий на право преимущества города Карасубазара. 29 л.
10. ГАРК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 340. Дело о представлении в Таврическую Казенную палату именного списка всех мещан-армян, причисленных в ведомство Карасубазарского римско-католического суда до 1804 г. 9 л.
11. ГАРК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 293. Материалы о работе римско-католического суда за 1864 г. 129 л.
12. ГАРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления. Оп. 1. Д. 323. О запрещении армянам переходить в католичество. 28 л.
13. ГАРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления. Оп. 1. Д. 445. О защите и охране лиц и имущества древних обитателей Тавриды (татар и др. наций) и об учреждении комиссии для разбора старинных земельных дел. 15 сентября 1796 – 15 января 1800 г. 45 л.
14. Державин Н. Болгарские колонии Новороссийского края. Херсонская и Таврическая губернии // ИТУАК. Симферополь, 1907. № 41. С. 1–237.
15. Кумор Б. Российский конкордат от 3 августа 1847 г. и создание Тираспольской епархии // Чаплинский Б. История церкви в России. СПб., 2000. С. 124–128.
16. Лебедев Н. Был ли Бисмарк антисемитом? [Электронный ресурс] // История. 06.04.2015/Jewish.ru.URL:<http://www.jewish.ru/history/hatred/2015/04/news994328659.php> (дата обращения 15.07.2016).
17. Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелически-лютеранская церковь в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): Дис. д-ра истор. наук. Саратов., 2005. 488 с.
18. Локк Дж. Послание о веротерпимости. 1686 // Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с. (Филос. наследие. Т. 103). С. 91–134.
19. Патрушев А. И. Германские канцлеры: от Бисмарка до Меркель. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 432 с.
20. Мурзакевич Н. Н. Пребывание иезуитов в Крыму // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 466–467.
21. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Симферополь, 1867. Вып. 1. 125 с.
22. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Симферополь, 1897. 208 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. СПб., 1835. 351 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XX. С 1775 по 1780 гг. СПб., 1830. 1046 с.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. СПб., 1835. 351 с.

26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXI. С 1781 по 1783 гг. СПб., 1830. 1084 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796 гг. СПб., 1830. 127 с.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIV. С 6 ноября 1796 по 1798 гг. СПб., 1830. 870 с.
29. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXV. С 1798 по 1799 гг. СПб., 1830. 933 с.
30. Прохоров Д. А. Караимское население Таврической губернии в конце XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс] // Таврические студии. Вып. 1. 2011. Крымский университет культуры, искусств и туризма. URL: <http://kukiit.ru/docs/ts/no1/20.pdf> (дата обращения 15.07.2016)
31. Ревин К. И. Возникновение и деятельность Карасубазарского римско-католического суда // Кримський юридичний вісник. 2010. № 1(8). Ч. 2. С. 277–286.
32. Родионов М. Статистико-хронологическое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. Симферополь, 1872. 269 с.
33. РГИА. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 8. (1833–1914 гг.). Иудейское и магометанское исповедание. Д. 743. Л. 27–28.
34. Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. 264 с.
35. Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы. Исторический очерк // ЗООИД. Одесса. Т. 1. 1844. С. 205–236.
36. Старченко Р. А. Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX веках // Журнал Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Выпуск № 6. Т. 19. С. 38–41.
37. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 368 с.
38. Тур В. Г. Православные монастыри Крыма. К.: Стилос, 2006. 245 с.
39. Тур В. Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 502–522.
40. Тур В. Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII века // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 561–572.
41. Щеголева Т. Караимы Крыма: история и современное состояние общины [Электронный ресурс] // Евреи Евразии. Журнал. № 1 (8) Январь – Март 2005. Тевет – Адар / Библиотека. URL: <http://library.eajc.org/page66/news13445> (дата обращения 15.07.2016).
42. Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения): информационно-справочное пособие / Авт.-сост. А. С. Петроградская. Симферополь: АнтикВА, 2007. 20 с. 5 карт.

В. Г. Тур

Религиозные общины иностранных исповеданий Крыма в правовом поле России первой половины XIX в.

Резюме

В статье проведен анализ статистических источников, отражающих численность и состав религиозных общин Крыма в первой половине XIX века, дана характеристика юридическим актам, определяющим их правовое положение. Раскрыты причины и сделаны выводы о характерной для Российской империи веротерпимой политике в государстве.

Ключевые слова: Россия, Крым, религиозные организации, правовое положение.

V. G. Tur

Religious Communities of Foreign Confessions in the Crimea within the Legal Map of Russia in the First Half of the Nineteenth Century

Summary

The article analyzes statistical sources, reflecting the number and composition of religious communities in the Crimea in the first half of the nineteenth century, and characterizes legal acts, which determining their legal status. The reasons of the Russian Empire's tolerant religious policy have been uncovered, and the conclusion of its typicality has been made.

Keywords: Russia, Crimea, religious organizations, legal status.

УДК 93/94:262.1(=512.19):323.1(470)"17/18"

З. З. ХАЙРЕДИНОВА

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРИОД
ВКЛЮЧЕНИЯ КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)¹**

Вопросы правового регулирования сословных групп в последние десятилетия стали объектом пристального внимания исследователей. Так, в исторической литературе много внимания уделяли регулированию прав и обязанностей, например, купечества или дворянства. Среди работ, посвященных взаимоотношению Российского государства с мусульманским духовенством империи, в частности, с крымскими мусульманами, следует выделить исследования Д. Ю. Арапова [1].

В вопросе регулирования взаимоотношений правительства с местным населением Таврической губернии большое значение отводилось мусульманскому духовенству. В правительстве отчетливо понимали, насколько важна роль религиозных служителей в повседневной жизни крымских татар. Статус мусульманского духовенства в Крыму, впрочем, как и всего мусульманского населения полуострова после его включения в состав России, определялся законодательной базой, утверждавшейся российским правительством и получившей отражение на страницах «Полного собрания законов Российской империи». В целом следует констатировать, что вопрос формирования законодательной базы, регулирующей статус и положение всего мусульманского населения Крыма, решался медленно и болезненно.

Важнейшим документом, регулировавшим положение мусульманского духовенства, стал манифест Екатерины II от 8 апреля

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

1783 г. (№ 15708) «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу». В этом документе государство обещало местным жителям «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру» [2]. Позже в указе, данном новороссийскому генерал-губернатору князю Г. А. Потемкину от 28 июня 1783 г. (№ 15798) «О принятии Крымских жителей и прочих татарских народов в Российское подданство», говорилось, что необходимо «определить надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела» [3]. Эти два документа можно считать отправной точкой в процессе развития законодательной базы, касавшейся регулирования положения крымскотатарского населения, в частности, мусульманского духовенства.

В первые годы после присоединения Крыма к России царское правительство приняло еще ряд законодательных документов, призванных урегулировать положение высшего мусульманского духовенства. Так, 24 апреля 1784 г. был подписан именной указ (№ 15988) князю Г. А. Потемкину «О распоряжениях для открытия в Таврической области, об определении в сию область к должностям жителей оной и об употреблении из штатных сумм на присутственные места и другие заведения по употреблении надобности в оных» [4]. Данный документ переутверждал в должностях главу мусульманского духовенства муфтия Мусалар эфенди и кади-аскера Сеит Мегмет эфенди. Указ устанавливал из местных доходов жалованье муфтию в размере 2 000 рублей в год, а кади-аскеру – 1 500 рублей в год.

Еще один указ был подписан 23 января 1794 г. уже после смерти в 1791 году муфтия Мусалар эфенди [5]. Именной указ (№ 17174) екатеринославскому и таврическому генерал-губернатору графу П. А. Зубову «О бытии в Таврической области Магометанскому Духовному Правлению под председательством Муфтия» утверждал в должности нового муфтия Сеит Мегмета эфенди, кандидатуру которого предложил правитель Таврической области. По-видимому, по причине нежелания новшествами дестабилизировать обстановку в регионе, царское правительство предпочло не устранять традиционную в мусульманской общине Крыма должность кади-аскера. Почетный пост был сохранен, и, по всей видимости, новым кадиаскером был назначен Абдураим эфенди. Кроме того, в помощь крымским муфтию и кади-аскеру были назначены пять членов духовной консистории на малопонятные должности «эфендиев». Согласно этому же указу, таврическому муфтию подтверждалось теперь уже казенное жалованье в размере 2 000 рублей в год, а

жалование кади-аскеру было существенно снижено и составило сумму 500 рублей. Таким образом, указом были утверждены муфтий, кади-аскер и пять эфендиев, которые составили Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП). Однако фактически данный институт лишь номинально присутствовал в повседневной практике жителей Крыма, полномочия и порядок действия ТМДП определены не были.

30 ноября 1806 г. был утвержден сенатский указ № 22376, разрешавший принимать в статскую службу татар духовного звания, не состоящих в окладе [6]. В указе, в частности, говорилось: «... Сенат на принятие в статскую службу татар из духовного звания, в окладе несостоящих, не находя никакого препятствия, полагает повсеместно принимать и определять их к делам на общем о канцелярских служителях положении...» [7]. В 1808 году был принят ряд законодательных актов, касавшихся учреждения крымскотатарских полков, определения жалования чиновникам этих новообразованных воинских формирований. Наряду с данными указами, следует отметить и принятый 20 ноября 1808 г. указ «О назначении в татарских полках, сформированных из крымских татар, по одному Мулле» (№ 23362), который определял назначенным в крымскотатарские полки муллам жалование (126 руб. в год ассигнациями). Кроме того, предписывалось «в мечетные же служители определять из татар рядовых по одному в полк» [8].

Следующим важным документом, касавшимся мусульманского права наследования, явилось утвержденное 2 июня 1826 г. мнение Государственного Совета «О допущении раздела имений, оставшихся после магометан по их закону» (№ 386) [9]. 31 августа 1826 г. под № 564 был принят указ «О запрещении магометанскому духовенству заниматься торговыми промыслами без записки в установленные разряды Таврического магометанского духовенства, по выбытии из сего звания, впредь до обложения податями» [10]. После предварительного исследования данного вопроса управляющим Духовными делами иностранных исповеданий было принято решение, что таврическое мусульманское духовенство по «общим законам», «и даже по собственному закону», не может заниматься торговлей. Те, кто пожелал заниматься торговлей, должны были уволиться из «духовного звания» и записаться, на основании общих законов, в «торговые разряды», и, соответственно, платить повинности этих разрядов. Однако и эта норма указом была приостановлена «впредь до обложения татар податями» [11].

Следующим важным документом, касавшимся мусульманского духовенства, стал указ, регулирующий порядок избрания и

утверждения кадиев в Крыму, утвержденный Комитетом Министров 23 ноября 1826 года (№ 690) «О порядке определения Кадиев в Крыму» [12]. Этот документ, между прочим, излагал и функциональные обязанности таврического муфтия и кади-аскера. По этим правилам именно они представляли губернатору список из нескольких кандидатов на должность уездного кадия. Губернатор назначал дату выборов в уездном центре, где население нуждалось в услугах кадия. Принимать участие в выборах имели право мурзы во главе с уездным предводителем дворянства, волостные головы и по одному или два депутата от жителей каждой деревни. Собрание могло предложить и двух своих кандидатов. Сам процесс избрания проходил под контролем специально назначенного чиновника. Со своей стороны губернатор готовил соответствующий список с указанием отданных за того или иного кандидата голосов. Этот документ позже представлялся на рассмотрение министра внутренних дел с развернутым мнением самого губернатора.

Вскоре появился и другой, не менее важный документ, напрямую касавшийся функциональных обязанностей мусульманского правления Крыма. Так, 22 марта 1829 г. был подписан указ «О вакуфских в Крыму имениях», который регламентировал систему вакуфной собственности в регионе. В частности, он разъяснял общие правила о вакуфах и разъединял понятия о духовном и частном вакуфах [13]. Как известно, вакуфы в Крыму являлись «неприкосновенною собственностью Магометанского Духовенства» и находились в попечении муфтия и духовного магометанского правления, которые несли ответственность перед Главным управлением Духовными делами иностранных исповеданий. Однако к моменту принятия указа Таврическое магометанское духовное правление еще не было сформировано и фактически не имело четких руководящих полномочий.

13 мая 1830 г. за № 3659 был принят указ «О неотступлении от общих правил при погребении магометан». В нем приводится мнение таврического муфтия Сеит Джемиль эфенди о правилах погребения мусульман в Крыму. Опираясь на мусульманское законодательство в этом вопросе, муфтий подтвердил, что погребение умерших полагалось производить в день смерти. Следует отметить, что принимаемые правительством законодательные акты постепенно утверждали мусульманские традиции в правовом поле Российской империи [14].

В полной мере вся законодательная база, касавшаяся положения мусульманского духовенства, отразилась в «Положении о

Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах». Оно было подписано 23 декабря 1831 года «№ 5033) [15]. «Положение...» условно можно разделить на две части. В нем говорилось как о таврическом магометанском духовенстве в целом, так и о Таврическом магометанском духовном правлении как органе мусульманского управления, в частности.

Таким образом, исследуя законодательную базу Российского правительства, касавшуюся положения крымскотатарского духовенства в конце XVIII – начале XIX века, можно сделать следующие выводы: во-первых, мусульманское духовенство после присоединения Крыма к России оставалось на прежних основаниях, во-вторых, постепенно регулировался статус мусульманского духовенства, определялись права и обязанности данного сословия, и, наконец, в-третьих, с утверждением «Положения о магометанском духовенстве...» четко определялись направления деятельности органа мусульманского самоуправления крымских татар – Таврического магометанского духовного правления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. 366 с.; Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М.: Изд-во МГУ, 2004. 287 с.; Арапов Д. Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.): Сборник материалов. Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 480 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 21. № 15708.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 21. № 15798.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 22. № 15998.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 23. № 17174.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 29. № 22376.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 29. № 22376.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 30. № 22362.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1. № 386.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1. № 564.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1. № 564.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1. № 690.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 4. № 761.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 5. № 3659.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 6. № 5033.

З. З. Хайрединова

Правовое регулирование статуса крымскотатарского духовенства в период включения Крыма в состав России (конец XVIII – первая половина XIX вв.)

Резюме

В статье рассмотрен основной комплекс законодательных документов, регулирующих статус и положение крымскотатарского духовенства в конце XVIII – первой половине XIX века. Постепенная интеграция мусульманского духовенства Крыма в правовой, социальное и экономическое пространство Российской империи привела к принятию «Положения о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах». Данный документ позволил законодательно утвердить мусульманское духовенство Крыма в сословной структуре Российской империи.

Ключевые слова: законы Российской империи, мусульманское духовенство Крыма, крымские татары, сословия, крымскотатарское население

Z. Z. Khairedinova

Legal Regulation of the Crimean Tatar Clergy Status under the Crimea's Joining Russia (Late Eighteenth to the First Half of the Nineteenth Centuries)

Summary

The article discusses the main array of legislative documents regulating the status and position of the Crimean Tatar clergy from the late eighteenth to the first half of the nineteenth centuries. Gradual integration of the Crimea's Muslim clergy led to the adoption of the "Regulation on the Taurida Mohammedan Clergy and the Affairs to Be Settled by It." This document provided legal establishment of the Crimean Muslim clergy within the class structure of the Russian Empire.

Keywords: laws of the Russian Empire, Muslim clergy of the Crimea, Crimean Tatars, classes, Crimean Tatar population.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. А. ПОТЕМКИНА В КРЫМУ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛУОСТРОВА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Политика России в Крыму в первые годы после его присоединения к империи до сих пор остается популярной и дискуссионной темой в научной среде. Благодаря событиям так называемой Крымской весны эта тема приобрела еще большую актуальность, так как перед Российской Федерацией на современном этапе, как и перед Российской империей в конце XVIII в., стоят схожие задачи по интеграции полуострова в уже существующую административно-политическую систему. При этом российским властям снова приходится преодолевать недоверие со стороны определенной части мусульманского населения Крыма и проводить преобразования на полуострове так, чтобы они причиняли минимум неудобств местным жителям.

В историографии высказывались разные мнения в отношении политики российских властей в Крыму в первые годы после присоединения. Брайан Уильямс, хотя и отмечал определенные успехи российских властей в ассимиляции татарской элиты, считал, что для большинства жителей бывшего Крымского ханства вхождение в состав Российской империи явилось трагедией, ломкой сложившихся традиций, что, в конечном счете, и привело к последующей массовой эмиграции [31, р. 74, 83]. Ему вторит С. В. Бахрушин, по мнению которого политика Российской империи в Крыму привела к «беспощадному разорению красивой и яркой туземной цивилизации» и превращению полуострова в колонию, подобной Индии для Великобритании [1, с. 337]. С. П. Дерий

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

признавала желание российских властей завоевать симпатии местного населения, но при этом подчеркивала отсутствие цельной политической доктрины в отношении будущего Крыма и его мусульманских жителей в составе Российской империи [3, с. 161–162]. Д. В. Конкин отмечал, что российские власти желали с максимальной мягкостью отнестись к местным жителям, причиняя им минимум неудобств при интеграции в состав Российской империи, и при этом констатировал отсутствие достаточных знаний у них для достижения этой цели [12, с. 628–629].

В манифесте «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу» Екатерина II обещала охранять и защищать население Крымского ханства, принадлежащее ему имущество, храмы и природную веру, а также обеспечить равные с другими подданными империи права [23, № 15708]. Краткий анализ указов Екатерины II позволяет утверждать, что она действительно стремилась провести интеграцию бывших владений Крымского ханства в Российскую империю наиболее безболезненно для старожильского населения. С целью недопущения резкой ломки традиционных устоев жизни мусульманского населения местные власти вели кропотливую и обширную работу по сбору данных, касающихся всех сфер жизни в бывших владениях Крымского ханства. Российские власти пошли на большие уступки местному населению. В частности, крымскотатарская элита получила равные российскому дворянству права и заняла ключевые посты в гражданской власти. Рядовому населению были предоставлены обширные льготы, в частности в вопросах военной службы и налогообложения [22, с. 43–44]. Кроме того, непривилегированное старожильское население так и не испытало на себе тяготы крепостничества, получив статус казенных крестьян [4, с. 97]. Несмотря на явное стремление императрицы выполнить декларируемые в манифесте обещания и завоевать доверие новых подданных, многие из них не чувствовали себя комфортно в новых политических реалиях. Наиболее ярким свидетельством этому стала довольно масштабная эмиграция мусульманского населения полуострова в первые годы после присоединения.

Следить за исполнением императорских указов, а также претворять обещания Екатерины II в отношении старожильского населения Крыма было поручено новороссийскому генерал-губернатору князю Григорию Александровичу Потемкину [23, № 15798]. Поэтому в этой статье будут проанализированы как официальные распоряжения Г. А. Потемкина – ордера, так и его

личная переписка с Екатериной II. На основе изучения этих источников будет рассмотрено, как исполнялись князем обещания императрицы в отношении старожильского населения и нет ли его вины в эмиграции местного населения из Крыма.

Екатерина II подписала манифест о присоединении владений Крымского ханства 8 апреля 1783 г.¹, однако некоторое время документ держался в секрете, пока в регион не было стянуто достаточное число войск. Секретность была связана как с опасениями из-за возможной негативной реакции со стороны местного мусульманского населения, так и из-за риска ответных турецких действий [5, с. 172, 179–180]. Наконец, в июле 1783 г. Г. А. Потемкин информирует императрицу о приведении к присяге крымскотатарской знати, которая, по его словам, переходит в российское подданство «с радостью» [5, с. 175]. Вслед за знатью присягу «спокойно и без принуждения» приняли и остальные жители полуострова [20, с. 274].

Одной из первостепенных задач российских властей на полуострове было приведение управленческого аппарата на территории бывшего Крымского ханства к российским стандартам. Центральным органом местной гражданской власти стало сформированное в 1783 году т. н. Крымское правительство. В его состав вошли представители знатнейших в Крыму татарских родов, имевших опыт работы в ханской администрации. Их авторитет среди единомышленников должен был способствовать укреплению позиций российской администрации на полуострове [27, с. 291].

Гражданские органы власти подчинялись командующему российскими войсками, размещенными на полуострове. С 15 августа 1783 года таким главнокомандующим становится О. А. Игельстром, которому Г. А. Потемкин поручил собрать как можно больше сведений о традиционном для территории бывшего Крымского ханства укладе жизни [20, с. 286]. Сбор сведений должен был помочь российским властям проводить взвешенную и аккуратную политику в отношении новых подданных империи. Результатом такой работы стало обширное статистическое обозрение Крымского полуострова [16, с. 91–156].

До февраля 1784 г. на полуострове сохранялась административное деление, принятое еще в Крымском ханстве [14, с. 145]. 2 февраля 1784 г. Екатерина II учреждает Таврическую область, в границы которой вошли Крымский полуостров, земли от Перекопа до границ Екатеринославского наместничества и Тамань. Управление областью поручалось князю Г. А. Потемкину, который

¹ Здесь и далее даты по старому стилю.

сразу заверил императрицу в том, что будет работать на благо населения Крыма [20, с. 296; 24, № 15920]. Первоначально предполагалось разделить Таврическую область на семь уездов: Симферопольский, Левкопольский, Евпаторийский, Перекопский, Днепровский, Мелитопольский и Фанагорийский, однако последние три уезда созданы так и не были [26, с. 215]. Г. А. Потемкину также поручалось выбрать областной и уездные города и открыть в них государственные учреждения – т. н. присутственные места [24, № 15924]. Проект административного устройства Таврической области Г. А. Потемкин предоставляет императрице уже в феврале 1784 г. [6, с. 71–72]. Предводителем дворянства области он предложил назначить Мегметшу-Бея Ширинского, который вскоре и был утвержден в этой должности [6, с. 76; 24, № 15988]. Штат области был полностью согласован в апреле 1784 г., а об образовании присутственных мест Г. А. Потемкин отчитался в 1787 г. [24, № 16531; 27, с. 282]. При этом в состав органов управления Таврической области вошло значительное число представителей местной татарской знати, а ряд ключевых должностей в присутственных местах заняли молодые крымскотатарские мурзы, получившие чины, звания и привилегии [27, с. 291].

Переписка Г. А. Потемкина с Екатериной II свидетельствует о том, что князь внимательно следил за тем, чтобы положение новых подданных не ухудшилось и в Крыму не произошли волнения. Так, реагируя на слухи, что на старожильческое население Крыма может быть распространена рекрутская повинность, Г. А. Потемкин предлагает Екатерине II освободить крымских татар от нее [5, с. 176]. В ответ на это предложение императрица распоряжается призывать жителей бывшего Крымского ханства на военную службу исключительно добровольно [23, № 15861]. Национальные воинские части, составленные из подданных, живущих в Таврической области, были образованы уже 1 марта 1784 г. [24, № 15945]. Планировалось создать пять дивизионов общей численностью 1035 человек [2, с. 136], однако в итоге сформировано было три [21, с. 3].

Нашло поддержку у Екатерины и предложение Г. А. Потемкина перевести старожильческое население Крыма на уплату поземельной десятины вместо традиционной для России подушной подати [5, с. 176]. При этом мусульманское духовенство вообще освобождалось от уплаты каких-либо налогов и податей [11, с. 17]. Налоговые льготы в отношении крымских татар в итоге просуществовали с 1783 по 1821 год [30, с. 507].

Губернатор Новороссии также предложил, чтобы «угодить магометанам», направить средства на содержание мечетей, школ и публичных фонтанов [5, с. 177; 23, № 15798]. Правда, это шло в противоречие с местными религиозно-правовыми традициями, поскольку для содержания религиозных и общественных зданий существовал специальный институт – вакф, находящийся в ведении духовенства. Таким образом, благие цели Г. А. Потемкина фактически нарушали мусульманские традиции, по которым жили крымские татары, и в итоге не привели к ожидаемому эффекту. [12, с. 631]

Одна из наиболее острых проблем, с которой столкнулась Российская империя в Крыму, была связана с земельными отношениями. Выход из Крыма христиан в 1778 г. и эмиграция крымских татар привели к запустению довольно обширных земель, которые вместе с бывшим ханским доменом отошли российскому государству [12, с. 631]. Казенные земли в большом количестве раздавались различным категориям переселенцев [24, № 15988, № 16130, № 16249, № 16559; 25, № 17191]. Обширные земельные участки получали как вновь прибывшие российские дворяне, так, еще в большей степени, местные беи и мурзы [1, с. 337; 15, с. 58–60]. При этом земля раздавалась как указами императрицы, так и ордерами Г. А. Потемкина.

Распределение земель, особенно крупных владений, строго контролировалось Г. А. Потемкиным. [8, с. 23] По его поручению глава Таврического областного правления В. В. Коховский, кроме общего описания участков, предоставлял сведения о климатических и ландшафтных особенностях местности, в которой они располагались, а также о том, какое хозяйство там выгоднее вести [14, с. 169]. В такой практике усматривается желание князя добиться процветания края. Однако довольно часто распределение земель происходило с массовыми злоупотреблениями, на которые закрывали глаза местные власти, и путаницей, которая приводила к фактическому захвату земель у старых владельцев [15, с. 62; 29, с. 216]. Очень скоро эти злоупотребления и неразбериха достигли таких размеров, что заставили реагировать Екатерину II. Сначала она распоряжается остановить раздачу казенных земель, которые предназначались переселенцам [25, № 17228]. Затем сенат издал указ, который закреплял за всеми жителями полуострова право на наследственное владение земельной собственностью [25, № 17265]. Оба указа свидетельствуют о желании государства урегулировать накопившиеся в Крыму земельные проблемы [12, с. 638].

Несмотря на то, что старожильческое население в основном спокойно отнеслось к факту присоединения Крыма к Российской империи, есть основания считать, что Г. А. Потемкин испытывал сомнения в лояльности новых подданных. В личной переписке с императрицей он весьма нелестно отзывался о живущих в Крыму татарах. По его мнению, Крым значительно выиграет, если будет от них избавлен [5, с. 175]. Такая позиция находит подтверждение и в официальных документах правителя Новороссии. Непосредственно перед оглашением Манифеста Екатерины II о присоединении владений Крымского ханства, в июне 1783 г. он распоряжается не препятствовать эмиграции старожильческого населения из Крыма [20, с. 269, 278]. При этом Г. А. Потемкин приказывает войскам доброжелательно относиться к старожильческому населению. Нарушивших это распоряжение ждало наказание «по всей строгости закона» [20, с. 265].

После успешной акции по приведению к присяге крымских татар на полуострове позиция Г. А. Потемкина меняется. Уже в 1784 г. он поручает главе «Крымского правительства» графу Осипу Андреевичу Игельстрому выяснить, не является ли эмиграция татар из Крыма следствием специально проводимой агитации, и распоряжается принять меры к устранению ее причин [20, с. 304]. В ордере В. В. Коховскому в мае 1787 г. Г. А. Потемкин связывает эмиграцию крымских татар с их недовольством действиями российских властей и приказывает проанализировать причины этого недовольства, устранить их, а старожильческому населению обеспечить защиту и покровительство [9, с. 10-11].

Наибольшую угрозу в подстрекательстве старожильческого населения на сопротивление российским властям Г. А. Потемкин видит в представителях мусульманского духовенства, сохранивших тесные связи с Османской империей. В частности, российские власти жестко пресекали распространение в Крыму учения суфийского проповедника, руководителя народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа Шейха Мансура. «Вижу я из донесения вашего превосходительства, какие плевелы безместное духовенство татарское посеять старается в сердцах черни, побуждая оную долгом веры на зломыслие нам», – пишет правитель Новороссии в одном из ордеров В. В. Коховскому в марте 1788 г. [10, с. 59]. Потенциально опасные для российских властей представители духовенства выселялись за пределы полуострова [10, с. 8-9]. Например, в рамках одного из таких дел в 1788 г. в Евпаторийском и Перекопском уездах

было арестовано чуть более 70 мулл, которые были этапированы в Кременчуг [18, с. 105–106].

Одним из самых ярких проявлений сомнений российских властей в лояльности мусульманского населения Крыма является выселение крымских татар из прибрежных городов, которое массово проводилось в преддверии и сразу после начала русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Планы выселить татар из Феодосии, которая должна была стать главным коммерческим портом в Крыму, Г. А. Потемкин анонсировал еще в августе 1783 г. Первоначально речь шла о выселении всех желающих мусульман, при этом за оставленные дома им полагалась компенсация [20, с. 278]. В январе 1787 г. князь распоряжается скупить дома у оставшихся в Феодосии крымских татар и выселить их из города, разрешив селиться в предместье [8, с. 6]. В Феодосии разрешалось селиться только христианам, а в качестве определенной компенсации мусульмане получали Бахчисарай, в котором по распоряжению Г. А. Потемкина должны были жить исключительно татары [9, с. 10]. Уже к январю 1788 г. крымские татары были выселены с побережья от Балаклавы до Алушты и от Феодосии до Керчи. Согласно ведомости, предоставленной В. В. Каховским правителю Новороссии, всего с этих территорий внутрь полуострова были отселено 5161 человек. Чуть позже были переселены татары, обитавшие на территориях между Алуштой и Феодосией, а также на евпаторийском побережье [14, с. 152–153].

Переселение крымских татар с прибрежных территорий было напрямую связано с начавшейся 13 августа 1787 г. русско-турецкой войной. Местные жители могли появляться в прибрежных деревнях только днем для полевых работ, а на ночь покидать их. Такой мерой российские власти пытались воспрепятствовать контактам крымских татар с турками и тем самым обеспечить лучшую охрану побережья [17, с. 53, 55]. Как только в войне было достигнуто перемирие, всем жителям южнобережных деревень было разрешено вернуться в свои дома [18, с. 96].

Еще одной мерой Г. А. Потемкина, направленной на предотвращение возможных антироссийских восстаний в Крыму, было распоряжение об изъятии у крымских татар оружия и лошадей. Соответствующий ордер правитель Новороссии направляет В. В. Каховскому в апреле 1788 г. [10, с. 66]. Выполнение распоряжения поручалось крымскотатарским мурзам. Всего менее чем за месяц мурзам удалось собрать несколько тысяч единиц

огнестрельного и холодного оружия, а лошади были выведены за пределы Крыма [19, с. 76–77].

Приведенные свидетельства о деятельности Г. А. Потемкина в Крыму указывают на его стремление в полной мере исполнить указания Екатерины II по интеграции бывших владений Крымского ханства в Российскую империю с наименьшими для старожильского населения проблемами. По инициативе Г. А. Потемкина мусульманское население полуострова получает обширные льготы и преференции, в частности, в вопросах военной службы и налогообложения. Благодаря губернатору Новороссии российские власти направляют средства на содержание мечетей и школ. Г. А. Потемкин держал под своим личным контролем вопросы, связанные с выделением земли, и лично предпринимал усилия, чтобы избежать при этом притеснения старожильского населения.

Несмотря на явное желание Г. А. Потемкина добиться лояльности новых подданных к российским властям, он не останавливался перед довольно жесткими мерами в отношении старожильского населения, если этого требовали интересы империи. Это касалось как мер, направленных на пресечение попыток распространения в Крыму представителями мусульманского духовенства учения суфийского проповедника и руководителя народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа Шейха Мансура, так и мероприятий по переселению мусульман с побережья внутрь полуострова и их разоружению во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Последние меры прямо указывают на существенные сомнения Г. А. Потемкина в лояльности татар в Крыму.

Таким образом, Г. А. Потемкин старался вести лояльную по отношению к старожильскому населению Крыма политику и не преследовал цель спровоцировать новых подданных империи на бегство с полуострова. При этом правитель Новороссии в случае необходимости не останавливался перед жесткими мерами по отношению к мусульманскому населению, которые могли для определенной части крымских татар послужить причиной для поиска лучшей жизни за пределами полуострова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 320–339.
2. Габаев Г. Законодательные акты и другие документы о военной службе крымских татар в рядах войсковых частей, предков нынешнего крымского конного ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полка // ИТУАК. 1914. № 51. С. 135–152.

3. Дерий С. П. К вопросу о деятельности комиссии по разрешению земельных споров (1802–1810 гг.) // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 161–162.
4. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 282 с.
5. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 гг. / Подготовил В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 990 с.
6. Иванов П. А. Из дел Московского отделения архива Главного штаба // ИТУАК. 1893. № 19. С. 2378.
7. Киреенко Г. К. Ордера князя Потемкина. 1787 г. // ИТУАК. 1888. № 5. С. 3–35.
8. Киреенко Г. К. Ордера князя Потемкина 1787 г. // ИТУАК. 1888. № 6. С. 3–35.
9. Киреенко Г. К. Ордера князя Потемкина. 1787 г. // ИТУАК. 1889. № 8. С. 1–11.
10. Киреенко Г. К. Ордера князя Потемкина. 1788 г. // ИТУАК. 1891. № 11. С. 57–75.
11. Киреенко Г. К. О прошениях депутатов Таврической области на Высочайшее имя в 1796 г. и Высочайшем Указе 17 сентября 1796 г. // ИТУАК. 1897. № 2. С. 9–19.
12. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 627–640.
13. Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 483–501.
14. Крючков А. В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2006. 218 с.
15. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1886. № 24. С. 35–71.
16. Лашков Ф. Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 91–156.
17. Лашков Ф. Ф. Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787–1791 гг. // ИТУАК. 1889. № 8. С. 52–87.
18. Лашков Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 гг. // ИТУАК. 1890. № 10. С. 79–106.
19. Лашков Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 гг. // ИТУАК. 1891. № 12. С. 75–81.
20. Мурзакевич Н. Н. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 гг. // ЗООИД. 1881. Т. XII. С. 249–329.
21. Муфтизаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 гг. // ИТУАК. 1899. № 30. С. 1–24.
22. Никифоров М. А. О проблемах интеграции Крыма в состав Российской империи в правление Екатерины II // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 38–47.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXI. 1090 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXII. 1186 с.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXIII. 974 с.

26. Прохоров Д. А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 213–225.
27. Прохоров Д. А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // ПИФК. 2016. Вып. 1. С. 278–295.
28. Рославцева Л. И. Система государственного устройства и общественный быт // Тюркские народы Крыма / Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. М.: Наука, 2003. С. 177–188.
29. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. Т. 2. 542 с.
30. Тур В. Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 502–522.
31. Williams B. G. The Crimean Tatars. The diaspora experience and the forging of a nation. Leiden-Boston-Köln, 2001. 520 p.

М. А. Никифоров

Деятельность Г. А. Потемкина в Крыму в контексте интеграции полуострова в состав Российской империи

Резюме

В статье изучается деятельность князя Г. А. Потемкина, направленная на интеграцию мусульманского населения Крыма в состав Российской империи. В работе проводится анализ как официальных распоряжений правителя Новороссии – ордеров, так и его личной переписки с императрицей Екатериной II. Изученные источники позволяют сделать вывод, что Г. А. Потемкин стремился точно следовать указаниям императрицы по защите прав и свобод старожильского населения Крыма и провести интеграцию полуострова в состав Российской империи с наименьшими проблемами для живущих здесь мусульман. Именно по инициативе Г. А. Потемкина татары в Крыму получили обширные льготы и послабления, в частности, в вопросах военной службы и налогообложения. Несмотря на явное желание правителя Новороссии добиться лояльности новых подданных к российским властям, он не останавливался перед довольно жесткими мерами в отношении старожильского населения, в случае, если этого требовали интересы империи. В первую очередь, это касалось переселения мусульман с прибрежных территорий полуострова и их разоружения во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Ключевые слова: Крым, Екатерина II, князь Г. А. Потемкин, Российская империя, интеграция.

M. A. Nikiforov

**G. A. Potemkin's Works in the Crimea in the Context of the
Peninsula's Integration into the Russian Empire**

Summary

This paper examines Prince Grigorii Potemkin's works aimed at the integration of Crimean Moslems into the Russian Empire. The author analyses both official orders of the governor of New Russia and his private correspondence to Empress Catherine II. From the sources studied there are reasons to conclude that Potemkin tried his best to follow the Empress' instructions on protecting the rights and freedoms of indigenous population of the Crimea, and to integrate the peninsula into the Russian Empire, making as little problems for local Moslems as possible. Potemkin was the one who initiated large-scale benefits and indulgences for the Tatars of the Crimea, particularly concerning military service and taxation. Despite of the New Russia governor's clear desire to gain the loyalty of the Empire's new subjects to Russian authorities, he did not stop at strict measures towards the indigenous population if they were in the Empire's interests. This approach especially concerned the resettlement of Moslems from the sea coast and their disarmament during the Russo-Ottoman war of 1787-1791.

Keywords: Crimea, Russian Empire, Catherine II, Prince Grigorii Potemkin, integration.

Империя и земельные отношения

УДК 94(47).072+1-924.71

Д. В. Конкин

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь*

ПРОБЛЕМА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР В ПРОЕКТЕ К. И. ГАБЛИЦА «О РАЗДЕЛЕ НОВОРОССИЙСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА В КРЫМУ» (1802 Г.)¹

Карл Иванович Габлиц родился 2 апреля 1752 г. в Пруссии (Кенигсберг) в немецкой семье, которая затем переехала в Россию. Получил начальное образование в гимназии Московского университета. Познакомившись в 1768 г. с молодым профессором С.-Г. Гмелиным, по приглашению последнего принял участие в научной экспедиции в Прикаспийские земли, где проявил себя как талантливый естествоиспытатель и исследователь. Вместе с капитаном М. И. Войновичем в 1781 г. участвовал в экспедиции к южному берегу Каспийского моря (Астрабадское ханство) [2, с. 108–112]. Далее Новороссийский наместник Г. А. Потемкин взял исследователя под свою протекцию. После завоевания Крыма поручил Габлицу подготовить научное описание полуострова. Работу Габлиц выполнил за рекордно короткие сроки. Рукопись в 1885 г. была поднесена Екатерине II, получила благоприятную оценку с ее стороны и опубликована за счет казны. Вскоре появились иностранные издания книги на французском, немецком и английском языках. Потемкин за заслуги в 1787 г. пожаловал Габлицу в Крыму отличную дачу около Балаклавы [17, л. 8 об.; 10, с. 148; 11, с. 82] и виноградники в Судакской долине [2, с. 151]. Таким образом, ученый стал крымским землевладельцем. В том же году Габлиц был назначен директором экономии в Таврической области, а еще через год стал

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

вице-губернатором, курировал соляной промысел, где сумел достичь значительного экономического эффекта. В 1796 г. – избран в почетные члены Российской академии наук. В 1797 г. после упразднения Таврической области был отозван в Санкт-Петербург и назначен 1-м товарищем (то есть первым заместителем) министра департамента уделов, при этом оставался членом экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных колонистов и сельского домоводства, в которой занимался проектами по развитию шелководства, виноделия, овцеводства, лесоводства и др. промышленных направлений на Юге России. В 1801 г., с учетом его уникального опыта и практических знаний, Александр I привлек его к работе в Новороссийском Комитете, где он стал, по сути, главным экспертом и автором проектов по экономическому, административному, хозяйственному преобразованию края, в том числе в сфере земельных отношений в Крыму. С 31 декабря 1802 г. Габлиц – президент мануфактур-коллегии, с 4 февраля 1803 г. – одновременно директор лесного департамента, управляющий экспедицией государственного хозяйства. В 1808–1810 гг. – председатель учрежденного в столице Комитета для рассмотрения дел крымской землеустроительной комиссии 1802 года, также назначен «присутствовать» в Правительствующем Сенате. В 1811 г. в связи с болезнью был уволен от большинства должностей, но «высочайшим повелением» в течение восьми лет за ним было сохранено жалованье. В 1819 г. Габлиц назначен председателем в очередной «Комитет» по рассмотрению жалоб татар Таврической губернии. Умер 9 октября 1821 г. в Санкт-Петербурге [см.: 3, с. 10–14; 2, с. 98–112, 145–164; 1].

Таким образом, вся служебная карьера Габлица позволяет утверждать, что он был талантливым, работоспособным чиновником-организатором, тем самым «незаменимым механизмом», на котором держалось все государственное управление Российской империи. В силу обстоятельств Габлиц стал экспертом, ведущим специалистом по «крымскому вопросу». О его высокой компетенции в данном направлении хорошо знали и министры, и императоры и постоянно привлекали к работе в различных структурах, связанных с преобразованиями полуострова и Юга России в целом. Современники отзывались о нем позитивно, отмечали высокие способности, практический ум [12, с. 248, 249, 250; 1].

Справедливо будет сказать, что не всегда, по-видимому, эти способности оценивались по достоинству. Да и сам Габлиц не был идеально честен в отношении своей новой родины, особенно в начальные годы научной карьеры. Известно, что в течение 1785–

1786 гг., когда он работал над историческим исследованием о Крыме и был приближен к Потемкину, то тайно сотрудничал с французскими агентами, предоставляя им закрытую информацию из канцелярии «светлейшего князя» о Таврической области, его населении, о тщательно засекреченной экспедиции Войновича в Персию и т. д. [18, с. 213–214]. Сотрудник французского посольства Колиньер смог, выражаясь современной терминологией, «завербовать» Габлица, играя на чувствах обиды, недооцененности способностей, невостребованности и пренебрежении русскими аристократами и чиновниками к тонкой душе ученого. Конечно же, имели место и ценные «подарки» от французов за оказанные услуги. Но вряд ли это сотрудничество продолжалось достаточно долго. Как мы увидели, в дальнейшем карьера Габлица развивалась успешно и о какой-то «недооцененности» речь более не шла.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. важным мероприятием имперской власти по экономическому преобразованию края стала масштабная раздача казенных земель полуострова новоприбывшим российским помещикам, чиновникам и лояльной к империи крымскотатарской знати под определенные обязательства по хозяйственному развитию предоставленных наделов. Такие действия были необходимы в связи с малонаселенностью региона, возникшей из-за массовой эмиграции местного населения. Однако многочисленные неточности при определении статуса земли, предназначенной к раздаче, слабое качество подготовленных имущественных реестров в сочетании с низким уровнем исполнительной власти стали причиной долголетних конфликтов «новых» и «старых» собственников, в конечном итоге приведших к полной стагнации экономики Крыма уже к рубежу XVIII–XIX вв.

Определенную роль в формировании этих проблем сыграл «дефект исполнителя». Для точного определения количества и расположения казенных, собственнических земель, объема и границ т. н. «пустопорожних» участков, предназначенных к раздаче, необходимо было провести исследование земельного фонда полуострова. Составление описей правитель Таврической области В. В. Каховский поручил бывшему ханскому откупщику Абдул-Хамит аге и смотрителю перекопской таможни, коллежскому асессору М. Караценову [9, с. 53; 5, л. 1, 1 об.]. Чиновники категорически не успевали выполнить задание в срок. Но им повезло: они обнаружили составленную при Шагин-Гирее опись земель, перешедших во владение хана после выхода христианского населения из Крыма в 1777 году. Караценов и Абдул-Хамит ага перевели ее на русский язык,

добавили информацию о владениях, эмигрировавших крымскотатарских мурз, и в таком виде представили правителю Таврической области В. В. Каховскому в качестве самостоятельного исследования [14, л. 4, 4 об.]. Но не учли, что за время своего правления Шагин-Гирей на вполне законных основаниях раздавал, продавал бывшие христианские владения, ставшие частью его домена, а на оставленных позднее мурзами землях продолжали находиться целые крымскотатарские селения с хозяйственными округами. В результате де-факто в опись попадали не «пустопорожние» земли, а имевшие владельцев и, конечно же, не предназначенные к раздачам. Тем не менее опись эта в 1785 г. Каховским была передана областному землемеру, а затем попала в Таврическую казенную палату в качестве реестра свободных казенных участков [14, л. 2, 2 об.]. Несмотря на очевидные недостатки, этот документ надолго стал главным указателем для определения земель, предназначенных для раздачи и продаж [см., например: 6, л. 6–9; 5, л. 1–5]. Караценов и Абдул-Хамит ага же остались курировать «описные имения» и контролировать сбор доходов от них, со всеми перспективами извлечения личных выгод в результате такого назначения.

С целью исправить экономическое положение в регионе в 1801 г. молодым императором Александром I в Санкт-Петербурге был учрежден «Комитет о устроении Новороссийской губернии» (далее – Новороссийский Комитет), который должен был определить важнейшие перспективные направления хозяйственно-административного развития края [15, л. 1]. В его состав входили известные и влиятельные государственные деятели: участник «негласного комитета» при императоре, будущий министр внутренних дел В. П. Кочубей, генерал-прокурор А. А. Беклешов, князь П. А. Зубов, адмирал Н. С. Мордвинов, министр коммерции Н. П. Румянцев, министр юстиции Г. Р. Державин, а также прекрасно осведомленный о делах «полуденного края России» тайный советник К. И. Габлиц [15, л. 1; 7, с. 178; 19, р. 292], который, как говорилось выше, являлся одним из главных правительственных экспертов по Крыму. В 1802 г. Габлиц подготовил «Проект о разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму» (далее – «Проект»), в котором изложил основные направления хозяйственно-административного развития полуострова. Большинство предложений документа, касавшихся Крыма, легли в основу итогового доклада Новороссийского Комитета, поднесенного позднее императору. Таким образом, он отражал общую точку зрения влиятельных государственных деятелей империи на необходимые

преобразования в Крыму, в связи с чем имеет смысл рассмотреть основные положения «Проекта» Габлица более подробно.

Одним из главных условий экономического развития полуострова, по мнению Габлица, являлось переселение сюда иностранцев. Их можно было привлекать различными льготами: предоставить самоуправление (собственный магистрат, суд); гарантировать каждому свободу вероисповедания, при условии принятия присяги верности российскому императору; разрешить свободно перемещаться по Крыму; учреждать школы и училища; освободить от рекрутства и на время от государственных податей и повинностей. Всем без исключения жителям Крыма Габлиц предлагал предоставить неограниченную свободу на создание фабрик, ремесел, мануфактур, вернуть порто-франко на 50 лет, разрешить безлимитную рыбную ловлю, беспошлинную пересылку товаров в Россию, строительство храмов и т. д. [16, л. 1–10].

Значительную часть документа составили предложения чиновника по урегулированию земельных проблем на полуострове [16, л. 16–25]. Окончательное утверждение земельной собственности за владельцами, по мысли Габлица, являлось неременным условием экономического развития края, создавало благоприятные предпосылки для переселения в Крым иностранных колонистов [16, л. 16].

Габлиц перечислял основные, по его мнению, причины земельных проблем в Крыму. Во-первых, это перемена в праве владения недвижимостью, случившаяся после 1783 г. Ранее все местные жители «без различия состояния и звания» могли владеть землями. Но уже в указе от 2 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области» было предписано учредить новую административную единицу «в образе правления наравне с прочими Российскими губерниями» [13, т. 22, № 15920], из-за чего, сообщает Габлиц, только мурзы получили возможность владеть землями, «духовенство же, купечество и простые татары лишены были сего права». В результате земельные владения данных неучтенных категорий, в соответствии с буквой закона, попали в разряд казенного имущества и поступили в фонд, предназначенный для раздачи. Земельные пожалования в Новороссии осуществлялись на основании ордеров-распоряжений Потемкина, что, замечает Габлиц, не являлось законным основанием, но позднее все они были официально утверждены манифестом Екатерины II от 2 сентября 1793 г. [13, т. 23, № 17149, п. 10].

Здесь следует обратить внимание, что в соответствии с такой юридической казуистикой ордера другого императорского фаворита и новороссийского «начальника» П. А. Зубова должны были считаться незаконными, так как не получили окончательного утверждения верховным правителем – российским императором. Именно на это обстоятельство обращал внимание позднее министр внутренних дел Кочубей. Комментируя проблемы землеустройства в Крыму, он писал в 1806 г. таврическому губернатору Д. Б. Мертваго, что «весьма трудно и деликатно решить вопрос, имел ли князь Зубов право давать предписания на раздачу земель, и что вероятно не мог он и давать оных, не быв на то уполномочен письменно или словесно покойною Государынею...» [4, л. 37]. Данная тема не становилась предметом публичного обсуждения (в том числе и в Новороссийском комитете, где присутствовали как Кочубей, так и Зубов) и, по-видимому, считалась слишком «деликатной», поскольку среди крымских землевладельцев к тому времени было уже достаточно много известных и влиятельных лиц, интересы которых могли пострадать: племянник князя Потемкина генерал-майор Н. П. Высоцкий, канцлер А. А. Безбородко и его младший брат генерал-майор И. А. Безбородко, военный губернатор, генерал от инфантерии граф М. В. Каховский, таврический губернатор С. С. Жегулин, ученый-энциклопедист П. С. Паллас, адмиралы флота Ф. Ф. Ушаков, Н. С. Мордвинов, О. М. де Рибас, правитель канцелярии Потемкина, генерал-поручик В. С. Попов и др. [см.: 17, л. 1–30; 20, л. 1–6; 10, с. 98–101, 109–110].

Далее в «Проекте» Габлиц обращает внимание, что в связи с вышеперечисленными обстоятельствами «назначались иногда такие округа и урочища в отдачу», которые уже давно были заселены крымскими татарами, и приводит в качестве примера Шульскую долину, пожалованную Палласу. Но тут наступил 1794 г., когда был утвержден указ от 9 ноября 1794 г. «Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими имениями с распространением права сего и на их наследников» [13, т. 23, № 17265], согласно которому «простым татарам» разрешалось владеть и продавать т. н. «дворянскими имениями», то есть все крымские татары вне зависимости от происхождения были уравнены в правах владения земельной собственностью с российским дворянским сословием. После появления этого указа рядовые татары получили возможность в соответствии с российскими законами оформить свою землю, и стали массово обращаться в судебные инстанции с жалобами

и исками на новоприбывших помещиков. При этом формально российские помещики также законно пользовались и владели надельными землями «по праву пожалования и обмежевания за ними несколько лет бесспорно». Но крымские татары, замечает Габлиц, помимо законных требований, стали злоупотреблять своим правом и претендовать на то, чем никогда не владели. Например, требовать в собственность земли выехавших мурз, которыми ранее они только пользовались (без права собственности) на условиях десятины и минимальной отработки.

В сентябре 1796 г. был утвержден еще один ключевой для крымского землевладения указ – рескрипт императрицы на имя П. А. Зубова [см.: 10, с. 95–96; 8, с. 16–17]. В этом документе, состоящем из 10 пунктов, Екатерина II подтверждала права и обязательства, ранее предоставленные имперской властью крымским татарам. Первым пунктом рескрипта значилось предписание расследовать случаи незаконной передачи российским помещикам «пустопорожних» земель эмигрировавших татар, и, в случае обнаружения нарушений, «неправильно взятое настоящему хозяину возвратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение». По версии Габлица, указ был направлен на то, «чтоб о сих спорах сделать разбирательство». Полноценно реализовать все пункты рескрипта помешало упразднение Таврической области и ее присутственных мест в результате административной реформы нового императора Павла I. Тем не менее в 1797 г. Павел в указе новороссийскому военному губернатору М. В. Каховскому подтвердил требование матери о необходимости урегулирования в Крыму земельных проблем. Для этого приказано было сформировать Комиссию из местных дворян-христиан, крымскотатарских мурз, чиновников и крестьян. Комиссия продолжала действовать и на момент составления «Проекта» Габлица, но существенных успехов все еще не достигла. Причина – «непреодолимые затруднения» между тяжущимися. Новые владельцы подтверждали свои права собственности выданными им уже российской администрацией планами и межевыми книгами. Рядовые же татары хотя и «не имеют никаких письменных документов», но подтверждали свои владения устными показаниями под присягой. Однако опыт показал, пишет Габлиц, что эти свидетельства часто оказывались ложными. Ключевой же проблемой, с точки зрения чиновника, являлось то обстоятельство, что многие ранее розданные участки были уже перепроданы или на них совершены значительные хозяйственные преобразования новыми владельцами. Таким образом, отбирать эти земли у помещиков было

бы дискриминационным и затратным действием. Компенсировать потерянные владения крымским татарам путем предоставления наделов вблизи отобранных также не представлялось возможным, так как казенных земель, например, в горном Крыму к началу XIX в. уже почти не осталось [16, л. 19].

То есть, по сути, существовало два варианта справедливого решения имущественных споров: отобрать земли у помещиков и вернуть их крымским татарам или же наделить татар аналогичными землями в другом (соседнем) месте. Но как видно, оба варианта невозможно было исполнить. Учитывая сложившиеся обстоятельства, Габлиц предлагал следующие меры нормализации положения в крымском землеустройстве:

1) Закрывать действовавшую в Крыму землеустроительную комиссию из-за ее неэффективности;

2) Все пожалованные помещикам земли, на которые имелись проверенные надежные документы (планы, межевые книги), окончательно утвердить за владельцами, оградив от претензий со стороны татар. Сады, огороды и другие земельные участки крымских татар, оказавшиеся в результате межевания внутри помещичьих владений, пусть даже и череполосно, и на которые отсутствовали судебные тяжбы и претензии со стороны помещиков, также утвердить окончательно за крымскотатарскими владельцами на основании указа 1794 года [16, л. 19 об.].

Все земельные споры рассматривать в государственных присутственных местах исключительно на основании российского законодательства [16, л. 20]. Закрепить за крымскими татарами право переходить от одного помещика к другому, селиться (при условии согласия местных жителей) в других деревнях, а также располагаться на «пустопорожних» казенных землях, которые еще имелись в «плоской части» Крыма и за Перекопом. При переходе в другое место Габлиц предлагал разрешить крымским татарам продавать собственное имущество (дома, сады, огороды). Но право первого выкупа предоставить сначала оставшимся жителям (по силе указа от 12 декабря 1801 г. [см.: 13, т. 26, № 20075]), затем ближайшему помещику. Также запретить помещикам принуждать татар к переселению, при условии, что последние выполняли все повинности. Сами повинности должны быть установлены правительством единообразно для всех крымских татар и отражать традиционные обязательства по отношению к мурзам. По-мнению Габлица, это натуральный налог – десятина с урожая, со ста овец одна за зимовку и два дня в месяц отработки на землесобственника. Такие обязательства

за пользование помещичьими землями необходимо распространить как на российских помещиков, так и на татарских мурз [16, л. 21].

3) Необмежеванные земли, которые находились в череполосном или спорном с татарами владении Габлиц предлагал межевать только после урегулирования споров. При межевании строго следить, чтобы ни в коем случае не ущемлялись права крымских татар. Если после урегулирования всех споров останется свободная земля, то ее необходимо отдавать в пользование прежде всего татарам, из расчета по 20 дес. на двор в горах и по 60 дес. в степной части. [16, л. 21 об., 22].

4) Земли «татар-поселян», которые не входили в округа помещиков, необходимо было надежно обмежевать, соблюдая вышеуказанную пропорцию. Если же земли не будет хватать, то, по мнению Габлица, необходимо дополнительно примежевать соседние казенные участки. При отсутствии земельного резерва предложить «лишним» жителям переселиться в другие места, где можно обеспечить их землей в соответствии с пропорцией (20 и 60 дес.). Подтвержденную документами собственность рядовых татар утвердить на основании указов 1794 г. и 12 декабря 1801 года [16, л. 22 об.].

5) Габлиц обращал внимание, что у крымских татар поголовно отсутствуют письменные подтверждения на свои владения, поэтому при размежевании приходилось прибегать к устным показаниям свидетелей. Но эти свидетельства были ненадежны. Поэтому необходимо было строго следить за случаями лжесвидетельства и при выявлении таковых виновных наказывать «в страх другим, по всей строгости закона» [16, л. 23].

В конце Габлиц указывал, что «для прекращения имеющихся» и предупреждения «впредь быть могущих» земельных споров и конфликтов крайне актуальным являлось проведение межевания в Крыму, которое необходимо было начать в кратчайшие сроки, но предварительно усилить команду штатских землемеров. [16, л. 23 об.].

Таким образом, в своем «Проекте» Габлиц отмечал острую необходимость урегулирования имущественных проблем в Крыму. Окончательное утверждение земельной собственности за владельцами являлось неременным условием экономического развития края, создавало благоприятные предпосылки для переселения в Крым иностранных колонистов. Земельные конфликты Габлиц предлагал решать на основе российского законодательства. Настаивал на соблюдении собственных прав не только российских помещиков и крымскотатарских мурз, но и «татар-поселян», рядовых

мусульманских крестьян-общинников. Отмечал, что для окончательного урегулирования хозяйственных споров необходимо провести генеральное межевание в Крыму. Предложения Габлица следует рассматривать как попытку найти некий компромисс между взглядами российских помещиков, достаточно радикально настроенных в отношении крымских мусульман и их прав собственности, и общегосударственными принципами имперской власти екатерининского времени, возрожденными в начале царствования ее внука Александра I и провозглашавшими веротерпимость, мягкую адаптацию исламских традиций в Крыму к российским правилам, уважение местных обычаев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердников Л. Карл Габлиц Таврический. К 190-летию со дня смерти [Электронный ресурс] // Новый Берег. 2011. № 31. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2011/31/be20.html> (дата обращения: 12.09.2016).
2. Габлиц К. И. Краткое описание жизни и службы тайного советника Карла Ивановича Габлица // Сын Отечества. 1821. Ч. 73. С. 98–112, 145–164.
3. Габлиц, Карл Иванович // Русский биографический словарь. Под ред. Н. П. Чулкова. Т. 4. (Гааг-Гербель). М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. С. 10–14.
4. ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 475 а. Предписания министра внутренних дел В. П. Кочубея председателю Комиссии Д. Б. Мертваго. 13 окт. 1805 – 10 окт. 1807 г. 76 л.
5. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 506. По сообщении Комиссии, учрежденной для разбора споров по землям и для определения повинностей в Крымском полуострове, объявлении коллежскому асессору Жердеву, старшему советнику и кавалеру Нотаре и надворному советнику Гагендорфу, дабы они, у кого оспариваемые разного состояния татарами земли имеются...явились в Комиссию. 1803 г. 14 л.
6. ГАРК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 37. Об отводе сотнику Серебрякову земли и сада, оставшихся после выехавших за границу татар. 1795 г. 13 л.
7. Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М.: Наука, 1970. 386 с.
8. Киреенко Г. К. О прошении депутатов Таврической области на Высочайшее Имя в 1796 году и Высочайшем указе 17 сентября 1796 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Второе издание. 1897. № 2. С. 16–17.
9. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. № 24. С. 35–71.
10. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 89–158.
11. Неделькин Е. В. К истории крымского села Чоргунь/Черноречье в конце XVIII – середине XIX в. // Европа. 2015. Т. 14. № 1–2. С. 80–101.
12. Письма правителя Таврической области В. В. Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада Е. С. князю Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. № 10. С. 235–360.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
14. РГИА. Ф. 1305. Д. 32. О спорах на земли, отданные под поселение чинов Греческого Батальона. 24 окт. 1809 – 5 мая 1810 г. 209 л.
15. РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 1. Дневные записки Комитета. 4 дек. 1801 – 6 февр. 1803 г. 124 л.
16. РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 4. Проект члена Комитета тайного советника Габлица К. И. о разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму. 29 марта 1802 г. 33 л.
17. РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 12. Указы Екатерины II и ордера кн. Потемкина Г. А. о раздаче русским помещикам земли на Крымском полуострове, присланные в Комитет для сведения. 10 февр. 1802 г. 30 л.
18. Чудинов А. В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787-1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сборник памяти Г. С. Кучеренко. М.: РГГУ, 2001. С. 202–243.
19. O'Neill K. A. Between Subversion and Submission : The Integration of the Crimean Khanate into the Russian Empire, 1783-1853: diss. ...for a degree Ph. D., Dept. of History / Kelly Ann O'Neill. – Cambridge, Massachusetts, 2006. 498 p.
20. ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 236. Об объявлении определения Комиссии всем просителям, подавшим жалобы в 1787–1800 гг. о захвате их земель. 1802 – 26 июня 1803 г. 112 л.

Д. В. Конкин

**Проблема землевладения крымских татар в проекте
К. И. Габлица «О разделе Новороссийской губернии и
организации управления и хозяйства в Крыму» (1802 г.)**

Резюме

После присоединения Крыма к России в 1783 г. важным мероприятием имперской власти по экономическому преобразованию края стала масштабная раздача казенных земель полуострова новопривывшим российским помещикам, чиновникам и лояльной к империи крымскотатарской знати. Однако многочисленные неточности при определении статуса земли, предназначенной к раздаче, слабое качество имущественных реестров в сочетании с низким уровнем исполнительной власти стали причиной долголетних конфликтов «новых» и «старых» собственников крымских земель, в конечном итоге приведших к полной стагнации экономики Крыма уже к рубежу XVIII–XIX вв. В 1802 г. К. И. Габлиц подготовил «Проект о разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму», в котором изложил основные направления хозяйственно-административного развития полуострова. Земельные конфликты Габлиц предлагал решать на основе российского

законодательства. Отмечал, что для окончательного урегулирования хозяйственных споров необходимо провести генеральное межевание в Крыму. «Проект» является важным источником, отражающим взгляды на развитие Крыма столичных чиновников и приближенных к императору Александру I государственных деятелей.

Ключевые слова: К. И. Габлиц, Российская империя, Новороссийский Комитет, Крым, крымские татары, землеустройство в Крыму.

D. V. Konkin

The Case of Crimean Tatars' Land Ownership in Carl Hablitz's Project "On the Splitting of the New Russia Governorate and the Organization of Administration and Economy in the Crimea" (1802)
Summary

Following the Crimea's joining Russia in 1783, the imperial authorities undertook an important measure for economical transformation of the region by a large-scale distribution of state-owned lands in the peninsula among the newly-arrived Russian land-owners, officers, and Crimean Tatar nobility which was loyal to the Empire. However, numerous inaccuracies in determination of status of lands to be distributed and a poor quality of property registers combined with low level of executive power resulted in many-year-long conflicts between "new" and "old" owner of Crimean lands, which finally caused total stagnation of Crimean economy on the turn of the nineteenth century. In 1802, Carl Hablitz's prepared the "Project on the Splitting of the New Russia Governorate and the Organization of Administration and Economy in the Crimea," suggesting the main trends of economical and administrative development of the peninsula. Hablitz proposed to fix the conflicts on land on the basis of Russian legislation. He pointed out that the final regulation of economical conflicts should include the general land demarcation in the Crimea. His "Project" is an important source reflecting the views on the Crimea's development produced by metropolitan officers and Emperor Alexander I's close persons of state.

Keywords: Carl Hablitz, Russian Empire, New Russia Committee, Crimea, Crimean Tatars, land-regulation in the Crimea.

ПРОБЛЕМЫ ВАКУФНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В КРЫМУ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ (1853–1856 гг.)¹

Восточная (Крымская) война и ее итоги стали поворотным моментом в истории Российской империи, направившим государство на путь модернизации и реформ. Огромную роль война 1853–1856 гг. сыграла в судьбе крымскотатарского народа. Часть крымских татар во время боевых действий открыто выступила на стороне союзников и сражалась против российской армии в Крыму [17, с. 299–303; 13]. Данное обстоятельство не могло не иметь негативных последствий. В результате большое количество местных мусульман во время и после окончания военной кампании вынуждено было эмигрировать за пределы российского государства. Масштаб данной, второй по счету массовой эмиграции, по-разному оценивался современниками событий и позднейшими исследователями вопроса [см.: 18, с. 629–630, 635; 11, с. 187; 19; 12; 4, с. 45–46; 1; 30, р. 54, 55; 2; 3]. При любой оценке следует говорить о значительном исходе крымскотатарского населения из Крыма. Именно в этот послевоенный период имперская власть начинает пристально следить за вакуфными имуществами в Крыму и активно регулировать механизм их использования и организации. Задействованы в этом процессе оказались различные структуры государственного управления, начиная от местных административных подразделений Таврической губернии и заканчивая центральными органами власти Российской империи. В результате начавшихся преобразований обнажились многие проблемы крымских вакуфов (соответственно, и проблемы крымскотатарского народа), ранее не афишируемые.

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

Вакуфы – традиционный вид мусульманской благотворительности. Они получили широкое распространение в Крымском ханстве, где составляли крупный имущественный земельный фонд. Традиционно можно выделить два их вида. Это *wakf khayrī*, в российское законодательство вошедший под названием «духовный» [28, с. 391; 5, с. 488]. И *wakf ahlī* – в Российской империи получил название «частного» вакуфа [28, с. 391; 5, с. 488]. К моменту присоединения Крыма к Российской империи земельные вакуфы в Крыму по разным оценкам насчитывали от «большинства» [26, с. 15] до 1/3 всех плодородных земель [29, р. 77, 78]. В российском законодательстве еще в конце 20-х гг. XIX в. данный религиозный институт был ошибочно интерпретирован в качестве имущества мусульманского духовенства, мечетской собственности. Контроль и экономическая эксплуатация над вакуфами были закреплены за мусульманским духовенством, институционализированном в рамках Таврического магометанского духовного правления (ТМДП) [16, с. 66]. Но уже к середине XIX века для местной и центральной имперской власти стало очевидным, что ТМДП не удастся наладить эффективное управление вакуфами в Крыму, гарантировать это имущество от перетекания в частную собственность.

Первоначальной причиной, которая послужила толчком к актуализации внимания государственной власти к вакуфной тематике, стала ситуация, сложившаяся с частновакуфным землевладением в Крыму сразу после окончания Крымской войны. Дело в том, что в результате начавшейся эмиграции освобождался значительный массив земель, ранее принадлежавший крымским татарам. В запустение приходили порой целые селения. Многие мечети оказывались заброшенными. Соответственно, заброшенными оказывались и закрепленные за такими мечетями духовные вакуфы, которые поступали в специальный фонд «вакуфов упраздненных мечетей», контролируемый Таврическим магометанским духовным правлением. Частные же вакуфы, которые находились в распоряжении конкретных представителей крымских татар, в массовом порядке стали продаваться посторонним лицам. Это было неправомерно как с точки зрения российских законов, так и мусульманской традиции. В соответствии с российским законодательством [20, т. 4, № 2761, II, 1] такое имущество должно было перейти во владение к другим членам рода, оставшимся в Крыму (данная позиция соответствовала мусульманским нормам, регламентирующим частновакуфное имущество). В конечном же итоге, согласно российским законам, в случае «пресечения линии» рода выморочное частновакуфное

имущество должно было перейти в разряд казенных [20, т. 4, № 2761, II, 6].

Государственную власть, которая постоянно испытывала дефицит казенных земель и выискивала возможность пополнить собственный земельный фонд, ситуация, когда вакуфы переходили в разряд частной собственности, ни в коем случае не могла устраивать. Первым проблему подняло структурное подразделение Министерства внутренних дел – ТМДП, поскольку именно мусульманскому духовенству поручалось контролировать процесс перехода частных вакуфов от одного представителя рода к другому и информировать органы власти о пресечении рода владельца [20, т. 4, № 2761, II, 6].

В 1857 г. Магометанское правление обратилось в министерство внутренних дел с запросом, как поступать в подобных случаях. МВД, в свою очередь, за разъяснениями обратилось к новороссийскому генерал-губернатору А. Г. Строганову. Управление генерал-губернатора провело исследование вопроса, в ходе которого выяснила, что существовало две описи частным вакуфам Крыма. Одна – составленная еще в 1821 г. (ведомость Криницкого, подробнее о ней см.: [14, с. 180]), другая – опись 1849 г. (проверенная местным чиновником Мишелем). Обе находились в распоряжении ТМДП. Таврическая палата гражданского суда (ТПГС) о наличии таких реестров не имела никаких сведений и поэтому утверждала сделки, в результате которых частные вакуфы переходили в собственность частным лицам [21, л. 10].

Палаты гражданского суда в России занимались оформлением имущественных сделок и документов на право собственности: купчих крепостей, духовных завещаний, актов продажи вотчин и т. д. [31, с. 179]. Именно Таврическая палата гражданского суда, в связи с общей запутанностью прав земельной собственностью в Крыму, в 1860 г. была наделена исключительными полномочиями по оформлению на полуострове сделок в земельной сфере [20, т. 35, отд. 2, № 36484]. Естественно, связанные с вакуфными имуществами договоры также входили в юрисдикцию ТПГС.

На основании полученной информации граф А. Г. Строганов 16 марта 1859 г. направил ответное письмо в министерство, в котором согласился с мнением ТМДП, что частные вакуфы (эбнай и эвляд – вакуфы) действительно, «по местным обыкновениям, основанным на магометанском законе», не могут поступать в продажу [21, л. 10, 10 об.]. Исходя из этого, генерал-губернатор предложил обязать ТПГС «не совершать купчих крепостей и не выдавать залоговых актов» на законно утвержденные вакуфы [там же, л. 11]. Далее А. Г. Строганов

выдвинул идею при возникновении судебных тяжб, где задействованы вакуфы, поступать с ними на тех же основаниях, что и с тяжёбными делами с участием казенных имуществ (т. е. действовать в соответствии с 829 ст., т. X, ч. II, Свода зак. гражд., изд. 1857 г.), а также обязал ТМДП передать в распоряжение Таврической палаты гражданского суда частновакуфные ведомости для сверки и гарантированного исключения вакуфов из числа продаваемого имущества [там же, л. 11]. Таким образом, генерал-губернатор высказался за запрет продажи вакуфов, существовавший в Крыму ранее и основанный на мусульманских законах, однако данная идея в силу полномочий А. Г. Строганова могла носить только рекомендательный характер.

Постепенно к обсуждению вакуфной тематики подключились и другие государственные ведомства. Российская бюрократическая машина заработала на полную мощность. Повышенное внимание к вопросу проявило Министерство государственных имуществ, как наиболее заинтересованная структура (именно в распоряжение этого министерства должны были поступать выморочные частные вакуфы). В 1860 г. Министерство госимуществ направило в Крым своего чиновника (директора департамента Гернгросса [10, с. 75]), который подтвердил, что среди продаваемых крымскими татарами земель вполне могли оказаться и частновакуфные [8, л. 33]. Вследствие этого Министерство госимуществ обратилось в МВД с просьбой пресечь такие продажи. МВД, в свою очередь, переадресовало просьбу в Министерство Юстиции, в подчинении которого находилась заключавшая сделки Таврическая Гражданская Палата. В конечном итоге Минюст рекомендовал последней «иметь наблюдение, чтобы частные вакуфы в Крыму не были продаваемы частным лицам» [8, л. 33 об.].

Помимо этого, МВД инициировало законодательное рассмотрение вопроса: можно ли частные вакуфы переселившихся крымских татар передать казне; возможно ли, чтобы переселившиеся татары продолжали пользоваться доходами от частных вакуфов или же такие вакуфы должны перейти другим представителям рода, оставшимся в Крыму [8, л. 34]. За разъяснениями по этому поводу МВД обратилось во II-е Отделение СЕИВ Канцелярии, которое возглавлял Д. Н. Блудов – один из самых авторитетных и компетентных в мусульманском вопросе высокопоставленных чиновников России, хорошо знакомый с вакуфной темой [32, с. 435–436].

Д. Н. Блудов высказался против каких-либо законодательных инициатив в отношении «родовых» (т. е. частных) вакуфов. Он

считал, что все возникающие вопросы можно решить в рамках существующего законодательства. И поскольку от местных властей никаких вопросов не поступало, по его мнению, «было бы излишним входить с представлением о каком-либо предварительном дополнении существующих положений об означенных вакуфах» [8, л. 35; 26, с. 51–52]. Для более подробного изучения проблемы и точного определения тех вакуфов, которые следовало изъять в казенное ведомство, II-е Отделение в 1862 г. потребовало от Таврической Палаты государственных имуществ предоставить более подробные сведения о частных вакуфах [8, л. 35 об.; 27, с. 208–209].

Запрошенные сведения были предоставлены, но качество их категорически не устроило ведомство Д. Н. Блудова. Из предоставленной вакуфной ведомости не было понятно, о каком виде вакуфа идет речь: духовном или частном. Следовательно, не ясно было, какие вакуфы подлежат изъятию в казну и по какой причине: по выморочному праву или же в силу эмиграции всего рода владельцев за границу [8, л. 35 об.]. Что за ведомости были переданы Таврической палатой госимуществ, не совсем понятно. Скорее всего, во II-е Отделение попала т. н. «ведомость Мишеля». Эта опись частных вакуфов была составлена в соответствии со 2 п. II отд. Мнения Госсвета от 22 марта 1829 г. и в 1849 г. сверена на местности чиновником для поручений при Таврическом губернаторе Мишелем. Реестр действительно вызывал ряд нареканий по своему качеству как со стороны мусульманского духовенства, так и со стороны исследователей вопроса. В частности, составители подробной работы «Частно-вакуфное владение в Крыму» отмечали, что «в отдельности взятая, не подкрепленная завещательными актами» ведомость Мишеля не могла служить надежным источником права на частно-вакуфное владение [26, с. 50]. Поэтому неудивительна была бы критика данного документа и со стороны II-го Отделения СЕИВ Канцелярии. Тем не менее, по мнению председателя Особой Вакуфной комиссии Ф. С. Голицына, ведомость эта стала «первою и единственною официальною описью, на которую можно ссылаться, как на одно из необходимых доказательств принадлежности имущества к составу частных вакуфов» [25, с. I, II]. Данный реестр, помимо ТМДП, находился также в распоряжении таврического губернатора и Таврической палаты государственных имуществ [26, с. 48–49] и, соответственно, с большими шансами мог оказаться во II-ом Отделении.

Поскольку предоставленные Таврической Палатой госимуществ сведения оказались малоинформативны, II-е Отделение потребовало

от нее «безотлагательно приступить» к сбору информации, какие частновакуфные имения подлежали изъятию в казну [8, л. 35 об.; 26, с. 52].

Как говорилось выше, в соответствии с российским законодательством, подобную информацию обязано было собирать ТМДП [20, т. 4, № 2761, II, 6; 24, т. XI, п. 14, прил. к 1203 ст.]. Поэтому именно в это ведомство Таврическая палата государственных имуществ обратилась в 1864 г. с просьбой о немедленном предоставлении сведений о всех частных вакуфах Крыма [8, л. 36, 74]. Но кроме вышеупомянутых ведомостей Криницкого и Мишеля, какая-либо другая информация о частных вакуфах у ТМДП отсутствовала. Правление вынуждено было начать сбор дополнительной информации. В результате только в 1868 г. ведомости о частных вакуфах были переданы в Управление государственными имуществами Таврической губернии (так теперь называлась бывшая Таврическая Палата госимуществ) и в ДДДИИ.

Качество и этих новых ведомостей вызвало ряд нареканий со стороны государственных органов. Так, в отзыве Управления госимуществами отмечалось, что большая часть указанных в них эбнай и эвляд вакуфных земель оказалась проданной «несколько десятков лет [назад] частным лицам самими наследниками», некоторые вакуфы оказались в распоряжении частных собственников, хотя завещаны были в пользу мечетей Мекки и Медины, не пояснялись и причины, из-за чего частные вакуфы следовало передать в распоряжение казны, а не отдать «по принадлежности», в соответствии с волей учредителя [8, л. 48, 48 об.]. Поэтому Управление госимуществами обратилось в ТМДП с просьбой доставить дополнительные сведения, но только о тех вакуфах, которые «за выездом в Турцию наследников или пресечения рода подлежат к передаче в казну по праву выморочному...» [8, л. 49].

ДДДИИ, в свою очередь, указывал, что представленные ведомости позволяют начать процесс передачи частных вакуфов в казну только в Перекопском уезде (что и было сделано в отношении 10 частновакуфных владений). В ведомостях же по остальным уездам информация о вакуфах, подлежащих переходу в казну, вообще отсутствовала, хотя требования предоставить такие сведения со стороны Управления госимуществами к ТМДП поступали неоднократно. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев и директор ДДИИ Э. К. Сиверс присоединились к обращению Управления госимуществ к ТМДП о доставлении дополнительных сведений о частных вакуфах в Крыму [8, л. 52, 52 об.].

У ТМДП имелось свое мнение на систематизацию сведений о вакуфах, достаточно резко контрастирующее с позицией вышеназванных ведомств. Во-первых, Правление не усматривало необходимости собирать какую-либо дополнительную информацию (акты учреждения, фиксация перехода к наследникам) о частных вакуфах, поскольку, по его мнению, действовавший закон этого не предусматривал. Во-вторых, ТМДП предлагало наиболее простое решение задачи пополнения фонда казенных земель за счет частных вакуфов. Правление считало, что в пользу казны необходимо передать все частновакуфные имущества, которые присутствовали в ведомостях и по каким-либо причинам оказались в распоряжении посторонних лиц (вне зависимости от оформленных купчих и сроков давности сделок). В-третьих, Правление призналось, что не имеет возможности «к доставке более подробных сведений» о частных вакуфах. Наконец, по мнению ТМДП, защищать такие вакуфы от незаконных продаж в первую очередь должны были наследники имущества, а в случае «прекращения их рода» – заинтересованные в изъятии вакуфов в казенное управление общероссийские государственные структуры, но никак не Правление [8, л. 69 об.; 22, л. 11, 12].

Очевидно, что с такой позицией МГИ и МВД согласиться не могли. Попытка радикального изъятия проданных когда-то частных вакуфов в государственную собственность привела бы к волне судебных исков со стороны новых хозяев, которые уже продолжительное время пользовались имуществом, и в значительной степени подорвала бы экономику края. Затронула бы такая акция и интересы влиятельных лиц государства, многие из которых числились собственниками бывших вакуфных участков, в особенности на Южном берегу Крыма [15, с. 504]. В то же время местные чиновники названных министерств понимали, что имеющихся документальных подтверждений существования частных вакуфов было крайне мало, чтобы создать достаточную с точки зрения российского законодательства доказательную базу, позволившую бы казне претендовать на положительные судебные решения. «Выжать» же еще какие-либо дополнительные сведения от ТМДП оказалось невозможным. Для решения проблемы Таврическое управление госимуществ в 1870 году предложило создать Особую комиссию из чиновников МВД, Управления госимуществами и ТМДП с целью «собрать на местах необходимые...сведения» о частных вакуфах. По замыслу Управления, это позволило бы устранить в будущем проблему перехода вакуфов в частную собственность, а также смогло

бы «убедить» часть действующих владельцев добровольно, без суда, передать в казну неправильно присвоенное имущество [8, л. 77].

Данная идея была сообщена министру госимуществ А. А. Зеленому, но не нашла у него положительного отклика. Министр считал, что собирать информацию и контролировать процесс правильного перехода частных вакуфов к наследникам или же казне обязано ТМДП. Он в свою очередь обратился к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву с просьбой заставить Правление добросовестно выполнять свои обязанности по отношению к частным вакуфам.

Параллельно с попытками решить проблемы, касавшиеся частновacuфного землевладения, ТМДП и другие российские государственные структуры столкнулись с рядом трудностей, относившимся к духовным вакуфам. Отчасти эти проблемы были схожи и связаны, в первую очередь, с крымскотатарской эмиграцией и неэффективностью управления вакуфами духовенством.

Как сообщала Канцелярия Государственного контроля, в течение 1853–1856 гг. из Крыма в Турцию самовольно удалилось значительное количество мусульманского духовенства. В результате в Крыму оставалось много заброшенных мечетей и числящихся при них духовновacuфных земель. В наибольшем объеме данный процесс затронул Ялтинский и Евпаторийский уезды. Нередко накануне выезда причетники и опекуны имущества продавали в частные руки находившиеся в их распоряжении духовные вакуфы, раздавали посторонним лицам или утаивали вакуфные денежные средства, как, например, имам прихода Биюк Джамии в г. Карасубазаре Мамут эфенди [9, л. 29, 46–47]. В особенности в этом вопросе отличился евпаторийский уездный кадий Сеит Осман эфенди, который оставил у себя вакуфный капитал и продавал в частную собственность вакуфные земли [23, л. 1–2].

ТМДП оказалось не в состоянии остановить злоупотребления местного духовенства. Из-за начавшегося, по оценке таврического губернатора А. Г. Рейтерна, «хаоса» и «беспорядочности» действий эмигрировавшего духовенства Правление также не смогло собрать достоверную информацию и решить проблему фиксации покинутых вакуфов с целью их дальнейшего использования [23, л. 4–9]. Надо сказать, что с документированием вакуфов проблемы возникали и в мирное время, в условиях же послевоенной эмиграции Крым покидали жители, которые порой единственные могли подтвердить и доказать факт существования вакуфа.

Поскольку точная и надежная информация о качестве вакуфа и его границах при возникновении судебного спора устраняла бы

проблему перехода данного вида владения в частную собственность, то для наведения порядка в вакуфной сфере губернским правительством было инициировано составление ведомостей духовных вакуфных имуществ и капиталов. Ведомости эти составлялись уездными кадиями несколько лет (1857–1861 гг.), но даже по мнению ТМДП «оказались неверными», так как были «составлены уездными кадиями после выезда татар из многих деревень в Турцию *примерно*» (курсив мой – К. Д.) [7, л. 13, 13 об.; 6, л. 1]. Поэтому назрела необходимость провести повторное, более тщательное исследование.

На время, пока составлялись очередные «полные и верные сведения» о вакуфном имуществе, новороссийским и бессарабским генерал-губернатором А. Г. Строгановым было принято решение (№ 669 от 23 мая 1861 г.) приостановить продажу духовных вакуфов. Данное решение было одобрено МВД [7, л. 11, 11 об.].

Активная фаза составления ведомостей началась только в 1866 г. Для точного фиксирования вакуфного имущества специально были разработаны 5 специальных форм: для вакуфной недвижимости в сельской местности, находящейся в распоряжении духовенства, и для вакуфов, которыми духовенство не распоряжается «по причине споров»; такие же две ведомости для городского имущества; и отдельная ведомость для фиксации принадлежащих мечетям и медресе вакуфных капиталов [6, л. 5–6 об.]. Сбор информации по-прежнему был возложен на уездных кадиев. Для более ответственного отношения кадиев к данной обязанности ТМДП обратилось к каждому из них с предостережением. Кадиев предупреждали, что, во-первых, сведения о вакуфах должны подтверждаться документами или свидетельскими показаниями; во-вторых, за достоверность информации несут ответственность сами кадии; в-третьих, ведомости в 2-ух экземплярах необходимо было доставить в Правление в течение 3-х месяцев со дня получения и заполнены они должны быть «порусски на хорошей белой бумаге, хорошим почерком и чернилами»; в-четвертых, в случае неисполнения требований кадий подлежал увольнению, все обнаруженные неточности в ведомостях исправляются за счет кадия; наконец, в-пятых, никаких отговорок о невозможности предоставить запрашиваемые сведения не принималось, так как информация эта требовалась «высшим начальством» [6, л. 3 об.–4 об.].

Как это часто случалось в Российской империи, грамотно и четко составленные на бумаге законы, правила, инструкции далеко не всегда добросовестно исполнялись в жизни. Не стала исключением и

ситуация с составлением вакуфных ведомостей. Мусульманское духовенство традиционно затягивало этот процесс. Стоит вспомнить, что еще в 30-е гг. XIX в. во время проведения в Крыму генерального межевания мусульманское духовенство крайне неохотно шло на контакт с властью [15, с. 502–503]. Его инертность, неповоротливость, граничащая с саботажем медленность в предоставлении информации о вакуфах стали одной из главных причин незаконченности межевания вакуфных земель в Крыму.

Исходя из отмеченной тенденции, вполне естественной выглядело и дальнейшее развитие событий по предоставлению ведомостей кадиями. Очень скоро после полученного предупреждения кадии стали рапортовать в ТМДП о невозможности составить ведомости в отведенный срок (3 месяца), указывая на самые разные причины. Так, исполняющий должность перекопского уездного кадия в ноябре 1866 г. просил ТМДП прислать ему составленные им же в 1861 г. описи, так как «черновики у него не осталось...» [6, л. 9, 9об.]. Ялтинский уездный кадий 24 декабря 1866 г. докладывал, что вакуфные участки на южном берегу находятся главным образом в горах и добраться до них в зимнее время невозможно. Поэтому просил отсрочки до марта следующего года [6, л. 12–13]. Задерживал предоставление ведомостей и Симферопольский уездный кадий [там же, л. 17 об.]. Задержка с составлением ведомостей начала беспокоить заинтересованные государственные структуры. Дважды в ТМДП с просьбой ускорить процесс обращалась симферопольская земская управа (28 ноября 1866 г. и 7 сентября 1867 г.), поскольку отсутствие данных о вакуфах не давало ей возможности составить смету земского сбора на наступающий год в уезде [там же, л. 17 об., 50]. В течение 1867–1868 гг. неоднократно с требованием предоставить общие ведомости обращался в Правление таврический губернатор Г. В. Жуковский [там же, л. 58, 58 об., 59–60, 61]. Наконец, благодаря оказанному давлению, ТМДП составило общие ведомости вакуфным имениям и капиталам в Крыму и 30 марта 1868 г. представило их таврическому губернатору. Надо сказать, что и эти уточненные ведомости нельзя было назвать качественными и отражавшими реальную ситуацию с вакуфами в Крыму. По оценкам членов «Особой Комиссии о вакуфах», ведомости 1866–1868 гг. являлись «голословными» и могли служить исключительно «для справок», составлены были кадиями «единолично» и не были подкреплены «доказательствами правильности и точности внесенных в них сведений» [25, с. II].

Таким образом, несмотря на то, что ведомости были предоставлены почти с полуторагодовой задержкой, но и этого времени для полноценного сбора сведений оказалось недостаточно. А ведь эта информация и без дополнительного исследования должна была присутствовать у уездных кадиев.

Между тем ТМДП вынуждено было констатировать, что, кроме уже предоставленных в 1868 г. вакуфных ведомостей, какую-либо новую и более подробную информацию о вакуфах собрать не сможет. Причины такого положения ТМДП объяснило в специальном докладе, в котором с удивительной откровенностью была дана характеристика состояния вакуфного вопроса в Крыму по состоянию на 1870 год.

Во-первых, Правление признавало, что предоставленные ведомости не вполне отражают действительно состояние вакуфных имуществ. Многие из вакуфов лишь формально числились в кадиевских ведомостях, на практике же давно использовались не по назначению. Произошло это в силу того, что после 1860 г. («со времени выхода за границу татар и духовных причетников») большая часть вакуфных земель перешла в пользование посторонних лиц, и последние «уже совершенно не допускают теперь духовенства к распоряжению и пользованию вакуфными землями» и доказывают свое право давностью владения и законно оформленными купчими. Некоторые же крымские землевладельцы хотя и признавали наличие вакуфов внутри своих участков, но, пользуясь тем, что они не обмежеваны, «или не дозволяют духовенству быть участниками в общем владении, или дают причетникам по своему произволу и от милости какую-нибудь ничтожную плату» [7, л. 81].

Во-вторых, Правление вынуждено было констатировать, что «все прежние фактические и юридические данные на вакуфные земли потеряли свою силу, и на показания оставшихся в Крыму причетников Духовное Правление положиться не может, потому что эти причетники показывают количество вакуфных земель или по слухам, или по предъявленным описям Духовного Правления, но сами таковыми землями в действительности не владеют фактически, и указать их в натуре не могут». Имевшиеся же ранее планы и межевые книги на часть вакуфных земель оказались «неизвестно кем и когда утраченными» [там же, л. 81 об.]. Восстановить же утраченные права на вакуфные земли судебным порядком было невозможно, в чем Правление уже неоднократно убеждалось. Тяжбы приводили лишь к дополнительным расходам в виде судебных издержек.

Поэтому (в-третьих) ТМДП считало, что при таком положении дел мусульманскому духовенству «остается только ожидать от

начальства особого разрешения о таких вакуфах, коими частные лица владеют без покупки...», или же надеяться на «благодаяние» со стороны «частных лиц», завладевших вакуфами, в виде «добровольных» (sic!) выплат за эти земли [там же, л. 81 об., 82].

Наконец, Правление утверждало, что не может поручиться за сохранность даже тех вакуфов, которые находились в непосредственном владении духовенства. Из-за того, что местное духовенство не занималось самостоятельно хлебопашеством, а сдавало вакуфные земли в аренду, сделки, как правило, не оформлялись официально. И поэтому арендатор в любой момент мог инициировать судебную тяжбу с большими шансами на успех, поскольку являлся фактическим пользователем земли. Правление даже предлагало обязать мусульманское духовенство, непосредственно ответственное за вакуфы, отвечать за его сохранность собственным имуществом, и «этим способом понудить то духовенство к выполнению обязанностей установленных для своевременной защиты казенных имуществ». Данное обстоятельство демонстрировало фактическое отсутствие взаимопонимания в вакуфном вопросе между ТМДП и подчиненным ему духовенством, а также низкий авторитет Правления среди мусульманского духовенства на местах [там же, л. 82 об.].

Поскольку, в целом, доклад отражал точку зрения государственного органа, непосредственно занимавшегося вакуфной темой, к тому же официально уполномоченного регулировать и отстаивать интересы мусульман не только Крыма, но и западных губерний Российской империи, то оценку состояния вакуфов, изложенную в докладе, можно считать максимально объективной.

Таким образом, необходимо констатировать отсутствие со стороны ТМДП и уездных кадиев контроля за вакуфами. Проблема обострилась в послевоенный период, когда в результате крымскотатарской эмиграции большое количество вакуфного имущества оказалось оставленным владельцами. Местное мусульманское духовенство зачастую стало распоряжаться вакуфами по своему усмотрению, вопреки его предназначению и законным основаниям. Такая ситуация привела к печальному итогу, когда, по оценке ТМДП, «большая часть» вакуфных земель перешла во владение посторонних лиц. Исправить ситуацию законным путем оказалось практически невозможно из-за отсутствия или утраты подтверждающих документов на вакуфы со стороны духовенства, а также из-за давно наступившей 10-летней бесспорной давности владения вакуфными землями новыми лицами, которая служила

надежным доказательством частной собственности в российском законодательстве. Предпринятые рядом заинтересованных ведомств (МВД, МГИ, Минюст) шаги по урегулированию ситуации также не принесли ощутимых результатов, прежде всего из-за отсутствия четкого механизма по учету и сбору информации за вакуфами. По сути, попытка властей по составлению точных ведомостей вакуфных владений в Крыму оказалась провалена. С этим заданием также не справилось и ТМДП. Предоставленные в 1868 г. в распоряжение таврического губернатора вакуфные т. н. «кадиевские» ведомости были крайне неточны. Небрежность в их составлении не позволяла использовать их в качестве надежного доказательства наличия вакуфов при разбирательствах в судебных инстанциях. Улучшить качество ведомостей ТМДП не имело возможности по ряду причин, главная из которых заключалась в том, что члены Правления уже давно перестали вести точный учет вакуфным имуществам, возложив эти обязанности на мусульманское духовенство на местах. Перед царскими чиновниками все очевиднее становилась необходимость создания специализированного независимого от мусульманского духовенства органа по учету, контролю и распоряжению за вакуфными имуществами в Крыму. Именно на данном направлении и были сосредоточены дальнейшие усилия имперской власти по урегулированию вакуфной проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абибуллаева Д. И. Проблема эмиграции крымских татар на страницах газеты «Терджиман» // Ученые записки Таврического Национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2010. Т. 23 (62). № 1. С. 3–9.
2. Алиев Р. Д. К земельному вопросу крымских татар в контексте их эмиграции в конце XVIII – начале XX вв. // Культура народов Причерноморья. 2012. № 228. С. 23–25.
3. Алиев Р. Д. Последствия эмиграции крымских татар в 60-х гг. XIX века: постановка проблемы // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2014. Т. 27 (66). № 2. С. 10–16.
4. Бекирова Г. Проблема еміграцій кримських татар у російській історичній літературі XIX ст. – 30-х років XX ст. // *Studia Turkologica*. Воронежский тюркологический сборник. 2007. Вып. 4. С. 37–52.
5. Вормс А. Вакуфы // Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко». Издание VII. М.: Главная контора Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко», 1910–1948. Т. VII. С. 483–489.
6. ГАРК. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1199. О поверке вакуфных имений и капиталов и о составлении им точных ведомостей. 27 сент. 1866 – 17 ноября 1871 г. 187 л.

7. ГАРК. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1221. О разрешении производить продажу не приносящих дохода вакуфных участков земли и ветхих строений. 1 июня 1867 – 5 дек. 1878 г. 98 л.
8. ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Д. 23. О всех частных вакуфах, подлежащих обращению в казну за прекращением родов завещателей, о проверке таковых вакуфов и о составлении им ведомостей. 15 июня 1886 г. 161 л.
9. ГАРК. Ф. 456. Оп. 1. Д. 131. Об утайке вакуфного капитала имамом г. Карасубазара прихода Биюк Джами Мамутом эфенди. 1886 г. 128 л.
10. Гольденберг М. Крым и крымские татары // Вестник Европы. 1883. Т. 6. Кн. 11 (ноябрь). С. 67–89.
11. Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды. Симферополь: Тавр. Губ. тип., 1885. 324 с
12. Золотарев Д. Ю. Кримськотатарська еміграція останньої третини ХІХ – початку ХХ ст.: історіографічний і джерелознавчий аспекти: дис. ...канд. іст. наук: 07.00.06. Київ, 2000. 258 с.
13. Козельски М. Побочные жертвы: крымские татары в годы Крымской войны // Неприкосновенный запас. 2016. № 3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/n3-2016/30624-pobochnye-zhertvy-krymskie-tatary-v-gody-krymskoj-voyny.html> (дата обращения: 29.10.2016).
14. Конкин Д. В. Вакуфный вопрос в деятельности «Комиссии для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» (1816-1819 гг.) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решения. Сборник научных статей. Симферополь: ИД «Тезис», 2009. С. 170–183.
15. Конкин Д. В. Граф М. С. Ворноцов и вакуфный вопрос в Крыму // МАИЭТ. 2010. № 16. С. 488–518.
16. Конкин Д. В. Крымские вакуфы во второй половине ХІХ века: историко-юридический аспект // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 63–83.
17. Кырымлы Х. О крымскотатарских войсках в составе османской армии в период Крымской войны // Культура народов Причерноморья. № 43. 2002. С. 299–303.
18. Левицкий Г. П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. 1882. Т. V. Кн. 10. С. 596–639.
19. Маркевич А. И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Л., 1928. № 4. С. 375–405
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1830–1881.
21. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 853. Дело о разрешении и запрещении продажи, сдачи в аренду вакуфных земель в Таврической губернии. 22 авг. 1857 – 6 дек. 1883 г. 191 л.
22. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 883. Дело об отсрочке приема в казну вакуфов Таврической губернии, принадлежащих лицам, бежавшим в Турцию. 3 дек. 1869 – 22 марта 1905 г. 331 л.
23. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 888. Дело по вопросу о сборе сведений о составе и доходности имений, оставшихся в Евпаторийском и Ялтинском уездах Таврической губернии после бежавшего в Турцию в период Крымской войны

- магометанского духовенства, с целью изъятия этих имений в казну. 17 июня 1871 – 9 марта 1872 г. 11 л.
24. Свод законов Российской империи. Издание 1857 года [в 15 тт.]. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВ Канцелярии, 1857. Т. 11. Ч. 1: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. 264 с.
 25. Сравнительная ведомость частным в Крыму вакуфам, составленная Высочайше учрежденной Особой Комиссией о вакуфах в 1893 г. Симферополь, 1893. 199 с.
 26. Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь: Тип. Спиро, 1892. 150 с.
 27. Частно-вакуфное владение в Крыму: [Приложения]. Симферополь: Тип. Спиро, 1892. 245 с.
 28. Яновский А. Е. Вакуф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. V. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1891. С. 390–393.
 29. Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1978. 264 p.
 30. Kozelsky M. Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. Illinois: Northern Illinois University Press, DeKalb, 2010. 270 p.
 31. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
 32. Konkin D. V. The “Wakf Question” in the System of Relations between Russian Autocracy and Crimean Moslems (Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries) // МАИЭТ. 2015. № 20. С. 431–444.

Д. В. Конкин

Проблемы вакуфного землевладения в Крыму после окончания Восточной войны (1853–1856 гг.)

Резюме

В период после окончания Восточной (Крымской) войны в результате крымскотатарской эмиграции большое количество вакуфного имущества в Крыму оказалось оставленным владельцами. Местное мусульманское духовенство зачастую стало распоряжаться вакуфами по своему усмотрению, вопреки его предназначению и законным основаниям. Вакуфные земли в массовом порядке стали продаваться посторонним лицам, что было неправомерно с точки зрения как российских законов, так и мусульманской традиции. В статье подробно рассмотрены такие процессы, продемонстрированы действия имперской власти по защите вакуфного имущества от перехода в частную собственность, сделаны выводы о несостоятельности Таврического магометанского духовного правления в качестве главного администратора, регулятора и контролера вакуфного имущества в Крыму.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, крымские татары, вакуфы, эмиграция, Крымская война.

D. V. Konkin
**Aspects of Wakf Land Properties in the Crimea after the End
of the Crimean War (1853-1856)**

Summary

In result of Crimean Tatars' emigration in the period following the end of the Crimean (Eastern) War, the owners left a big share of the *wakf* properties in the Crimea. Local Moslem clergy often used *wakf* lands voluntary, disregarding its initial purpose and legal base. Many *wakf* lands were sold out to the strangers, which was illegal from both the Russian law and Moslem tradition. The article provides a detailed analysis of the said processes, demonstrates the imperial authority's actions aimed at protection of the *wakf* properties from transition to private ownership, and draws the conclusion of the Taurida Muhammadan Spiritual Administration's bankruptcy as the chief manager, regulator, and controller of the *wakf* properties in the Crimea.

Keywords: Russian Empire, Crimea, Crimean Tatars, wakf lands, emigration, Crimean War.

Межнациональные отношения на окраине империй

УДК 94 (Р 477.75):[314.9+512.143]“17”

Д. А. ПРОХОРОВ

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь*

К ПРОБЛЕМЕ ЧИСЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КАРАИМСКОЙ ОБЩИНЫ ЧУФУТ-КАЛЕ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА¹

История караимской общины Чуфут-Кале в свое время нашла отражение как в трудах дореволюционных авторов, так и в исследованиях ряда современных отечественных и зарубежных специалистов [3; 4–6; 7–9; 13–15; 19; 20; 29–31; 34; 36; 37]. Тем не менее, непосредственно проблема численности и социальной дифференциации караимской общины Чуфут-Кале после присоединения Крыма к России в литературе ранее не рассматривалась, что и обуславливает актуальность данной темы. В задачи настоящей публикации входит анализ демографических, статистических аспектов, а также вопросы социальной стратификации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII в. При работе над статьей использовались данные статистики: в частности, материалы двух российских ревизий и переписей населения 1792 и 1796 г., статистические обзоры, отчеты и сведения, опубликованные в тематических справочниках, путеводителях, адрес-календарях и пр. Кроме того, основой для работы послужили архивные документы из фондов Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (ГКУ РК ГАРК), ранее лишь частично введенные в научный оборот [3, с. 59–61].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

В соответствии со сведениями, собранными бароном О. А. Игельстромом в «Камеральном описании Крыма», на полуострове в 1783 г. всего проживало 140 000 чел. (муж. и жен.). Что касается непосредственно численности крымской караимской общины, то итоговая цифра была рассчитана из количества домов на полуострове, занятых евреями-раввинистами и караимами (в общей сложности 469 зданий) – при этом был сделан вывод, что их общее количество составляло 1407 чел., «ежели положить по 3 души мужеского полу» [24, с. 159; 23, с. 104]. Принимая во внимание, что в конце XVIII в. непосредственно на Чуфут-Кале было 217 домов [23, с. 103], а также то обстоятельство, что каждая семья могла состоять в среднем из 4–5 чел., то проживавших там караимов насчитывалось от 850 до 1100 чел. В результате IV и V ревизий, или народных переписей населения (подушного ревизского учета податного мужского населения с единицей учета – «ревизской душой», вносившейся в именные списки, или т. н. «ревизские сказки»), проведенных на полуострове, соответственно, в 1792 и 1796 гг., было установлено, что общее число жителей в Крыму достигло цифры в 156 400 чел.; из них караимов – 2300 чел. (по другим данным – 2410 муж. и жен.), причем только в Бахчисарае (включая и Чуфут-Кале) проживало 1162 мужчин и женщин караимского вероисповедания. П. И. Сумароков, совершивший поездку по Крыму в 1799 г., отмечал, что крупные караимские общины существовали в Кафе и Чуфут-Кале – в «пещерном городе» путешественник насчитал 227 домов, а П. С. Паллас, в свою очередь, указывал, что в Чуфут-Кале проживало 1200 лиц караимского вероисповедания (муж. и жен.) [16, стлб. 297; 33, с. 58, 59; 27, с. 81; 11, с. 121, 122].

«Ревизские сказки» по г. Бахчисараю, составленные по результатам проведенных ревизий и представленные в вышестоящие инстанции Бахчисарайским городовым магистратом (см. Приложение), являются весьма информативным документом по вопросу о численности и социальной дифференциации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII в. В числе лиц, подписавших ревизские сказки по Бахчисараю и Чуфут-Кале, помимо главы магистрата и выборных от общин, значился «еврей местечка Кале купец Хаджи Борох» (впоследствии караим Садук Хаджи Борох Эгиз даже баллотировался на пост городского головы Бахчисарая в ходе купеческих и мещанских выборов на трехлетие с 1818 по 1821 гг.) [31, с. 466]. В ходе переписи 1796 г. учитывались группы податного населения: крестьяне, посадские люди, купцы (кроме 1-й гильдии); не подлежало учету также духовенство и женщины. Однако в составленных городской администрацией Бахчисарая списках имеются

подробные сведения о семейном положении представителей купеческого сословия, принадлежавших, в том числе, и к 1-й, и к 3-й гильдиям. Причем в ходе VI ревизии в нераздельном владении одним капиталом объявили себя как некоторые купцы, так и лица, записанные ранее в ходе ревизии 1792 г. – «по незнанию ими российского права» – в мещанское сословие. Некоторые купцы, за неимением капитала и в соответствии с новым положением о проведении ревизии, выбыли из купеческого сословия и были причислены к мещанам на разные сроки (и, напротив, те, кто ранее был исключен из купцов, вновь были причислены к этому сословию после вхождения в совместное владение с капиталом родственников).

В ряде случаев происходило также разделение ранее «нераздельного» капитала, и новые собственники после объявления ими своего финансового статуса переходили в другие категории податного населения. Отдельные представители караимской общины Чуфут-Кале, внесенные в списки IV ревизией, в 1795 г. были приписаны Таврической областной казенной палатой к караимской общине Евпатории; напротив, некоторые караимы Чуфут-Кале, чьи фамилии были пропущены в списках ревизии 1792 г. «за их отлучкою», были вновь внесены в списки V ревизии. Кроме того, в этих документах указаны имена и фамилии членов караимской общины Мангупа (которая в 90-х гг. XIX в. прекратила свое существование) и Феодосии, переселившихся с семьями в Чуфут-Кале [35, с. 283–294; 21, с. 113–122]. Данные ревизии указывают и на продолжавшиеся контакты с караимскими общинами других регионов – например, член караимской общины Чуфут-Кале Юфуда Тирта вместе с женой Бабиш (искаж. от Бюбуш) на момент проведения переписи находился в Иерусалиме [12, л. 103 об.].

В частности, выявлено, что в списки купцов 1-й гильдии был внесен Биньямин бен-Шмуэль «Ага», бывший управляющий финансами и заведующий монетным двором последнего крымского хана Шагин-Герая, а также Авраам Аджи (умер уже после проведения IV ревизии в 1791 г.), а также члены их семей (всего 4 муж. и 5 жен.). В категорию купцов 3-й гильдии и членов их семей из караимской общины Чуфут-Кале по итогам ревизии 1796 г. было записано 452 чел. (257 муж. и 195 жен.); исключено в мещанское сословие – 39 чел. (17 муж. и 22 жен.). Выбыло в другие города 6 (3 муж., 3 жен.) представителей 3-й купеческой гильдии. Диапазон сумм по заявленным караимскими купцами капиталам колеблется в диапазоне от 2005 руб. до 8015 руб.

Архивные документы являются важным информативным источником не только по численности караимской общины Чуфут-

Кале, но свидетельствуют о демографической и гендерной ситуации внутри нее – в частности, в списках приведены данные относительно рождаемости и смертности, возрастных показателей членов общин, близкородственных и внутриобщинных связей и т. п. Возрастные группы в караимской общине Чуфут-Кале, в соответствии с данными «ревизий» 1792 и 1796 гг., распределялись следующим образом (учтены как купцы, так и представители мещанского сословия): детей от 1 года до 9 лет включительно – 141 (68 мальч., 73 дев.); от 10 до 19 лет – 104 (63 мальч., 41 дев.); взрослых от 20 до 29 лет – 89 (52 муж., 37 жен.); от 30 до 39 лет – 57 (34 муж., 23 жен.); от 40 до 49 лет – 38 (21 муж., 17 жен.); от 50 до 59 лет – 30 (23 муж., 7 жен.); от 60 до 69 лет – 11 (7 муж., 4 жен.); от 70 до 79 лет – 4 (2 муж., 2 жен.); от 80 до 89 лет – 1 муж. [12, л. 85–108 об.]. Число умерших караимов составило 16 чел. (11 муж., 5 жен.). Анализируя вышеприведенные данные, можно констатировать, что караимская община Чуфут-Кале в конце XVIII в. была сравнительно молодой, а наибольший процент ее представителей составляли лица от 1 года до 40 лет.

Несомненный интерес представляют данные переписей населения и в контексте изучения караимской ономастики и антропонимики. Важное значение имеют приведенные в документах имена, фамилии и прозвища караимов, которые использовались в рассматриваемый исторический период, в конкретной социальной группе (купцы и частично мещане) и на ограниченной территории (в данном случае это Чуфут-Кале и Бахчисарай, включая выходцев из караимских общин Феодосии и Мангупа). Антропонимы могут свидетельствовать как об отличительных признаках их носителей, так и о принадлежности к тому или иному роду, могут указывать на их занятия или же ремесло. В этой связи следует указать также на неточности, допущенные составителями документа (писарей, переводчиков и делопроизводителей), которые в ряде случаев фиксировали полученные ими сведения без учета караимской специфики. Например, в описи встречается различное написание женских и мужских имен как библейского, так и арабско-тюркско-персидского и греческого происхождения: Сарра (в документе – Сарра, Сара), Эстер (Истер), Рахель (Рагиль, Рагель), Батчева (Бакшева), Гулюш (Гулиш, Дулюш), Фирсин (Фирюсун, Ферусун, Ферсин), Акбике (Акпике), Айтолу (Аитулу, Аитула), Хаджикей (Хачике, Гаджике), Ривка (Рефка, Ревфка), Саадат (Садек), Фумла (Фумулу), Шеломит (Шулемет), Кероча, или Керача (Херече), Тохтар (Тохта), Тотеке (Тутеке) и др. То же касается мужских имен и фамилий: Исаак (Исак), Моисей (Моше), Иаков (Яков), Юсеф (Йосеф, Иосиф) Мордехай (Мордохай), Ефит (Ефет), Эфраим (Ифраим),

Фарумда (Фарында), Эзра (Изра), Коселе (?). Среди прозвищ караимов встречаются и те, что могут свидетельствовать о занятиях некоторых членов караимской общины Чуфут-Кале или же о том, откуда они родом: например, Билек (возможно, иск. Болек – «подарок»), Бузов («теленек»), Ринчек (Эринчек – «ленивый», позднее встречается как фамилия; прозвище в сочетании с фамилией Капуджи – «ленивый привратник»), Шоэр (предположительно, восходит к аббревиатуре «шохет ве-ров» – резник, обученный законам ритуального убоя скота), Бутович (обрезчик деревьев), Мангуб/Мандубу/Мангубу (от топонима Мангуп; впоследствии трансформировалась в караимскую фамилию Мангуби), Туршу (в пер. с караимского – «маринованный»; прозвище видоизменилось в фамилию Туршу) и пр. [10, с. 48–53; 28, с. 140–156, 170, 181].

Ценность обнаруженных документов заключается и в возможности научной реконструкции биографий некоторых членов караимской общины Крыма. Так, несмотря на многочисленные упоминания в источниках о деятельности Биньямина бен Шмуэль Ага, практически отсутствует информация о нем самом. В обнаруженных архивных документах приведены данные об этом представителе крымской караимской общины и членах его семьи. В результате IV и V ревизий, проведенных, соответственно, в 1792 и 1796 гг., было установлено, что Биньямину бен Шмуэлю Ага в 1795 г. было 49 лет, он являлся купцом 1-й гильдии, и на 1795 г. он объявил «вместе с братьями капиталу на 8015 рублей». Что касается семейного положения, то Биньямин бен Шмуэль был женат на Рахель, которой на момент проведения ревизии исполнилось 39 лет; у супружеской четы было шестеро детей (сыновья Шумаил, Давид, Исаак, Асаф, новорожденный Береха и дочь Эстер). Родные братья бывшего казначея (Авраам, Симха, Лейзер, Сарач), с которыми он состоял во владении совместным капиталом, также были приписаны к купеческому сословию; в 1792 г. младший из братьев, 29-летний Сарач, как следовало из списков V ревизии, скончался.

В документе также приведены биографические сведения и об одном из известных караимских хронистов рабби Азарье бен Илиягу, авторе летописи, созданной им в последние годы правления крымского хана Шагин-Герая под названием «События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана». Первым перевел эту рукопись на русский язык А. С. Фиркович, опубликовавший ее в 1856 г. в журнале «Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских» [1, с. 100–134]. В 1911 г. этот перевод (по замечанию Г. Ахиезер, во многом неточный и неполный) [3, с. 62–74] был перепечатан в журнале «Караимская жизнь» [2, с. 52–79].

Републикацию полного текста рукописи Азарьи бен Илиягу с научными комментариями подготовила и издала в 2015 г. доктор исторических наук Г. Ахиезер (Ариэльский университет, Израиль) [3]. Хроника рабби Азарьи бен Илиягу содержит подробные сведения о самом Шагин-Герае, о его реформистской деятельности, а также о причинах недовольства местного населения правлением крымского хана, что выразилось в целом ряде антиправительственных выступлений. В хронике приводится описание и бедственного положения караимской общины Чуфут-Кале в период этих бунтов. В «ревизской сказке» по Чуфут-Кале за 1796 г. сообщается, что купец 3-й гильдии 53-летний «Реби Азарья Ильович объявил капитал две тысячи двадцать пять рублей»; в числе его близких родственников значились жена Эстер, сыновья Илья, Мошу и новорожденный Сима, а также дочери: Бекинеш, Авва и новорожденная Султан [12, л. 103]. Родной брат Азарьи бен Илиягу, 37-летний Исаак (супруга Эстер, дети: сын Илья и дочь Береха), также состоял в купеческой гильдии. Однако, как следовало из документа, купец «в 1792 году умре», поэтому его сын Илиягу по указу Таврической казенной палаты был исключен из купцов в мещане, но затем «написан к родному дяде реби Азарье Ильевичу», так как двадцатичетырехлетняя вдова Исаака бен Илиягу вновь «вышла в замужество» [12, л. 103].

Истории жизни и деятельности российского и советского востоковеда, дипломата, религиозного и общественного деятеля Серая Марковича Шапшала (1873–1961) в литературе уделялось много внимания. Однако в обширной библиографии трудов о нем встречаются ошибки и неточности; кроме того, многие эпизоды из жизни и деятельности С. М. Шапшала остались вне поля зрения исследователей. В том числе, это касается и информации о предках гахама – по некоторым сведениям, его прадедом был Моше (Моисей), известный впоследствии также под именем «Хаджи-Баба» Альянах Шапшал [18, с. 49, 50]. В списках ревизии 1796 г. по Бахчисараю и Чуфут-Кале значится купец 3-й гильдии, 58-летний Юсуф Шапшал. В 1796 г. он объявил капитал на сумму 2060 руб., которым нераздельно владел совместно с родным братом Авраамом Шапшалом и племянниками – «состоящими в мещанах» сыновьями умершей вдовы Эстер Шапшал Юфудой, Моше, Ильей и их сестрой Берехой. Вполне возможно, что в документе упоминается именно прадед С. М. Шапшала Моше, которому на момент проведения ревизии исполнилось 13 лет [12, л. 105 об.].

Таким образом, проанализированные «ревизские сказки» по г. Бахчисараю, составленные по результатам проведенных переписей

1792 и 1796 гг. и направленные в вышестоящие инстанции Бахчисарайским городовым магистратом, являются важным информативным источником по истории караимской общины Чуфут-Кале конца XVIII в. Было выявлено, что в составе общины были караимские купцы 1-й и 3-й гильдий, внесенные в списки купеческих гильдий по Бахчисараю. Ввиду несовершенства законодательства в отношении населения присоединенных к России территорий возникали юридические казусы, приводившие к тому, что ряд представителей караимской общины Чуфут-Кале «по незнанию ими российского права» были записаны в иные податные категории. Сложности возникали и при оформлении юридических и налоговых прав членов караимских семей, владеющих т. н. «нераздельным капиталом» – по решению Таврической областной казенной палаты они были причислены к купеческому сословию, хотя формально оставались мещанами. В этой связи необходимо указать и на инициативы, предпринятые лидерами караимской общины Крыма с целью получения налоговых и других льгот. Перед правителем Новороссии и Бессарабии графом П. А. Зубовым было возбуждено ходатайство об освобождении караимского населения Крыма от уплаты двойного промыслового налога (который с 23 июля 1794 г., согласно указа Екатерины II должны были платить еврей-раввинисты). Просьба делегации, направившихся в Санкт-Петербург (в ее состав входили уполномоченные от караимской общины Шломо «Чабак» Бабович, Биньямин бен Шмуэль Ага, а также караимский гахам Чуфут-Кале Исаак бен Шломо) была удовлетворена, и 8 июня 1795 г., по высочайшему рескрипту императрицы, крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты т. н. «рекрутских» денег и солдатского постоя. Данная инициатива также стала первым шагом на пути конструирования караимами своей этнической и конфессиональной идентичности в рамках российского правового поля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Азарья бен Элиягу] События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (Перевод с еврейской рукописи сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии); пер. караим Авр. [аам] Сам.[уилович] Фиркович // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. М.: Университетская тип., 1856. Кн. 24. С. 100–134.
2. Азарья-бен Ильягу. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (перевод А.С. Фирковича) // Караимская жизнь. 1911. Кн. 5–6, сентябрь-октябрь. С. 52–79.

3. Ахиезер Г. Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов. Иерусалим; М.: Гешарим/Мосты культуры, 2015. 240 с.
4. Бейм С. А. Чуфут-Кале и его первоначальные обитатели // Новороссийский календарь на 1859 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Гор. тип., 1858. С. 436–444.
5. Бейм С. Чуфут-Кале и караимы. СПб.: Тип. Кулиша, 1861. 34 с.
6. Бейм С. А. Память о Чуфут-Кале. Одесса, 1862. 82 с.
7. Белый О. Б. Караимская община Чуфут-Кале (обзор источников и историографии) // Проблемы истории пещерных городов в Крыму. Симферополь: Таврия, 1992. С. 151–163.
8. Белый О. Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVII – нач. XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГАК) // Крымский музей. Симферополь: Таврия, 1995. № 1. С. 30–35.
9. Белый О. Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского правления в ГААРК) // Крымский музей. Симферополь: Таврия, 1995/1996. С. 105–117.
10. Вишневецкий В. А. Имена и фамилии караимов Крыма как показатели их этнической принадлежности // Святыни и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов-караев: материалы конф. / Ассоц. крым. караимов «Крымкарайлар», Крым. ун-т культуры, искусств и туризма. «Святыни и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов-караев», научно-практическая конференция (14–16 сент. 2007 г.; Симферополь / Евпатория / Джугут-Кале), «Караи собирают друзей», Международный этнографический фестиваль. Симферополь: [б. и.], 2008. С. 48–53.
11. Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение этнический состав). М., 2003. 159 с.
12. ГКУ РК ГАРК (Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», г. Симферополь; ГКУ РК ГАРК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 423.
13. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
14. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Чуфут-Кале – иудейская крепость // Евреи Крыма: очерки истории. Симферополь-Иерусалим, 1997. С. 27–33.
15. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Этническая история Чуфут-Кале // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму; Сб. науч. тр. Симферополь, 1999. С. 48–52.
16. Гессен Ю., [Гаркави А. Я., Балабан М.] Караимы // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под ред. Каценельсона. СПб., 1912. Т. IX: «Иудан-Ладенбург». Стлб. 268–298.
17. Караулов Г. [Э.] Чуфут-Кале и евреи караимы. Примечания к поездке во внутренность Крыма академика Палласа // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. XIII. С. 93–103.
18. Кефели В. И. Караимы. Пущино: ОНТИ Пущинского научного центра РАН, 1992. 96 с.

19. Кизилов М. Караимские некрополи Мангупа и Чуфут-Кале по описаниям путешественников и ученых XVIII–XIX вв. // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2001. Ч. 1. С. 191–205.
20. Кизилов М. Б. Крымские пещерные города по описанию Е. Скимунт (Поята) // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 543–548.
21. Кизилов М. Б. К истории караимской общины Мангупа // Вестник Еврейского университета. 2002. № 7 (25). С. 113–122.
22. Кокیزов Ю. Д. Караимы: краткий исторический очерк. СПб., 1898. 24 с.
23. Лашков Ф. Ф. Статистические сведения, сообщенные каймаканами в 1783 // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. 14. С. 21–30.
24. Лашков Ф. Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. Симферополь: тип. Таврического губ. Земства, 1916. № 53. С. 158–176.
25. Ливанов Ф. В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в России секты караимов. Составлено и издано для путешественников. М.: Тип. «Современные известия», 1874. 95 с.
26. [Маркевич А. И.] Чуфут-Кале. Иосафатова долина // Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Бахчисарай и его окрестности / Сост. А. Н. Попов. Симферополь, 1888. С. 72–85.
27. Паллас П. С. Путешествие в Крым (в 1793 и 1794 годах) // ЗООИД. Одесса: Франко-русская тип. Л. Даникана, 1881. Т. 12. С. 62–208.
28. Полканова А. Ю. Антропони́мы крымских караимов. Справочник фамилий и имен. Симферополь: ДОЛЯ, 2012. 380 с.
29. Прохоров Д. А., Кизилов М. Б. Чуфут-Кале – «Иудейская крепость» в Крыму – как экскурсионный объект в конце XIX – начале XX вв. (К проблеме использования памятников караимской истории и культуры) // Параллели. Русско-еврейский альманах. М.: Дом Еврейской книги, 2009. № 10–11. С. 41–61.
30. Прохоров Д. А. Збереження історико-культурної та архітектурної спадщини кримських караїмів: місто Чуфут-Кале в контексті розвитку пам'яткоохоронної справи в Таврійській губернії наприкінці XIX – на початку XX ст. // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць / Під ред. Слесарев С. А. Київ; Глухів: Центр пам'яткознавства, 2011. Вип. 4. С. 19–22.
31. Прохоров Д. А. Караимская община Бахчисарая в конце XVIII – начале XX вв. // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии; Отв. Ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь – Керчь, 2015. Вып. XX. С. 445–508.
32. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. Одесса: тип. А. Шульце, 1886. Т. 14. С. 92–156.
33. Сумароков П. [И.] Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. 238 с.
34. Фиркович М. Я. Старинный караимский городок Калэ, называемый ныне Чуфут-Калэ. Вильно, 1907. 48, [2] с.
35. Шапира Д. «Песнь о Мангупе» 1793 года: неизвестный источник по истории караимов Крыма // Вестник Еврейского университета. 2002. № 7 (25). С. 283–294.
36. Шашал С. М. Караимы и Чуфут-Кале в Крыму: Краткий очерк. СПб., 1886.

37. Kizilov M. The Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements // Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literary Sources / Ed. M. Polliack. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 759–787.

Д. А. Прохоров

**К проблеме численности и социальной дифференциации
караимской общины Чуфут-кале в конце XVIII века**

Резюме

В публикации на основании архивных документов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, осуществлен анализ демографических, статистических сведений, а также вопросы социальной стратификации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII в. Выявлено, что караимская община «пещерного города» в конце XVIII в. была сравнительно молодой, а наибольший процент ее представителей составляли лица от 1 года до 40 лет. Категория купцов 1-й гильдии насчитывала 9 чел., а 3-й гильдии – 452 чел. Весьма информативным источником данные переписей населения служат и для изучения караимской ономастики и антропонимики. Важное значение имеют приведенные в документах имена, фамилии и прозвища караимов, которые использовались в рассматриваемый исторический период, в конкретной социальной группе (купцы и частично мещане) и на ограниченной территории (в данном случае, это Чуфут-Кале и Бахчисарай, включая выходцев из караимских общин Феодосии и Мангупа).

Ключевые слова: караимы, Чуфут-Кале, переписи населения, статистика, Крым, Российская империя.

D. A. Prokhorov

**On the Problem of the Number and Social Differentiation of the
Karaite Community of Chufut-Kale in the Late Eighteenth Century**

Summary

This publication, against the background of archival documents which are partially introduced to the scholarship for the first time, analyses demographic and statistic accounts, as well as the aspects of social stratification of the Karaite community of Chufut-Kale in the late eighteenth century. It has been discovered that in the late eighteenth century the Karaite community of this “cave town” was relatively young, having maximum percentage of its members 1-to-40-year-old. The first-guild merchants comprised nine persons, though the third-guild merchants were 452 in number. The census data form an informative source to investigate the Karaite onomastics and anthroponymy. Important are cited in documents first, family, and nick names of Karaites used in the period in question, in a specific social group (merchants and partially bourgeois) and

within a limited are (in this case, in Chufut-Kale and Bakhchisarai, including those originating from Karaite communities of Feodosiia and Mangup).

Keywords: Karaites, Chufut-Kale, censuses, statistics, Crimea, Russian Empire.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список караимов Чуфут-Кале по ревизиям 1792 и 1796 гг. (из ревизских сказок по г. Бахчисараю)

Местечка Кале Караимы, называющиеся Евреями	мужеска			женска		
	По переписи 790 году в оклад написа- ны были	Из того числа после переписи разными случаями выбыли	Ныне на лицо с прибылы ми и вновь рожден- ными	По переписи 790 году в оклад написан ы были	Из того числа после переписи разными случаями выбыли	Ныне на лицо с прибылы- ми и вновь рожден- ными
<u>1-й гильдии</u>	Лета					
Вениамин Шамоилов Сей на 792 год по указу Казенной палаты исключен во 2-ю гильдию, а ныне совместно с родными не вписанными братьями объявил капитал восемь тысяч пятнадцать рублей У него жена Рагиль ; У них сыновья: - Шумаил ; - Давид ; - Исаак ; - Асаф Дочь Истер Вновь родилась Бероха У него братья родные, имеющие нераздельный капитал:	44		49			
1 ^й Авраам Шумаилов У него жена Биче У них сын Шамоил Дочери: - Анна - Мерьям - Бероха - Бакшева [Батчева]	16 12 4 2		21 18 9 7	34		39
2 ^й Сима Шумайлов У него жена Сара У них сыновья: - Яков - Илиша Дочь Бероха 3 ^й Лейзер Шамойлович У него жена Сара 4 ^й Сарач	40 18 35 10 3 32 29		45 23 40 15 8 37 -	8 - 36 12 9 2 - 25 14		13 4 41 17 14 7 2 30 1 19
		в [1]797 году	-			

Бембеков У него жена Мамук У них дочери: - Девлет - Истер - Рефка Вновь родился сын Юсуф 2 ^й Вениамин У них родные племянники, состоящие в мещанстве, и имеющие совместное жительство и нераздельной капитал - Вениамин Бенбек - Исаак - Бераха	36 - 14 - - -		41 2 21 13 19 3	22 5 3 1		27 10 8 6
Вдова Султан Яковлева Сыновья: 1 ^й Юсеф Якович У него жена Мерьям 2 ^й Юда Якович Дочери: - Домиш - Ферсун	26 21	Вдова в [1]795 году умре, а сыны в разделении совместного жительства и капитала нераздельного написаны к родному дяде купцу Азарье Юдовичу	- -	48 18 16 13	Вышли в замуже- ство	- - - -
Моше Хаджи Исаак Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Мамук Дочь Истер При нем братья - Абрам - Юсеф У них в совместном капитале пропущенный в прежнюю перепись племянник Мошу Апакай	34 25 14 -		39 30 19 14	18 1		23 6
Бабаджан Хаджи Исаков У него жена Сара Исакова У них сын Исак Дочери: - Хачике - Фумла - Айтолу - Авва	34 1	Выключен по указу Казенной палаты на 795 год в мещане	- -	29 10 8 5 3		- - - - -
Вдова Тутеке Катламова При ней сыновья: 1 ^й Авраам	42	В [1]791 году	-	55	В [1]795 году умре	-

Его жена Мамук 2й сын Исаак Дочь Рафка	14	умре А сей написан к родному дяде купцу Якову Бембеку в совместный капитал		21 4	Вышла в замуже- ство Умре	- -
Моше Челеби Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Фирсун У них сын Авраам Дочь Сара В оном родились ныне сын Мортхай дочь Мерьям	48 3		53 8 4	 33 7 -	 38 13 1	
Исаак Каракаш Объявил капитал две тысячи сто рублей У него жена Сара У них сын Авраам Дочери: - Алтын - Истер - Арзу У него в совместном капитале племянники умершего мещанина Авраама Каракаша внуки - Исаак - Шулеме И перешедший с деревни Мандуби Паша Каракаш	46 5 - - -		51 10 22 12 20	 24 7 2 - -	 29 12 7 1	
Юсуф Рафаилов Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Ханиш Сын Рафаил Дочь Сара	27 -		32 1	 - -	 20 3	
Юсуф Секазан У него жена Рахель	35	За неимением по новому положению капитала написан в мещане	-	23	В [1]792 году умре	-
Арон Койле У него жена Эстер Сын Юсуф Дочери: - Садех - Сара - Хана	41 10	По указу Казенной палаты на один год выключен в мещане, и в том же году умре	- -	41 5 4 1	 -	- - -
Халжи Ачика Давут	57	На [1]795 год	-			

Шахов У него жена Фумулу		по указу Казенной палаты выключен в мещане		43		-
Ильягу Катык Объявил капитал две тысячи десять рублей У него жена Сара У них сыновья - Авраам - Исаак - Шулеме У него племянники родные в совместном капитале состоящие в мещанах - Шулеме и перешедшей из деревни Мангубу Давут Бечкеджи У него жена Биче У них сын Эфраим	57 13 11 9 - - -		62 19 15 13 24 35 10	41 -		46 28
Аджи Авраам 1-й гильдии Его жена Султан У них сыновья - Исаак - Арон Дочь Ханыш	58 7 1	В [1]791 году умре А жена с детьми по указу Казенной палаты выключены в 3-ю гильдию, а ныне за неимением капитала записаны в мещане	- - -	14	Вышла в замуже- ство	-
Азарья Юдович Объявил капитал две тысячи десять рублей У него жена Мамук У них сыновья - Юда - Исаак - Яков Пасынок Шулеме У Азарьи племянники родные написаны в прежнюю перепись по незнанию российского права порознь, а ныне в рассуждении нераздельного капитала и совместного жительства написаны в посемейной капитал Умершей вдовы Султан Яковичевой	71 24 21 2 19	Сей написан в совместном капитале к дяде купцу Ильягу Катык	76 29 26 7	46		51

Сыны купцы Юзеф Якович У него жена Марьям Юфуда Якович Из мещан Шулеме Эфраимов У него жена Арзу У них сын Эфраим	- - - -		31 26 30 3	- - -		23 21
Илья Мангубу Черкес Объявил капитал две тысячи десять рублей У него жена Сара У них сын Мортхай Дочь Рефка При нем брат Исаак У него жена Алтын У них родные племянники из мещан в совместном капитале Мортхай Аджуки Брат его Юда	34 - 23 - -		39 ***1 28 15 11	17 - 18		22 ***2 22
Авраам Бебеш Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Истер У них сыновья - Мортхай - Исаак Вновь родился Яков Дочь Мамук	40 3 1 -		45 8 6 1	28 5		31 10
Исак Садуков Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Султан У них сын Илья Дочери: - Бекенеш - Гулюш У него братья написаны в прежнюю перепись по незнанию российского права в мещане, имеющие нераздельный капитал 1 ^й Авраам Садуков У него жена Рефка У них сын, вновь родившийся Садук Дочери: - Садет - Шулемет 2 ^й Мошу Садуков У него жена Рахель У них сын Яков Дочери:	44 7 - - - -		49 11 51 2 41 12	25 4 1 - - -		30 9 6 40 15 6 40

¹ Неразборчиво.

² Неразборчиво.

- Ханыш - Бороха - Биче 3 ^й Юсуф Садуков У него жена **** ¹ У них дети сыновья - Сима - Ильяго Дочь Бекинеш	- - - - - -		38 10 6	- - - - -		9 6 2 28 8
Мортхай Бабович Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Ферусун У них дочь Бикине[ш] При нем мать Истер У него племянник умершего мещанина Якова Шуйле сын в совместном капитале Исак	31 - -		36 9	16 - 65		20 3 70
Мошу Кефеле Шоломович Объявил капиталу две тысячи сто рублей У него жена Аджике У них сын Шулеме Дочери: - Бияне - Симит Вновь родились - Сарра - Садет При нем брат Мортхай У них родной племянник, состоящий в мещанах, имеющий нераздельный капитал, ныне поступил в семейный Юфуда Нович	37 1 20 -		42 6 25 19	19 4 1 - -		24 9 6 3 1
Хаджи Борох Объявил капиталу две тысячи пятьдесят рублей, совместно с родным братом купцом Шулеме Казас и племянником Мортхаем Бераховичем Ниже сего написаны сии, в рождении совместного и жительства, и нераздельного капитала У него жена Ханиш У него Бороха, сын	48		53	36		41

¹ Неразборчиво. Наше прочтение – «Биче».

Мортхай Дочери: - Бием - Султан Брат Шулеме Казас Борохов У него жена Акбике У них сыновья: - Мортхай - Арон - Бераха Дочь Биим Племянник Мортхай Борохович У него жена Алтын У них сыновья: - Бераха - Илья Дочь Мамук	21 46 11 3 - 33 2 1		24 51 16 8 1 38 7 6	3 - 31 1 23 - -		8 1 36 6 28 2
Мордохай Тутеш Объявил капиталу две тысячи пять рублей У него жена Сара Сын Ильяго Дочь Биканеш Поступившие в мещане в совместный капитал имеющие нераздельный Брат Шумаил Тутеш У него жена Гулюш У них дочь Беруха Родные племянники умершей вдовы Бибешовой - Ильяс - Шумоил	33 - - - - -		38 1 41 17 13	16 1 - -		21 6 19 6
Мордохай Арабаджи Объявил капитал две тысячи пять рублей У него Арабаджи родные братья, состоящие в мещанах имеющие нераздельный капитал 1 ^й Исак Арабаджи У него жена Сарра У него сыновья - Шумаил - Шумалак Дочь Биче 2 ^й Баба Арабаджи У него жена Бикинеш Сын Шамоил Дочь Мерьям Яков Хаджи	23 - - - - 28		28 48 12 10 1 38 ¹	- - - - -		36 6 19 6

¹ Очевидно, ошибка составителя списка – на момент ревизии 1796 г. Якову Хаджи Шумалакову должно было исполниться 35 лет.

Шумалаков Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Сара У них дочь Бераха У него Шумалакова родной брат, состоящий в мещанах и имеющий нераздельный капитал Исак Адж Шумалаков У него жена Тутеке У них сыны - Шумалак - Ильяго Дочери - Акбике - Сара	-		33	-		19 2 26
Ефит Ходжаш Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Сара У них сыновья 1 ^й Бераха У него жена Бекенеш У них вновь родился сын Мошу Дочери - Херече - Гаджике 2 ^й Мортхай У него жена Бикеч 3 ^й Нова 4 ^й Юсуф 5 ^й Вениамин 6 ^й Юда	63 33 - 31 25 21 18 10	В [1]794 году умре	68 38 3 - 29 25 23 15	51 19 3 - 32		56 24 7 1 37
Гелель Калфов Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Акбике При нем отец Юсуф Мать Султан Братья - Юда - Яков - Ильяго	33 80 17 14 -		38 85 22 19 16	16 45		21 50
Шумаил Имильдеш Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Тутеке У него братья родные состоящие в мещанстве, имеющие нераздельный капитал 1 ^й Арон Имильдеш У него жена Гулиш У них сыновья - Исак	46 - -		51 55 11	23 -		28 37

- Авраам	-		8			
- Яков	-		6			
Дочь Алтин				-		13
2 ^й Илья Эмильдеш	-		45			
У него жена Гулюш				-		22
У него сын Яков	-		6			
Дочь Сара				-		2
Авраам Прик	41		46			
Объявил капитал две тысячи пять рублей						
У него жена Алтин				21		26
У них сын Исак	3		8			
Дочери				1		6
- Султан				-		2
- Арзу						
При нем брат Ильяго	11		16			
У них мать Тутеке				70		75
Баба Юнус	29	Исключен по указу	-	21		-
У него жена Бебиш		Казенной	-			
У них сын Авраам	1	палаты в				
При нем братья		город	-			
- Арон	17	Евпаторию на	-			
- Бераха	15	всегдашнее				
		жительство				
Арон Габбай	52	В [1]792 году	-			
Авраамович		умре				
У него сын Авраам	24		29			
Объявил капиталу две тысячи пять рублей				15		20
У него жена Мерьям				-		1
Вновь родилась дочь						
Сара						
Брат Юсуф	-		4			
У него сестры				8		13
- Ава				5		10
- Истер						
У него родной племянник, состоящий в						
мещанах имеющий						
нераздельный капитал						
Юфуда	-		13			
Вдова Ханиш Баба				50		55
Майтопова						
У ней сыновья						
- Илья	28		33			
- Давид	26		31			
- Ефет	24		29			
У Илии жена Тохтар				-		27
У них дочь Бекинеш				-		4
У Давида жена Акпике				-		14
У них воспитанник,						
взятый из деревни						
Мандуби Моше Койле	-		8			
Сима Сарыбан	61		66			
Объявил капитал две тысячи пять рублей						
У него жена Биче				59		64

У них сыны 1 ^й Шамойл У него жена Биче У Шамойла сыновья - Садук - Мошу Дочери - Сара - Акбике 2 ^й сын Мортхай	34 11 4 16		39 15 9 21	32 7 5		37 12 10
Яков Юнус У него жена Сара Сын Арон Дочь Акбике	34 5	За неимением по новому положению капитала написан в мещане	-	23 1		- -
Чубар Бабакай Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Истер У них сын Юфуда У него родные племянники, состоящие в мещанах и имеющие нераздельный капитал Авраам Коген Шемарья Коген	66 13 - -		70 18 19 20	51		56
Исак Бабаджан Его жена Рагель Сыновья - Израиль - Авраам Дочь Сара	 4 1	В [1]791 году умре А дети по неимению капитала писаны в мещане	 - -	24 7	Вышла в замуже- ство	- -
Авраам Коселе ¹ Его жена Арзу	63	За неимением по новому положению капитала написан в мещане	-	-		41
Яков Коген Симович Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Антулу У них дочь Сара Вновь родилась Ханиш При нем брат Авраам У него жена Акпике У них дочь Султан У Якова питомец осиротевший, принятый им за сына в совместном капитале Сима	35 20 -		40 25 4	21 2 - -		26 7 1 16 2

¹ Возможно, ошибка составителя ревизской сказки; предполагаемое написание фамилии – Кушлю или Кефели.

1 ^й Ильяго Шоэр У него жена Алтын	-		54	-		25
2 ^й Мортхай Шоэр У него жена Мамук	-		40	-		31
У них воспитанник Шебетей	-		8			
Илья Томах У него жена Алтын Дочери - Рефка - Анна	54	По указу Казенной палаты написан в мещане	-	33 14 2		- - -
Авраам Арабаджи Объявил капитал две тысячи десять рублей У него жена Садет У них сын 1 ^й Мошу У него жена Сара У них вновь родился сын Чефанья 2 ^й Шулеме У них родной брат, состоящий в мещанстве, и имеющий нераздельный капитал и совместное жительство	56 25 - 4		60 30 2 9	41 15		46 20
Изра Бурсук Капуджи по прозванию Ренчек У него жена Биче У них сыновья - Мошу - Исаак У них племянник родной в мещанах состоящий Садук Импичик ¹	- - - -		65 23 22	-		43
Садук Ильювич Габбай по прозванию Туршу Объявил капиталу совместно с нижеписанным братом в рождении нераздельном капитале две тысячи шестьдесят рублей У него жена Бераха У них сыновья - Ильяго - Мошу Дочь Сарра Брат его состоящий в купечестве Сима Ильювич Туршу У него жена Ханиш У них сыновья - Мортхай	51 13 11 48 6		56 18 16 53 11	35 5 26		40 10 31

¹ Импичик – очевидно, искаженное от «Импаки» (с караим. «мягкий»).

тысячи тридцать рублей У него жена Сара Сын Яков Дочери - Султан - Анна - Хаджике Вновь родился сын Мортхай	16		21	26		31
У него родной брат написан по незнанию российских прав особо в купечество с имеющей нераздельный капитал и совместное жительство	-		***1	12 6 2	умре	-
Яков Бутович У него жена Тутеке	46		51	34		39
У них сын Илия Дочери - Истер - Султан Вновь родился сын	1		6	10 5		15 10
Авраам	-		1			
Авраам Тащи Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Бераха У них брат Юсуф	-		34			
	-		28	-		28
Арон Мангубу Объявил капитал две тысячи пять рублей У него братья - Мошу - Юфуда При нем дядя, пришедший из Мангуп[а] Авраам У него жена Сара У них дочь Гава	- - -		29 36 25 60	- -		50 18
Мортхай Джигирсис Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Ханиш У них сын Исак При нем брат Юсуф У них мать Гулюш	- - -		31 1 25	- -		17 46
Пришедшие из деревни Мангуп и пожелавшие [записаться] в купечество						
Мошу Шакай Объявил капитал две тысячи пять рублей У него жена Биче У них сыновья: 1 ^й Садук У него жена Истер У них сын Юфуда	- - -	Причислен по указу Казенной палаты на [1]795 год	55 35 2	- -		46 25

¹ Неразборчиво.

2 ^й Ильяго	-		25			
3 ^й Шулеме	-		23			
4 ^й Паша	-		20			
5 ^й Юсуф	-		9			
6 ^й Садук	-		14			
Дочери						
- Назлы				-		13
- Истер				-		7
Арон Чинак	-		60			
Объявил капитал две тысячи пять рублей						
У него жена Биче				-		46
У них сыновья:						
1 ^й Шумаил	-		32			
У него жена Истер				-		25
У них сын Шолом	-		10			
Дочери						
- Гулеф				-		7
- Акбике				-		1
2 ^й Мортхай			26			
У него жена Сара				-		20
У них дочери						
- Мурат				-		4
- Гулюш				-		1
3 ^й Юсуф	-		25			
У него жена Сара				-		20
4 ^й Ходжаш	-		24			
У него жена Ферсин				-		15
5 ^й Мошу	-		21			
6 ^й Исаак	-		16			
Дочь Тохта ¹				-		12
Перешедший из Феодосии пожелавший [записаться] в купечество						
Шомаил Эфраимович	-		52			
Объявил капитал две тысячи десять рублей						
У него жена Бекинеш				-		45
У них сыновья						
- Юда	-		25			
- Юсуф	-		18			
- Мортхай	-		14			
- Ифраим	-		10			
Дочери						
- Истер				-		12
- Бероха				-		6
У них племянник Юда Давидович	-		25			

ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 423. Л. 85–109. Подлинник.

¹ Любопытно, что, в соответствии с одной из караимских семейных традиций, родители, не желавшие больше иметь детей, называли последнего мальчика Тохтамыш, а девочку – Тохтар [10, с. 52]. В случае с многодетным Ароном Чинаком, у которого было шестеро сыновей и младшая дочь, это наблюдение подтверждается.

УДК 911.3:30:316.48(477.75)

А. Б. ШВЕЦ, А. Н. ЯКОВЛЕВ, Д. А. ВОЛЬХИН
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь

ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В КРЫМУ

Процесс интеграции Республики Крым и города Севастополя в политико-правовое, финансово-экономическое и социальное поле Российской Федерации за прошедшие два года сопровождался не только политической стабилизацией, ростом экономической активности, повышением социальных стандартов в регионе, что подтверждается официальной статистикой [1; 2], но и проявлением различного рода рисков, унаследованных от прежних исторических периодов или возникших в результате смены государственной принадлежности региона. Появление подобного рода рисков осознано представителями политологии, но практически не привлекло внимание географов.

Одним из основных вызовов и ограничителей развития современного Крыма, обладающего сложной национальной и этнической структурой, является социокультурная конфликтность, актуализация которой связана с особенностями развития информационного поля новых субъектов страны [3]. Учитывая вышеизложенное, *целью* исследования стало выяснение зависимости проявлений социокультурной конфликтности в Крыму от информационного поля региона и трансформационных процессов, связанных с воссоединением республики с Российской Федерацией.

После воссоединения Крыма с Российской Федерацией социокультурная конфликтность в Крыму сохранила преимущественно латентный характер и высокую степень политизированности. Этот вид конфликтности ассоциируется с проявлениями противоречий в сферах защиты ценностных характеристик этнических и конфессиональных сообществ. Объективно в автономии в различные исторические периоды отсутствовали причины для возникновения межэтноконфессиональной конфликтности. Это доказал более чем двадцатилетний период мирной репатриации ранее депортированных из Крыма народов, хотя в конце 1970-х годов некоторые аналитики строили самые мрачные

прогнозы в отношении межэтнических и межконфессиональных контактов в пространстве христианизированного Крыма [4]. Поскольку социокультурная конфликтность в современном Крыму часто носит скрытый характер, ее вернее именовать «социокультурными противоречиями». Эти противоречия выражены в Крыму двумя разновидностями: межэтноконфессиональной и социально-экономической. Принципиальная разница между ними – содержательная. Межэтноконфессиональные противоречия возникают на базе искусственного сталкивания интересов носителей различной этнической и конфессиональной идентичности, а социально-экономические – борьбой за собственность, материальные блага, представительство во властных кругах и другим.

В бытовом формате пространство межэтнического диалога в Крыму представлено *толерантными отношениями народов, населяющих полуостров*. Однако межэтническая толерантность заканчивалась в Крыму там, где начинался политический интерес представителей различных этнических элит, пытающихся любыми средствами доказать приоритетность амбиций своей этнической группы, ведущей диалог с иными народами в сложном геополитическом регионе. Указанная дезорганизация общества проявила себя в украинский период развития Крыма в процессе затяжного, прогрессирующего системного кризиса украинского государства, что неизбежно приводило к возникновению противоречий и конфликтов, связанных с необходимостью защиты ценностных установок и ориентиров различных этносов полуострова. В период пребывания Крыма в составе украинского государства интенсивность проявлений социокультурных противоречий в Крыму постепенно возрастала, за исключением отдельных лет, отмеченных незначительным снижением конфликтных проявлений и противоречий. С 2011 года фиксировался неуклонный рост общего числа конфликтов, что происходило, прежде всего, за счет увеличения межэтноконфессиональных противоречий [5].

В год воссоединения Крыма с Российской Федерацией социокультурная конфликтность на полуострове претерпела количественные и качественные преобразования. Качественно характер конфликтности постепенно трансформировался из межэтнического или межконфессионального, как это было еще за год до воссоединения, в откровенно политический.

По количественным показателям, выявленным в результате мониторинга региональных средств массовой информации Крыма, 2014 год стал наиболее конфликтным за истекшее двадцатилетие. Он

же лидировал по количеству выявленных конфликтов с межэтноконфессиональными предпосылками. Всего зафиксировано 74 конфликтных ситуации, из них 56 – межэтноконфессиональных, 18 отнесены к группе социально-экономических. Приведенная статистика является своеобразным подтверждением того, что год воссоединения Крыма с Российской Федерацией стал для жителей полуострова переломным в их отношении к событиям общественной жизни. В движение пришли защитные механизмы политизированной этнической идентичности различных этнических групп Крыма, в первую очередь, славяно-православной и тюрко-мусульманской [5].

В 2014 году сохранилась дифференциация организационных форм социокультурных конфликтов и противоречий характерных для украинского периода новейшей истории Крыма. Они по-прежнему представлены *актами вандализма* над объектами, представляющими культурно-историческую ценность для крымскотатарского населения полуострова. Особый резонанс приобрело явление получившее в СМИ определение «лениноповал» или «ленинопад». Эти акты политизированного вандализма территориально проявлены в Белогорском, Бахчисарайском, Раздольненском районах и в муниципалитете города Алушта. В регионе зарегистрирована и такая форма организации конфликтов, как *этнополитические провокации с криминальным компонентом*, которые приобрели резонансный характер. Указанная форма деструктивного поведения проявилась в Крыму в виде случаев исчезновения или похищения неизвестными лицами крымскотатарских мужчин. Все случаи исчезновения и похищения крымских татар активно использовались украинскими и западными СМИ для антироссийской риторики, в том числе среди крымскотатарского населения республики.

В 2014 году отмечалась максимально широкая территориальная локализации проявлений конфликтного поведения, которые выявлены в 8 городских округах и 10 муниципальных районах Крыма. Такая география конфликтности не требует отдельных объяснений в период повсеместного и крайне обостренного в формах проявления и мобилизации населения социального напряжения в момент слома старой формы государственного устройства. Наиболее конфликтной территорией равнинного Крыма стал приграничный с Украиной городской округ Армянск. Наибольшей интенсивностью проявлений социокультурных противоречий и конфликтов всех форм организации (в том числе и резонансных) в течение года традиционно выделяется г. Симферополь и Симферопольский район – 34 случая от общего количества зафиксированных конфликтов (23 межэтноконфессиональ-

ных и 11 социально-экономических), что объясняется его административным статусом столицы Республики Крым. В этом статусе Симферополь выполняет роль своеобразного «резонатора» конфликтности. Это связано с тем, что любое проявление социокультурных противоречий в Крыму имеет продолжение или манифестирование в столице региона, где сосредоточены те лица и учреждения, которые должны принять решение по урегулированию конкретного противоречия или уже сложившейся конфликтной ситуации [5].

Проявления социокультурной конфликтности на территории Крыма в 2014 году отобразили мощные трансформационные процессы общественно-политической системы региона. В этот период на полуострове проявились такие формы организации конфликтов, которые не отмечались нами ранее с 1990 по 2013 год включительно. В целом год характеризуется высокой представленностью резонансных конфликтов и конфликтных ситуаций. Суть резонансных конфликтов заключается в том, что это наиболее острые проявления конфликтности, которые после своей актуализации, один раз обратив на себя внимание СМИ, обсуждаются длительное время, сохраняя свою сущностную проблематику (резонанс) в обществе.

Продолжает сохраняться ареал с высоким уровнем конфликтности (конфликтогенности), совпадающий с предгорными районами Крыма, прежде всего, Симферопольским, Бахчисарайским и Белогорским. Начиная с 2000-х годов к ареалу с высоким уровнем конфликтности (конфликтогенности) по количественным и качественным характеристикам нами также относились регионы южного и юго-восточного Крыма, где наиболее часто проявляли себя конфликты и противоречия социально-экономического характера. К окончанию первого десятилетия 2000-х годов этот вид конфликтности постепенно уступал более интенсивно проявлявшимся межэтноконфессиональным противоречиям.

Несмотря на бессистемность пространственной локализации социокультурных противоречий и конфликтов на территории равнинного Крыма, в 2014 году они все-таки были выявлены нами в 3 муниципалитетах и 7 районах этого региона полуострова. Для равнинного Крыма это самые высокие показатели конфликтности за весь период исследования.

В целом, социокультурные противоречия в российском Крыму все больше приобретают наведенный извне характер. Источник конфликтов переместился за территориальные рубежи полуострова – в Херсонскую область Украины, где обосновалась непризнанная в

Российской Федерации и запрещенная в Республике Крым организация – меджлис крымскотатарского народа, ставшая вдохновителем многочисленных провокаций против полуострова [3].

После воссоединения Крыма с Россией его рубежи с материковой частью Украины приобрели откровенно барьерный характер. Факт воссоединения украинская сторона не признает, что подтверждено законом Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» от 14 мая 2014 года. После публикации закона об «оккупированном» статусе Крыма произошла целая серия односторонних изоляционистских мероприятий со стороны украинского государства. Перекрыта подача воды по Северо-Крымскому каналу, организована серия провокационных «блокад» электроэнергии и продовольствия на территорию Крыма, прекращено железнодорожное сообщение между Украиной и полуостровом. Это беспрецедентный случай на пространстве бывшего СССР. Вариант полного прекращения международного транспортного сообщения имел место на армяно-азербайджанской и грузино-абхазской границах только после проведения военных действий между означенными государствами.

Сухопутная граница Украины и Крыма имеет в настоящее время для России и жителей полуострова не только барьерный, но и критический характер. Критические границы представляют особый вид границ, выделенных американским политологом К. Боулдингом, для крупных держав, стремящихся защитить или обозначить сферы своих жизненных интересов [6]. Такие границы часто называют предупредительной «красной линией» для тех государств, которые пытаются безосновательно изменить сферы собственного влияния за счет чувствительных в политико-географическом отношении территорий. Интенсивность и актуализация социокультурной конфликтности часто зависит от особенностей, степени и характера управляемости региональным информационным полем страны (региона, города и т. д.), а также от экзогенных – внешних по отношению к региону, стране информационных полей. Информационное поле способно как погасить возникший конфликт или конфликтную ситуацию, так и выступить резонатором конфликтных проявлений в обществе. Второй вариант активно используется в качестве имиджевых характеристик политическими и этническими элитами для сохранения своего властного ресурса. Таким образом, одним из маркеров социокультурной конфликтности является информационное поле региона.

Контент-анализ ведущих СМИ мира показал, что современное информационное поле Крыма находится в сфере противостояния двух информационных центров: российского и украинского [7]. В последние шесть лет интерес к крымским событиям со стороны ведущих СМИ России и Украины постоянно возрастал.

События «крымской весны» послужили мощным информационным поводом, который создал большое число сообщений в СМИ. Например, в эфире информационных передач ведущих телеканалов России («Россия 1») и Украины («Интер») количество новостей о событиях в Крыму за 2014 год увеличилось более чем в 10 раз (более 1000 сообщений), а на сайтах ведущих мировых информационных агентств информация о Крыме стала появляться в 20-40 раз чаще (несколько сотен – десятки тысяч сообщений) по сравнению с предыдущими годами [7].

Анализ информационного поля Крыма, формирующегося в период 2009–2014 гг., позволил выделить в пределах полуострова три основных «полюса информационного внимания»: Симферополь, Севастополь и Ялта. На эти центры приходится более 50 % всего потока информации о Крыме в российских и украинских СМИ. Формирующимся «полюсом внимания» российских СМИ можно назвать город Керчь. Строительство моста через Керченский пролив, который свяжет Крымский федеральный округ с остальной частью Российской Федерации, служит мощным информационным поводом для новостных сообщений о регионе в различных СМИ страны. Указанные «полюса» представляют собой географическое ядро формирования современного информационного имиджа Крыма. Остальные территории Крыма либо слабо представлены, либо полностью отсутствуют в информационном поле региона.

Таким образом, созданный и поддерживаемый украинскими и западными медиа-структурами негативный внешний имидж является ограничителем развития региона, в то время как сформированный российскими средствами массовой информации внутренний имидж выступает одним из драйверов роста крымской экономики. Увеличивающаяся односторонность внутрироссийского имиджа Крыма и не учитывание им всех особенностей развития полуострова может поставить его эффективность под вопрос [3]. Обобщенные характеристики географии и интенсивности проявления социокультурной конфликтности, а также особенностей формирования информационного поля Крыма на примере дух ведущих телеканалов Российской Федерации и Украины приведем в

виде картосхемы «Географическая структура социокультурных противоречий и информационного поля Крыма, 2009–2014 гг.» (рис. 1).

Крым, не формируя собственные глобальные и региональные структуры информационного влияния, имеет зависимое положение в информационном поле российско-украинского противостояния. Современный имидж Крыма не учитывает всех особенностей развития его территории, в глобальном медийном пространстве имеет конфликтный характер и противоречивые смыслы. В пространственном отношении информационный имидж крымского региона поляризован: три-четыре центра концентрируют больше половины новостных сообщений о полуострове, а большая часть региона находится в «информационной тени» и остается неизвестной для политиков, потенциальных инвесторов, туристов, мигрантов и других участников территориального развития. В Крыму отмечено совпадение центров конфликтогенности с полюсами информационного внимания. Это совпадение вызывает резонансный эффект в общественном сознании и способно создавать социальное напряжение как в отдельных районах, так и на полуострове в целом.

Итак, социокультурная конфликтность в Крыму в период событий 2014–2015 гг., названных «крымской весной» и связанных с воссоединением региона с Российской Федерацией, переходила из латентной формы в активную, расширила свою географию (при этом сохраняла основные центры конфликтогенности) и проявлялась в новых организационных формах. Качественно характер внутрикрымских противоречий постепенно трансформируется из межэтнического и межконфессионального типа, как это было еще за год до воссоединения, в откровенно политический тип с криминальным компонентом. Источник социокультурной конфликтности в Крыму сместился на территорию материковой Украины и связан в настоящее время с провокациями непризнанной в Российской Федерации и запрещенной в Республике Крым организации – меджлис крымскотатарского народа.

Преодоление выявленных социокультурных конфликтов (противоречий) в Крыму возможно путем проведения такой внутренней и внешней информационной политики федеральных и региональных институтов власти, которая будет направлена на усиление процесса внутренней и внешней легитимации воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией. Такая политика должна обязательно учитывать внутрирегиональные политические, социально-экономические и социокультурные особенности полуострова.

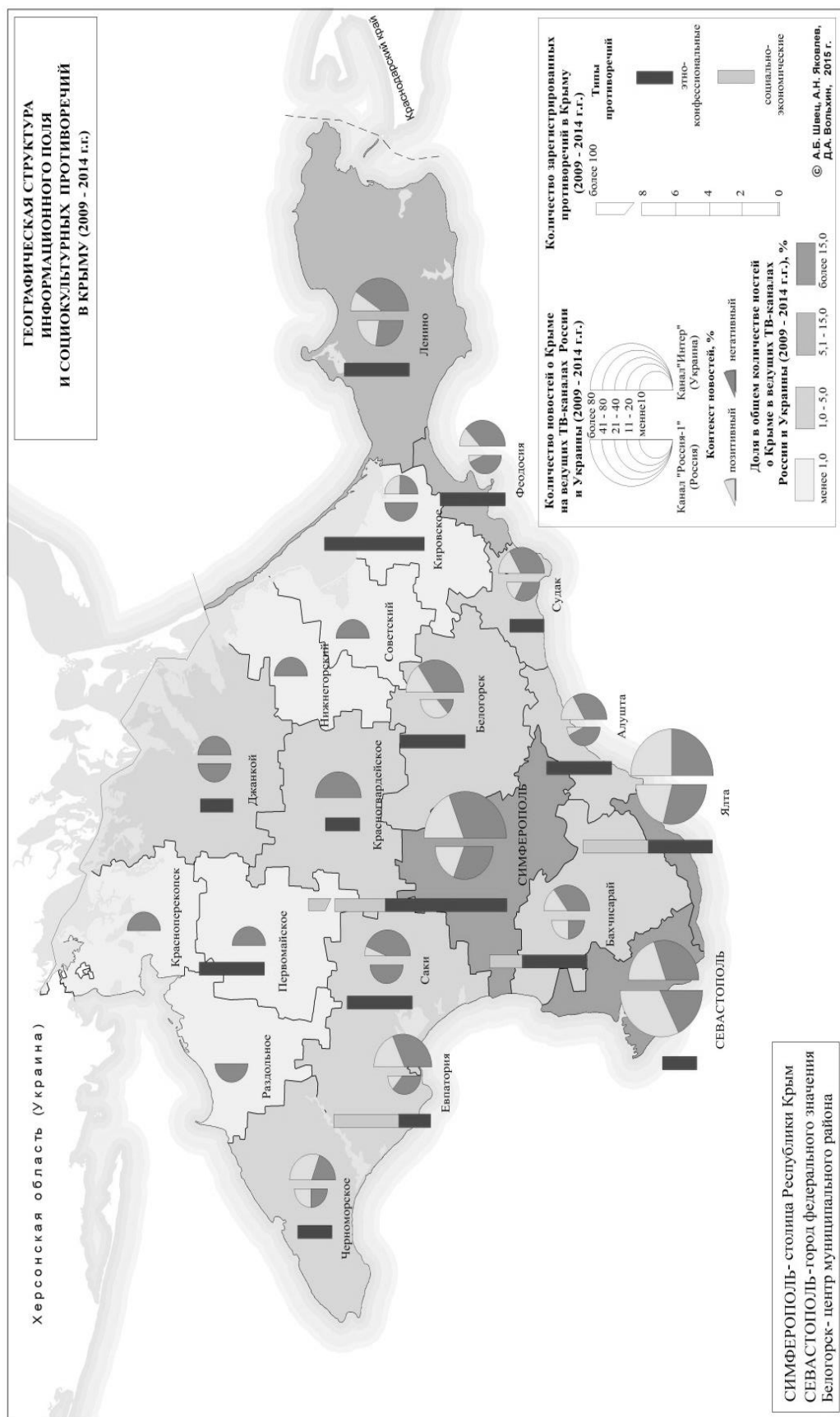

Рис. 1. Географическая структура социокультурных противоречий и информационного поля Крыма, 2009–2014 гг. [Разработано авторами]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основные показатели социально-экономического положения Республики Крым [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым. URL: <http://gosstat.crimea.ru/ukosvod1.php> (дата обращения 25.12.2015).
2. Социально-экономическое положение Республики Крым в 2015 году: доклад // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым. Симферополь, 2015. 52 с.
3. Швец А. Б., Яковлев А. Н., Вольхин Д. А. Социокультурные риски развития Крыма: пространственный анализ // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. География. Геология. Т. 1 (67). 2015. № 4. С. 27–36.
4. Яковлев А. Н. Территориальные формы локализации социокультурных противоречий в современном Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 4. № 1–2. 2008. С. 112–116.
5. Яковлев А. Н. Территориальные особенности социокультурных конфликтов в российском Крыму // Ученые записки ТНУ. Серия: География. Т. 27 (66). № 3. 2014. С. 56–65.
6. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2002. 479 с.
7. Вольхин Д. А. География центров формирования информационного пространства Крыма: глобальный, региональный, локальный уровни // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований: Материалы международной конференции (Шестая Ежегодная научная ассамблея АРГО). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 77–84.

А. Б. Шве́ц, А. Н. Яко́влев, Д. А. Во́льхин

Проблема пространственного анализа социокультурных противоречий в Крыму

Резюме

В статье рассмотрены результаты пространственного анализа процессов трансформации социокультурных противоречий и информационного имиджа в Крыму после его воссоединения с Россией, уточнена их внутрирегиональная специфика. Обосновывается, что деструктивные проявления указанных социокультурных процессов в регионе выступают в качестве рисков его развития.

Ключевые слова: Крым, социокультурные противоречия, центр конфликтности, информационный имидж, СМИ.

A. B. Shvets, A. N. Yakovlev, D. A. Volkhin
The Problem of Spatial Analysis of Socio-Cultural Contradictions
in the Crimea

Summary

The article discusses the results of a spatial analysis of the transformation processes of socio-cultural contradictions and informational images in the Crimea after its rejoining Russia, and clarifies their in-regional specifics. The authors argue that destructive manifestations of the socio-cultural processes in the region in question are risks to its development.

Keywords: Crimea, socio-cultural contradictions, conflict center, information image, mass media.

**ТЕОРЕТИКИ БОЛГАРСКОГО ЦЕНТРИЗМА ОБ
ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ВОСПРИЯТИЯ ТЮРКИЗМА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИДЕОЛОГИИ МЛАДОТУРОК (ПРАКТИКА
РЕГИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА)**

Современная историческая наука, балансируя на стыке истории, культурологи и политологии (здесь, очевидно, следует говорить о достаточно бурном развитии особой академической дисциплины «исторической политологии»), обращаясь к вопросам регионального развития как такового, все активнее использует понятие «культурно-исторического региона». В этой связи специалисты особо отмечают стремление многих историков к региональной локализации исторического процесса и вычленению особых этнополитических зон, формирование которых предопределило характер мировых геополитических процессов фактически на протяжении всего XX столетия. Одной из таких проблем стал вопрос об условиях возникновения и дальнейшем развитии младотурецкой идеологии, причем как в целом, так и в восприятии конкретных этнокультурных или социально-политических общностей, в данном случае не только в рамках социал-демократического контента Османской империи или этнополитического пространства Балканского региона, но на микроуровне, непосредственно в Болгарии. Таким образом, одной из интереснейших задач в контексте изучения социал-демократического движения в указанной стране стало изучение младотурецкой идеологии в восприятии ее левых партий и более мелких идейно-политических фракций. Подобный подход позволяет более подробно рассмотреть специфику внутренней организации левого движения в Болгарии, дробность которого, с одной стороны, была обусловлена необходимостью уточнения внешнеполитической платформы указанных групп, а с другой – их внутренним конфликтом, как минимум, по вопросам тактической организации партии, а также

неоднородности конкретных национально-государственных приоритетов.

Собственно, среди самых разнообразных терминов, которыми современные исследователи пытаются определить идейный багаж младотурецкого движения, наиболее значимыми являются три основные категории: османизм, тюркизм и пантюркизм (пантуранизм). Здесь следует отметить, что два последних понятия историк и культуролог Э. Ю. Гасанова предпочла объединить в единую идеологическую систему – тюркчюлюк (туранджылык), сознательно обособляя ее от более локальной и завершенной концепции османизма [2, с. 272].

Интересно, что несомненная родственность понятий тюркизма и пантюркизма была зафиксирована еще на рубеже XIX–XX ст. в культурологической концепции турецкого социолога, философа, просветителя и общественного деятеля Зия Гекалпа (подлинное имя – Мехмед Зия)¹. Много позже его выводы (книга Гекалпа «Основные принципы тюркизма» была издана в Анкаре в 1923 г.) использовал российский исследователь Ю. В. Дятлов, рассматривая данные взгляды в качестве аргумента в пользу целостности предложенного Гасановой идейно-политического комплекса [6]. По мнению данного автора, указанный идейно-политический блок, де-факто отражавший позднегоосударственное мировоззрение младотурок, с одной стороны, включал в себя «романтическое» начало – туранизм, в то время как, с другой, он опирался на вполне конкретную идейно-политическую базу или, как писал Ю. В. Дятлов, «реалистическую» проекцию данного блока – тюркизм [6, с. 327]. Длительная принадлежность Зия Гекалпа к лагерю младотурок, его позиция по национальному вопросу в контексте более поздней политики Ататюрка – все это позволяет рассматривать его взгляды в качестве фундамента тюркютских

¹ Интересно, что в Крыму проблему цивилизационной интерпретации пантюркистской концепции, впрочем, не выходя за рамки поставленных в Российской империи политических задач, одним из первых поднял Исмаил Гаспринский. Имя И. Гаспринского известно в связи с его просветительской деятельностью. Публицист и общественный деятель, он стал издателем и бессменным редактором тюркоязычной газеты «Переводчик» (Терджиман). Кроме того, его политические взгляды, сформулированные им этнокультурные приоритеты, по крайней мере частично, смогли повлиять на характер формировавшегося в то время «Всероссийского союза мусульман», что в свою очередь привело к расширению национальных задач российского либерализма (речь идет о постепенном сближении политических платформ «Всероссийского союза мусульман» и «Союза 17-го октября»).

убеждений, характерных после 1908 г. для значительного числа представителей младотурецкого движения¹. (Подробнее см.: [8]; [9]).

Итак, З. Гекалп решительно подчеркивал, что доисламские традиции – это стержень самобытности турок, фундамент их этнической самоидентификации. В этом контексте для него, как представителя младотурецкой платформы, была важна так называемая «посредническая» составляющая общепартийной идеологии. В данном случае речь идет о сложном комплексе модернизаторских и традиционалистских задач, к сочетанию которых стремилось официальное младотурецкое руководство. Таким образом, именно доисламским традиционализмом тюрок Зия Гекалпа стремился дополнить характерные для политического либерализма иттихадистов² модернистские убеждения. В первую очередь, это касалось вопросов «вестернизации» религии (ограничение ее роли в жизни общества), затем следовала программа развития буржуазных институтов власти, которые он был готов соотносить с духовными традициями ислама и, наконец, им были предложены программы, связанные с вопросами женской эмансипации [6, с. 328–329].

Идеология тюркизма оказалась особенно востребованной уже после младотурецкой революции, то есть именно тогда, когда начали гаснуть последние надежды на возникновение единого национального чувства, способного стать источником всеосманского патриотизма. Зия Гекалп по этому поводу писал, что национальное единство в империи, о котором мечтают сторонники османизма, напоминает общественную столовую, «где каждый просто ест в одиночку» [11, с. 326].

Здесь необходимо подчеркнуть, что в своем скептическом отношении к подобной идеологии З. Гекалп не был одинок. Собственно, даже на ранних этапах формирования этой национально-государственной идеологии многие младотурки прямо сомневались в ее жизнеспособности. Так, например, Юсуф Акчура³, выступая на

¹ В современной историографии достаточно часто поднимается вопрос о разграничении понятий «тюркизм» и «туркизм». В частности, об этом говорится в специальном исследовании Р. Ф. Мухаметтдинова «Зарождение и эволюция тюркизма» [10].

² Иттихадисты – сторонники политического движения, представленного партией «Единение и прогресс» (İttihat ve Terakki), в более привычной для российской историографии транскрипции – партией младотурок.

³ Юсуф Акчура (в русской транскрипции – Юсуф Хасанович Акчурин) – татарский издатель, писатель, историк и журналист, один из идеологов концепции пантюркизма; некоторое время жил и работал в Казане. Аналогично Гаспринскому несколько лет находился в эмиграции в Париже. После Первой

страницах эмигрантской прессы, еще в 1903 г. с большим сомнением писал о потенциальной возможности объединения в единую народность столь различных этносов. Таким образом, многие турецкие, равно как и проживавшие за пределами турецкой метрополии мыслители считали единственным выходом из того этнополитического винегрета, которым являлся османизм, возведенный в ранг государственной идеологии младотурок, создание новой идеологической программы, которой в конце концов и стала концепция тюркизма.

В то же время необходимо признать, что при попытке определения, а главное разграничения понятий тюркизма и пантюркизма становится понятно, что при всей своей внутренней близости данные категории иногда прямо противоречат друг другу. Собственно, тюркизм можно определить как попытку организации национального турецкого пространства, что в политической плоскости означает создание национального государства на фундаменте Османской империи¹. Таким образом, уже в самой концепции тюркизма была заложена программа ограничения территориального и культурного поля страны. В то же время пантюркизм, напротив, содержал в себе вектор расширения, предусматривая объединение тюркютских этносов вплоть до создания «Великого Турана» [2, с. 44]. Именно по этой причине концепции тюркизма и пантуранизма иногда рассматриваются обособленно. Итак, можно сказать, что тюркизм (в ряде случаев интерпретируемый как пантюркизм) предполагал объединение всех тюрко-язычных народов под эгидой Турции, в то время как концепция Великого Турана предусматривала (по крайней мере, если отталкиваться от логики младотурецкой публицистики) объединение ряда евразийских народов, причем не только азербайджанцев, узбеков, туркмен, киргизов, но также и финно-угров.

Как и в случае с теорией османизма, идеология тюркизма состояла из нескольких направлений, объединявших, с одной стороны, прагматиков, а с другой романтиков, увлеченных идеей сближения великого тюркоязычного мира. Об них Э. Ю. Гасанова писала: «среди пантюркистов были ... люди, искренне заблуждавшиеся. Они думали, что пантюркизм это – единственный

мировой войны Юсуф Акчура был избран депутатом турецкого парламента. Кроме того, он являлся советником Мустафы Кемаля (Ататюрка) по вопросам культуры и политики, при этом он параллельно преподавал в Стамбульском университете.

¹ В таком прочтении тюркизм часто интерпретируется как туркизм.

путь спасения Турции, находившейся в состоянии предсмертной агонии, империалистической европейской кабалы, близящегося полного распада империи, экономической разрухи...» [2, с. 46].

Понятно, что обозначенные выше условия формировали устойчивую потребность в возрождении национальной героики. В результате на острие освободительной (социально-экономической и патриотической) борьбы у отдельных сторонников пантюркистской доктрины действительно рождались неясные образы «горделивого тюркского мира», мира, манившего подобно миражам. «Подобно водному потоку, идущему с Алтайских гор, возвышающихся в сердцевине Азии, – писал Ахмед Агаев (член младотурецкой партии и преподаватель кафедры турецкой литературы в Стамбульском университете), – тюркский элемент в различные периоды своей истории наводнял Север, Юг, Восток и Запад мира: тюрки разбросаны по различным территориям, начиная от самых отдаленных уголков Китая, вплоть до Финляндии, Польши, Венгрии и Северной Африки. Кто знает, какая доля их крови течет в жилах индейцев, афганцев, иранцев, алжирцев, тунисцев и египтян?» [2, с. 117]. В своих статьях в журнале «Тюрк юрду»¹, А. Агаев пытался дать представление о границах тюркютского мира, определенных общностью языка и культуры. Причем в данном случае, речь шла не менее чем о пространстве, разворачивающемся от Балкан на восток к Крымскому полуострову и до Кавказских гор, далее до Астрахани и Сибири, через Монголию и Китай, затем вновь к российскому Туркестану, Каспию, далее от Анатолии к Багдаду и Сирии и, наконец, через Румелию, снова на Балканы [2, с. 119].

Понятно, что размышления такого рода не могли не вызвать определенной тревоги у группы лиц, отвечающих как за внутреннюю стабильность, так и за внешнюю стратегию Российской империи. С момента революции 1905 г. и далее российские спецслужбы пристально отслеживали политическую ситуацию в Турции. Внутри собственной империи они фиксировали любую трансформацию культурно-политической ситуации, которую могли рассматривать как ответ на расширение идейного влияния различных геополитических концепций и концепции пантюркизма в том числе. Именно по этой причине агентами департамента полиции тщательно фиксировались случаи так называемой «...панисламистской пропаганды...», осуществляемой «среди мусульман земного шара». Впрочем, анализируя добытый материал, сотрудники указанного

¹ Журнал «Тюрк юрду» был основан в 1911 г. уже упоминавшимся ранее Юсуфом Акчурой.

внешнеполитического ведомства достаточно сухо и весьма прозаично отмечали, что пропаганда эта если и ведется, то почти всегда неудачно [5, л. 10].

Интересно, что адекватный отклик на идейные компании такого рода представители панисламизма часто находили в еврейской среде [5, л. 1], причем, в первую очередь, в среде сионистской¹. Собственно, более поздние донесения периода Балканских войн и 1914 г. прямо фиксируют наличие тесных связей между сторонниками «иттихад» и сионистами [5, л. 1]. Более того, имеются агентурные данные, которые позволяют говорить не только о контактах с еврейскими сионистскими организациями, но и о конкретных суммах, выделяемых младотурецким руководством на развитие национальной и, в частности, панисламистской идеологии в России. Можно предполагать, что в этой национально-политической интриге косвенно участвовал даже Энвер-паша². Документы свидетельствуют, что к организации данного финансового канала привлекались также и социалисты, в частности, в донесениях упоминается социал-демократ (с 1907 г.) Ширинский, некоторые матросы-потемкинцы и даже фигурирует фамилия весьма известного представителя меньшевистского течения РСДРП – «И. Г. Церетерли» [1, л. 1]. Таким образом, несмотря на свой эпический, в некоторых случаях почти фантазмагорический размах, идеология тюркизма обрела в постреволюционном пространстве Османской империи (1908) и особую нишу, и весьма функциональное политическое значение.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что у этой концепции был еще один, конструктивный аспект, который, по всей видимости, можно обозначить как государственно-цивилизационный. Именно в этом смысле члены клуба «Тюрк юрду» в рамках одного из своих публичных сообщений утверждали: «мы должны стать банкирами как греки, коммерсантами как армяне, универсальными людьми как европейцы...», и все это возможно, подчеркивали они, только при условии принятия концепции тюркизма [2, с. 67]. Почему – только по одной простой причине. Прежде чем попытаться стать кем-то еще, вначале необходимо стать самим собой, найти, понять и принять свои корни и истоки своей культуры, и только в таком ключе думать о реформах, о возможности дальнейшей политической и культурной трансформации.

¹ В цивилизационном смысле можно говорить о некоторой близости сионистского проекта Теодора Герцля и пантюркистской концепции турецких просветителей.

² Энвер-паша (Энвер-бей) – активный деятель младотурецкого движения, один из инициаторов младотурецкой революции, после переворота 1913 г. один из членов Триумvirата, в состав которого также вошли Талаат-паша и Джемаль-паша.

Таким образом, основной идеологической концепцией младотурок вполне осознанно стал тюрко-исламский синтез, а именно – комплекс представлений о наличии глубинной связи особого и неповторимого тюркютского мира с исламскими духовными идеалами. В дальнейшем именно этот предложенный младотурецкими философами образ лег в основу новой идейно-политической платформы, которая со временем стала идейным фундаментом уже современного турецкого государства.

Интересно, что попытки этнической самоидентификации, характерные для близкой младотуркам тюркистской (пантюркистской) идеологии, теоретики болгарского левого, а именно социалистического, центризма рассматривали с сугубо утилитарных и классовых позиций. В этом контексте неожиданно нейтральная, по крайней мере де-факто, реакция болгарского центризма заставляет обратиться к вопросу об общесоциалистическом восприятии пантюркистской идеологии в Болгарии.

Болгарское социал-демократическое движение, возникнув в конце XIX ст., в начале XX ст. переживало процесс сложной идейно-политической и организационной трансформации. Следствием подобных кризисов стало формирование двух самостоятельных партий, одной из которых являлась ортодоксальная БРСДП (т. с.) (Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесного социализма), а другой – реформистская БРСДП (ш. с.) (Болгарская рабочая социал-демократическая партия (широкого социализма)). Однако со временем выяснилось, что локальная группа умеренных марксистов, входивших в состав «тесносоциалистической» партии не готова принять более радикальные взгляды центрального руководства БРСДП (т. с.). Обособленность позиции так называемых «анархо-либералов»¹, большая гибкость их внутренней платформы, равно как и склонность к демократическим реформам в решении общевосточных внешнеполитических задач сформировали особую логику болгарского левого центризма. Тактически это проявилось в создании социал-демократического Союза (РСДС) «Пролетарий» и в последующей консолидации еще одной группы антитеснятской² оппозиции – течения «прогрессистов». Интересно, что широко

¹ Анархо-либералы – публицистическое определение левоцентристской оппозиции, которое позднее довольно широко использовалось в болгарской и советской историографии. Впервые этот термин был применен Д. Благоевым в ходе социал-демократических дискуссий в 1905 г.

² Тесняки – стилизованный русскоязычный вариант болгарского самоназвания «тесные» социалисты.

представленные в социал-демократическом движении Македонии болгарские центристы активно интересовались политической и этнокультурной ситуацией, сложившейся в Османской империи накануне и в ходе младотурецкой революции. Таким образом, все три направления болгарского марксизма¹ обратились к вопросу о сущности политических реформ, широко декларируемых новым, младотурецким руководством.

В этой связи возникает очевидная необходимость обратиться к вопросу об условиях возникновения и внутреннем содержании тех контактов, которые, пусть опосредованно, но все же начали развиваться между представителями иттихадистского движения в Османской империи и носителями левой идеологии в Болгарии. Размышляя о первопричине подобных связей, следует упомянуть точку зрения российского историка Р. П. Гришиной, писавшей об общности цивилизационных корней в данном регионе. Эту общность автор обнаруживала, во-первых, в условиях распада Римской империи, во-вторых, в культурном контексте Византии и, наконец, в-третьих, в социально-политическом и культурном пространстве Османской империи. В ходе указанных этнокультурных процессов, как писала Р. П. Гришина, «...Болгария оказалась по другую сторону, не там, где формировалось нынешнее понятие западной культурной идентичности» [3, с. 17].

Вряд ли есть необходимость уточнять, что подобный тезис вполне применим и к турецким политическим реалиям. Складывается впечатление, что, несмотря на многочисленные попытки культурной экспансии, указанный этнокультурный регион также был и, по всей видимости, остается «по другую сторону» аналогичной цивилизационной баррикады. В этой связи, анализируя взаимоотношения младотурок с болгарской социалистической «левицей» и рассматривая их как часть общецивилизационного процесса на Балканах, очевидно, следует говорить не о конкретной государственной тактике, но о довольно близком понимании принципиальных культурно-политических задач, характерных для идеологического фундамента указанных политических течений.

¹ В начале 1909 г. Союз «Пролетарий» и примкнувшая к нему прогрессистская оппозиция вошли в состав социал-демократической партии (широкого социализма). Результатом подобного объединения стало создание единой Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной), при этом бывший Союз «Пролетарий» занял позицию автономной фракции («левицы») БРСДП(о).

В такой трактовке ключом к особому отношению «левицы» БРСДП (о) к младотурецкой идеологии и, соответственно, к государственной программе реформ становится некая система (обозначим ее как систему «культурного посредничества»¹), близкая по своей внутренней сущности к посреднической роли болгарского центризма. Как следствие, рассматривая идеологию османизма, позднее тюркизма, с подобной точки зрения, можно предположить, что вышеназванные доктрины могли, хотя бы отчасти, выступать в роли идейного ограничителя или, скорее, особого мировоззренческого барьера, способного гарантировать цивилизационную стабильность империи в условиях последовательных модернизаторских преобразований начала XX ст. Принимая и передавая импульсы западной политической культуры, младотурки, подобно болгарским центристам, пытались создать особое синтетическое поле, в пределах которого они смогли бы примирить традиционалистскую (этнически и религиозно) Турцию с европейскими демократическими ценностями. Именно такой синтез должен был, но не смог обусловить османизм, и во многом ради такого синтеза была создана концепция тюркизма.

Тем не менее следует отметить, что на внешнем классово-декларативном уровне политические оценки всех трех течений болгарского социализма оставались хрестоматийно негативными. В то же время на глубинном, цивилизационном уровне обособленный характер внешнеполитической платформы социалистической «левицы» явственно вступал в конфликт с прямолинейной критикой этнополитической и административной деятельности младотурок двумя крайними направлениями (правое крыло БРСДП (о) и БРСДП (т. с.)) болгарского марксизма. Иллюстрацией самостоятельной позиции «левицы» стала точка зрения болгарского социалиста П. Делирадева (одного из наиболее последовательных сторонников национально-освободительного движения в Македонии). Последний был готов к позитивному восприятию тюркизма, рассматривая его как идеологическую концепцию, необходимую для борьбы с политической и экономической экспансией великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. «Борьба младотурок за конституцию одновременно является и борьбой против иностранного вмешательства. И эта борьба, подчеркивал автор, – должна расшириться и выйти за пределы тех тесных рамок, в которые ее поставили турецкие патриоты...» [4, с. 47]. Фактически, речь шла о

¹ Термин «политическое посредничество» был в несколько ином, более утилитарном смысле введен в научный оборот болгарской исследовательницей Живкой Дамяновой.

необходимости выйти за пределы национальной идеологии (османизм; тюркизм), и прийти к пониманию реальной необходимости наднациональной «Восточной федерации». Только такой союз был способен, по мнению болгарских центристов, удовлетворить все этноконфессиональные и административные притязания внутри Османской империи и в то же время сделать ее частью более мощного объединения, способного противостоять политическим интригам и амбициям крупнейших государств Западной Европы.

Однако, вопреки конфедералистским надеждам болгарских центристов, Турция выбрала иной путь – путь национальной консолидации. Фактически, чем дальше уходила младотурецкая идеология от пафоса революции 1908 г., чем опаснее делалось ее политическое положение (возникла реальная угроза потери национальной независимости), тем прагматичнее становилась турецкая национальная идея. Тюркизм постепенно начинал приобретать государственные черты, а бывший младотурок Гекалп, опираясь на свои политические взгляды, пришел к признанию необходимости философского обоснования значимости Турции как национального государства. Именно его концепция легла в основу государственного (по крайней мере, публично) прагматизма Ататюрка, который, выступая на заседании Великого национального собрания Турции в 1921 г., подчеркивал: «Великое национальное собрание Турции и его правительство, представляющие нацию, совершенно далеки от иллюзий, являются в своей политике весьма скромными и реалистичными» [2, с. 147] (см. также: [7]). Таким образом, надежды на балканскую конфедерацию, равно как и фантазии по поводу Великого Турана, постепенно начинали уходить в тень, особенно после того, как они были существенно поколеблены войнами 1912–1913 гг. Позднее их фактически свела на нет жестокая реальность Первой мировой войны и очевидная необходимость рационального устройства послевоенного мира и Европы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агентурные данные от 24 февраля 1914 г. // ГАРФ. Ф. 529. Оп.1. Д. 26. Л. 19–22.
2. Гасанова Э. Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908–1914 гг.). Баку: Из-во АН Азербайджанской ССР, 1966. 161 с.
3. Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности) // Серия «Человек на Балканах». М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 256 с.

4. Делирадев П. Балканската конфедерация. Пазарджикъ: Печат. «Търговска» на Г. Бърлиевъ, 1909. 48 с.
5. Донесение № 119 // ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–10.
6. Дятлов Ю. В. Некоторые аспекты национальной доктрины турецкого философа Зии Гекалпа // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 322–335.
7. Киреев Н. Турция: поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества [электронный ресурс]. URL: http://www.cac-s.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/03.kirru.shtml (дата обращения: август 2014).
8. Кляшторный С. Г. Тюркский мир и евразийский симбиоз [электронный ресурс]. URL: <http://www.tatar-history.narod.ru/simbioz.htm> (дата обращения: август 2014).
9. Луговой Г. Пантюркизм в Турции [электронный ресурс]. URL: <http://www.turkishnews.ru/politika-i-obschestvo-turcii/article/pantyurkizm-v-turcii> (дата обращения: сентябрь 2014)
10. Мухаметтдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань: Заман, 1996. 272 с.
11. Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М: Наука, 1990. 336 с.

М. В. Лобанова

Теоретики болгарского центризма об особенностях социал-демократического восприятия тюркизма в государственной идеологии младотурок (практика регионального анализа)

Резюме

В настоящем исследовании анализируются особенности восприятия феномена тюркизма болгарской социал-демократией начала XX столетия. Следует подчеркнуть, что в данном случае тюркизм рассматривается автором как стратегический вектор, обусловивший расширение указанной идеологии вплоть до уровня Великого Турана, очертания которого время от времени возникали во внешней платформе политической элиты младотурок. Особенно подробно в статье анализируется идейно-политическая позиция болгарской социалистической «левицы», руководство которой сумело, с одной стороны, обособиться от интернациональной концепции тесносоциалистической партии болгарских ортодоксов, а с другой – не поспешило разделить более конформистских взглядов своих оппонентов из БРСДП(о) – сторонников реформистской идеологии конца XIX – начала XX ст.

Ключевые слова: тюркизм, пантюркизм, османизм, младотурки, болгарская социал-демократия, левый центризм.

M. V. Lobanova

**Theorists of Bulgarian Centrism on the Particulars of Social-Democratic Perception of Turkism in the Young Turks' State Ideology
(Practices of Regional Apnalysis)**

Summary

This study analyses the particulars of perception of the Turkism phenomenon by Bulgarian social democracy in the early twentieth century. It should be underlined that the author understands the Turkism, in this case, as a strategic vector, which resulted in the said ideology's widening as far as the idea of "Great Turan," contours of which apparently appeared in the Young Turks' political platform. Especially detailed is the analysis of the ideas and political platform of Bulgarian socialist "Levitsa," which leaders succeeded in, first, splitting from international concept developed by "narrow-socialist" party of Bulgarian orthodoxes, and, second, did not share more conformist views of their opponents from the BRSDP(o), who were the champions of a reformist ideology from the late nineteenth to the early twentieth centuries.

Keywords: Turkism, Panturkism, Ottomanism, Young Turks, Bulgarian social democracy, left centrism.

Государство и охрана памятников

УДК: 904:297"12/14"(477.75)

Д. А. ЛОМАКИН

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Г. СТАРЫЙ КРЫМ В 20-Е ГГ. XX В.¹

На современном этапе большинство объектов культурного наследия, расположенных на территории г. Старый Крым (Кировский р-он, Республика Крым), находится в неудовлетворительном состоянии, частично – в аварийном. Процесс дальнейшего разрушения продолжается – наблюдается постоянное выветривание и вымывание кладочного раствора, замокание и вывалка строительного камня. Кроме естественных природных факторов, разрушающих памятники истории и археологии, серьезное деструктурирующее влияние на их состояние оказывают неправомерные действия «черных» археологов. Основная причина сложившейся критической ситуации, ведущей к разрушению и частичному исчезновению «древностей» на территории города – отсутствие необходимого финансирования. Как следствие, силами отечественных археологов не проводятся археологические разыскания в должном объеме, не осуществляются мероприятия по консервации и качественной реставрации объектов, на памятники археологии не заключены охранные договоры. Требуется скорейшая разработка и принятие проектов доисследования памятников, их консервации и реставрации. Лишь памятник национального значения, действующая мечеть Узбека, отреставрирован и поддерживается мусульманской общиной города. Подобная ситуация возникла не спонтанно, причины современным исследователям следует искать в истории становления и развития памятникоохранного дела в регионе.

¹ Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2014/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время» и представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на Конгрессе исламской археологии России и Стран СНГ (г. Казань, 26–28 сентября 2016 г.).

Первоначальный этап организации охраны памятников г. Старый Крым (конец XVIII – начало XX вв.) рассмотрен в ряде научных публикаций [13; 20], где отображены первые попытки краеведов и научных организаций уберечь древности города от неправомерных раскопок и их разбора местными жителями на собственные нужды. Бурным периодом исследования памятников города стали 20-е гг. XX в., когда наряду с масштабными археологическими изысканиями предпринимались попытки по организации эффективной системы сбережения и охраны объектов культурного наследия. Качественно новый этап памятникоохранительной работы на полуострове в этот период связан с деятельностью Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). 21 ноября 1920 г. первый руководитель отдела, петроградский ученый, антрополог и этнограф Г. А. Бонч-Осмоловский в своем докладе на заседании отдела народного образования сформулировал основную задачу начального этапа деятельности КрымОХРИС – «изъятие предметов культурно-исторической ценности, брошенных на произвол судьбы или находящихся в ненадежных руках частного владельца путем реквизиции» [19, с. 7]. Был составлен первый план Отдела по охране памятников старины. Он включал в себя пункты о необходимости учета всех археологических памятников, налаживанию их технической охраны (обмеры, зарисовки, фотографирование, нанесение на план, ремонт и реставрация), о подготовке материалов для издания археологической карты Крыма, изыскания средств для наружной охраны памятников. 21 августа 1921 г. приказом КрымРевкома № 450 в ведение КрымОХРИС был передан ряд археологических объектов полуострова, среди которых и памятники Старого Крыма [16, с. 116]. Запрещалось «занятие, использование, переделки, перестройки, раскопки всех вообще памятников и исторических мест в Крыму без разрешения КрымОХРИСа» [16, с. 117]. В 1922 г. был произведен первый учет археологических памятников – список содержал 130 наименований. Ключевую роль в этой работе сыграл председатель ТУАК А. И. Маркевич [17, с. 175].

В 1923–1926 гг. остро стал вопрос наружной охраны памятников в Феодосии, Карасубазаре, Старом Крыму. Местные власти и коммунальные хозяйства неоднократно инициировали перестройки в непосредственной близости от исторических объектов, случалось санкционированное использование архитектурных памятников для нового строительства, активизировались кладоискатели. В 1923 г.

КрымОХРИС добился обязательной постоянной охраны Судакской крепости, монастыря Сурб-Хач, средневекового городища Мангуп-Кале. Началось выполнение плана зарисовки памятников – для этой цели был привлечен известный феодосийский художник, краевед, член Российского общества по изучению Крыма (РОПИК) К. Ф. Богаевский. Первыми были зарисованы памятники Феодосии, Судака, Старого Крыма [19, с. 13].

Одним из ключевых центров в сфере изучения и охраны древностей полуострова с момента его организации в 1917 г. стал Бахчисарайский дворец-музей тюрко-татарской культуры в Крыму. Руководитель музея, У. А. Боданинский, на протяжении десятилетия – 20-х гг. XX в. – находился в центре организационной работы по спасению от разрушения, изучению и реставрации мусульманских памятников. Разрабатывая план работ на 1923–1924 отчетный год, он предполагал среди прочих мероприятий «предпринять исследовательские работы в Старом Крыму, Карасу-Базаре¹ и Кырк-Чолпане²» [21]. В ноябре 1923 г. вновь был поднят вопрос о необходимости немедленного исследования мусульманских памятников полуострова, в том числе и расположенных в Старом Крыму. На заседании Археологического отделения Академии истории материальной культуры был заслушан доклад У. А. Боданинского, в котором краевед сообщил «о современном состоянии Бахчисарайского дворца-музея <...>, а также о состоянии памятников мусульманской культуры и угрожающем положении некоторых из них» [26, л. 9]. Участники заседания постановили «снарядить экспедицию специалистов по обследованию Старого Крыма и других крымских мест мусульманской культуры» [26, л. 9].

В канун 1925 г. У. А. Боданинский оставил в своем дневнике запись, которую ряд современных исследователей [15, с. 33] расценивает как самостоятельную научную работу – «Экспедиция по Крыму летом 1925 года»: «В Крыму до сих пор очень мало сделано в отношении изучения материальной культуры татар. Во времена старого дореволюционного режима из центров, время от времени, посылались экспедиции и отдельные ученые, которые собирали и увозили за пределы Крыма предметы народного творчества и быта. Только с Октябрьской Революцией 1917 года в Крыму организовался центр собирания и изучения памятников татарской материальной

¹ Карасу-Базар – ныне г. Белогорск (с 1944 г.)

² Кырк-Чолпан – исчезнувшее село, располагавшееся на территории современного Первомайского р-на Республики Крым. Последние упоминания на картах относятся к 40-м гг. XX в.

культуры – Бахчисарайский музей; но здесь исторические и этнографические коллекции не представлены еще в исчерпывающем виде. Необходимо этот пробел пополнить, собрав на всей территории Крымской ССР историко-этнографический материал, который на наших глазах очень быстро исчезает. Если мы пропустим еще несколько лет, то весь этот богатейший материал погибнет для истории» [21, л. 34].

Мощным импульсом в деле изучения и охраны памятников Старого Крыма стала экспедиция Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР (ВНАВ), под руководством профессора И. Н. Бороздина в 1925–1926 гг. [2; 3; 12]. После завершения первого этапа археологических работ катастрофическое состояние старокрымских памятников побудило КрымОХРИС поднять вопрос об ассигновании средств на их «хотя бы самый незначительный ремонт» [10]. С осени 1925 г. в Старом Крыму в штат была введена должность «платного надзирателя» с целью охраны местных древностей [23, л. 8]. Кроме того, как свидетельствуют документы из ГБУ «ЦГА Москвы», к 1926 г. часть мусульманских памятников города (остатки оборонительных сооружений, мечеть Бейбарса, мечеть Узбека, медресе и караван-сарай) находилась в ведении КрымОХРИСа и Главнауки и считались национализированными [22, л. 2]. В конце 1926 г. участники экспедиции ВНАВ обратились к крымскому правительству через соответствующие органы Крымнаркомпроса с ходатайством о принятии срочных мер, необходимых для сохранения объектов культурного наследия. До отъезда экспедиции из Старого Крыма вся раскопанная территория была окружена проволочным заграждением. Обещаны были навесы над зачищенным порталом медресе и вскрытыми помещениями [2, с. 12].

9 апреля 1926 г. на заседании при Реставрационном подотделе Музейного отдела Главнауки был заслушан доклад авторитетного архитектора П. И. Голландского о состоянии памятников архитектуры Крыма. Учитывая «полное отсутствие систематической охраны древностей Крыма и технического надзора за ними» [23, л. 7], а также то, что «в этих условиях производились лишь отдельные ремонтные работы случайного характера, причем выполнение этих работ возлагалось на лиц, не обладающих научной квалификацией» [23, л. 7], присутствующие постановили «обеспечить Крым надлежащей организацией охраны путем правильной постановки работы соответственных учреждений, пополнив их специальными научно-техническими силами» [23, л. 7]. Кроме того, предполагалось

«временно ограничить раскопочные и исследовательские работы, направив все усилия и средства на охрану и предохранение памятников от разрушения» [23, л. 7]. В планы ученых также входила регистрация и подробное фиксирование путем фотографирования и обмеров наиболее пострадавших от разрушения и расхищения памятников архитектуры с изданием в дальнейшем сборника графических материалов. Все указанные работы должны были координироваться П. И. Голландским [23, л. 7].

Реакцией КрымОХРИС на данную резолюцию стало письмо его заведующего А. И. Полканова начальнику Главнауки Ф. Н. Петрову, в котором крымский краевед сетовал на катастрофическую нехватку средств: «За все время не было отпущено на поддержание памятников старины в Крыму ни одной копейки <...>. Требовать при таком положении дела не только технической, но и научной охраны памятников со стороны КрымОХРИСа значило бы требовать от него сотворения чудес. <...> Разве вопрос в том, что мы не знаем, что памятники надо охранять технически, что при раскопках надо принимать меры к их консервации, что памятники надо фотографировать и обмерять. Все эти положения очевидны <...>. Меры, какие надо принять, мы и сами сможем перечислить, а вот как их принять, на какие средства – на этот вопрос желателен ответ именно от Главнауки» [24, л. 27]. А. И. Полканов для реализации поставленных центром задач предлагал провести следующие мероприятия: «В штат КрымОХРИСа по госбюджету ввести архитектора-реставратора; памятники, имеющие общегосударственное или мировое значение взять на снабжение центра; отпустить специальный кредит на обмеры, фотографирование и составление археологической карты Крыма; прекратить финансирование раскопок, взамен этого отпустить кредит на ремонт и охрану памятников» [24, л. 28].

В целях изучения и сохранения памятников Крыма предпринимались масштабные мероприятия руководством Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ). В августе – сентябре 1926 г. по заданию ЦГРМ в Крым был направлен архитектор, член Правления РОПИК Б. Н. Засыпкин. В его задачу входило ознакомление с архитектурными памятниками крымских городов, анализ их состояния и выработка предложений по их защите и изучению [18, с. 13]. По заданию ЦГРМ Б. Н. Засыпкиным было произведено обследование памятников Крыма в следующих пунктах: Бахчисарай, Чуфут-Кале, Симферополь, Карасу-Базар, Евпатория, Херсонес, Феодосия, Каракозы, Старый Крым, Судак, Керчь [24,

л. 18]. Особое внимание было обращено на состояние мусульманских памятников.

21 августа 1926 г. комиссия в составе У. А. Боданинского, П. И. Голландского и Б. Н. Засыпкина осмотрела руины медресе в Старом Крыму с целью выяснения технического состояния и принятия мер по охране и поддержанию. Ознакомившись с результатами ранее проведенных работ под руководством И. Н. Бороздина и выслушав пояснения П. И. Голландского, краеведы составили специальный акт, в котором были отмечены следующие положения: 1. «Цокольные части помещения из каменной тесаной кладки с профилями и карнизами, вскрытые раскопками 1925–1926 гг., находятся в сильно поврежденном состоянии. Обрезы всех вскрытых частей неровные. В некоторых частях камень пришел в ветхость, рассыпается на мелкие куски; 2. Кроме раскопанных частей от здания медресе сверх земли сохранились со сводами южная и северная дворовые ниши-аудитории и часть сводов примыкающих к ним других келий. Все эти остатки находятся в сильно ободранном виде, сверху покрыты слоем земли с растительностью; 3. Весь участок раскопок находится на плохо огороженном участке, сами же раскопки ничем не огорожены» [25, л. 3].

Для спасения памятника экспертами были предложены следующие меры: «1. Всю западную сторону с тремя крупными помещениями и четырьмя мелкими и всю восточную сторону с шестью помещениями прикрыть навесом с черепичной крышей на деревянном основании; 2. Части, сохранившиеся со сводами, после очистки от земли и ремонта сводов и поддерживаемые кладкой на глине, залить водонепроницаемым раствором. Для сохранения общего вида асфальтовую смазку окрасить краской соответствующего тона; 3. Швы каменной кладки с выветрившихся сторон залить известковым раствором; 4. Особо важно по окончании раскопок позаботиться об удалении с площади памятника атмосферных вод, что требует разработки специального проекта; 5. По окончании раскопок необходимо памятник огородить капитальной каменной оградой» [25, л. 3]. В случае затруднения по тем или иным причинам осуществить предложенные меры, были разработаны временные и экстренные приемы для поддержания памятника: «1. Поверхность верхних открытых частей стен смазать слоем жирной глины с добавкой рубленой соломы. 2. Над помещениями западной стороны устроить навес с земляной крышей. 3. Огородить участок раскопок колючей проволокой» [25, л. 3].

24 августа в Старом Крыму к участникам комиссии присоединились преподаватель Симферопольского университета, эпиграфист О.-Н. А. Акчокраклы и представитель КрымОХРИС Э. Я. Бэр. В результате повторного осмотра памятников архитектуры города был составлен специальный акт, включивший в себя краткую характеристику состояния местных древностей и необходимые меры их охраны [25, л. 1]. Неизгладимое впечатление на участников экспедиции произвело «невиданное хищничество местных жителей, которые до сих пор продолжали разбирать древние здания и увозить с кладбища надгробия» [25, л. 2]. Поэтому комиссия считала необходимым «усиление охраны памятников путем введения в штат специального сторожа» [25, л. 2].

По окончании экспедиции в ЦГРМ был отправлен отчет Б. Н. Засыпкина о проделанной работе [24, л. 18-18 об.]. В нем архитектор констатировал бедственное и аварийное состояние ряда памятников полуострова, в том числе и в Старом Крыму, где к тому же не была надлежащим образом организована охрана участка раскопок, произведенных экспедицией 1925–1926 гг., предметы старины расхищались местным населением. Всего было обследовано 69 крымскотатарских памятников, сделано 289 фотографий. Были составлены технические акты и описания [24, л. 18], произведено 53 обмера (из них пять – памятники Старого Крыма: по два чертежа раскопок в Кяшене и мечети Куршум-Джами, один план местной часовни) [24, л. 24]. Обобщенный материал проделанной работы в Крыму составил более 51 страницы печатного текста [24, л. 24]. Б. Н. Засыпкин вел его обработку в двух направлениях: «по линии научно-исследовательской выяснялся характер и значение памятников, разрабатывались практические мероприятия по их консервации, и по линии составления общего для Крыма плана ремонтных работ» [24, л. 24]. Сотрудниками ЦГРМ планировалась подготовка более десятка докладов по наиболее острым вопросам охраны памятников в Крыму.

Очередной попыткой крымских краеведов наладить действенную систему охраны памятников Старого Крыма стала Керченская археологическая конференция, проходившая с 5 по 10 сентября 1926 г., созванная в честь столетнего юбилея Керченского археологического музея [6; 9; 11; 14]. Конференция стала первым археологическим съездом с момента установления советской власти. На нем присутствовало 135 делегатов от 73 учреждений и организаций из семи республик СССР.

Работа конференции была устроена по четырем секциям: доисторической, ирано-эллинской, средневековой и тюрко-татарской археологии. В плане изучения древностей Старого Крыма особый интерес вызывает работа последней. Ее председателем являлся профессор И. Н. Бороздин, заместителем – У. А. Боданинский, функции секретаря выполнял О.-Н. А. Акчокраклы [4, с. 1]. В центре работы секции в течение всего съезда была экспедиция Ассоциации востоковедения в Старом Крыму под руководством И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова. На второй день работы конференции, 6 сентября, с докладом «Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму» [1] выступил И. Н. Бороздин, основное внимание в котором было уделено исследованию Старого Крыма в 1925–1926 гг. Профессор в сжатой форме ознакомил присутствующих с памятниками золотоордынской эпохи Солхата и детально осветил весь трудоемкий процесс их исследования в ходе двух сезонов экспедиции Ассоциации востоковедения под его руководством.

Особое внимание в заседаниях секции, по словам А. И. Маркевича [14, с. 325], также присутствовавшего на конференции, привлек к себе доклад П. И. Голландского «Медресе и мечеть Абдуль Азиса в Солхате» [7], зачитанный на вечернем заседании 6 сентября. Архитектор рассмотрел периоды существования мечети, остановился на надписе на ее портале, ознакомив присутствующих с вариантами перевода. На основе анализа архитектурного стиля мечети был сделан вывод о наличии в солхатских постройках сельджукских мотивов, что указывало на непосредственную близость с архитектурой Малой Азии. Б. Н. Засыпкин представил делегатам археологического форума доклад «Состояние татарских памятников в Крыму» [8], где в очередной раз заострил внимание на угрожающем положении крымскотатарских древностей на территории полуострова и на необходимости принятия срочных мер для их охраны и реставрации.

Итоги обсуждения проблемы охраны памятников проявились в ряде резолюций конференции. Ее участники признали необходимым начать «скорейшую разработку единого производственного плана в области крымской археологии, <...> продолжить научно-техническое обследование, фиксацию и поддержание памятников с отпуском госкредитов, издание неопубликованного материала раскопок, <...> приступить к составлению археологической карты Крыма» [5, с. 7]. Участники секции тюрко-татарской археологии признали необходимым продолжить археологические работы в Эски-Юрте и Старом Крыму, опубликовать результаты экспедиций 1925–1926 гг. на русском и татарском языках. Принимая во внимание доклад

Б. Н. Засыпкина, секция постановила «обратиться через Пленум Конференции в Главнауку и КрымЦИК с ходатайством о принятии срочных мер охраны и мер по приостановлению катастрофического разрушения памятников крымскотатарской архитектуры» [5, с. 10]. Участниками Керченского археологического съезда была сделана попытка привлечь внимание ученых, научных организаций, а также общественности к проблемам крымской археологии. Наиболее острой и требующей скорейшего решения среди них была необходимость охраны памятников археологии от варварского расхищения и их немедленная реставрация. Благодаря докладам П. И. Голландского, И. Н. Бороздина, Б. Н. Засыпкина и У. А. Боданинского удалось обратить внимание на катастрофическое состояние мусульманских древностей в Старом Крыму.

10 августа 1928 г., перед началом археологических изысканий на территории Старого Крыма под руководством У. А. Боданинского и Н. Л. Эрнста, участники экспедиции при осмотре территории предыдущих раскопок руин медресе в составленном акте зафиксировали, что «дюрбе-мавзолей в северо-западном углу территории перекрыт деревянным сооружением с двухскатной крышей для предохранения этой части здания от вод. Края всех траншей сильно осыпались, так что верхние обрезы отступили от нижних на 0,51–1 м. Расчищенные части, как, например, плиточный пол, покрыты землей, мусором, сорной травой и бурьяном, так же как и поверхность нерасчищенной части памятника. Вдоль всей расчищенной части восточной стены на небольшом расстоянии от нее вне здания навалена целая гора мусора из раскопок около двух метров высотой. Вся территория раскопок ограждена колючей проволокой с калиткой в восточной части, но калитка не запирается. В юго-западном углу линия ограждения расстроена» [27, л. 20]. Данная запись красноречиво подводит итог стремлений местных краеведов и научных организаций в деле охраны древностей Старого Крыма. В 20-х гг. XX в. были предприняты первые разрозненные попытки наладить эффективную систему учета и сбережения памятников города. Достигнутые конкретные результаты (предприняты первостепенные меры защиты памятников от разрушительного воздействия природных факторов, в штат введена должность смотрителя) позволили замедлить разрушение объектов культурного наследия Старого Крыма, предотвратить полное исчезновение ряда памятников. К сожалению, изменение политической обстановки в государстве, практически полное прекращение финансирования

научно-исследовательских программ приостановило дальнейшее развитие памятникоохранного дела в регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: 4-я гостипография, 1926. № 2. 6 сент. С. 3.
2. Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: Работы археологической экспедиции 1926 года / Научн. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1927. 21 с.
3. Бороздин И. Н. Солхат: Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымсика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году / Научн. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1926. 32 с.
4. Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: 4-я гостипография, 1926. № 1. 5 сент. 6 с.
5. Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь: 4-я гостипография, 1926. № 3. 7 сент. 11 с.
6. Гелах Т. Керченская археологическая конференция // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 248–251.
7. Голландский П. И. Медресе и мечеть Абдуль Азиса в Солхате // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: 4-я гостипография, 1926. № 2. 6 сент. С. 3.
8. Засыпкин Б. Н. Состояние татарских памятников в Крыму // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь: 4-я гостипография, 1926. № 3. 7 сент. С. 6.
9. Захаров Н. Керченская археологическая конференция 1926 года // Труды Северо-Кавказской научной ассоциации. 1927. № 26. С. 119–124.
10. К охране памятников старины // Красный Крым. 1925. 17 сент.
11. Ломакін Д. А. Всесоюзна конференція археологів СРСР у Керчі та мусульманські пам'ятки Старого Криму: невідомі сторінки історії вивчення // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / НАН України; УТОПІК. К., 2011. Вип. 20. С. 234–238.
12. Ломакін Д. А. З історії вивчення комплексу мусульманських пам'яток Старого Криму: експедиції Всесоюдної наукової асоціації сходознавства // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / НАН України; УТОПІК. К., 2010. Вип. 17. С. 232–244.
13. Ломакин Д. А. К истории становления научного подхода в исследовании комплекса мусульманских памятников XIII–XV веков в Старом Крыму // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / НАН України; УТОПІК. К., 2012. Вип. 22. – С. 28–49.
14. Маркевич А. И. Керченская конференция археологов // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 324–326. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).
15. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / под

- ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2007. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 9).
16. Полканов А. И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // ИТОИАЭ. 1930. Т. 4: «К десятилетию власти Советов в Крыму». С. 93–123.
 17. Полканов А. И. Охрана памятников старины в Крыму за советский период // ИТОИАЭ. 1928. № 2 (59). С. 173–180.
 18. Хливнюк А. В. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / под ред. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).
 19. Хливнюк А. В. Памятники Крыма. Из истории охраны культурных ценностей в Крыму в 20-е годы XX века: По материалам Центрального муниципального архива Москвы // Историческое наследие Крыма. 2007. № 20. С. 7–18.
 20. Шаманаев А. В. Охрана памятников Старого Крыма в конце XVIII – начале XX в. // Античная древность и средние века: сборник трудов / Урал-й федеральный ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Урал-го ун-та, 2014. Вып. 42: «Памяти Ханса-Файта Байера». С. 279–292.
 21. ГБУ РК «БИКАМЗ», фонды, кн. 9569, инв. № 386. Дневник У. А. Боданинского, [без даты], 38 л.
 22. ГБУ «ЦГА Москвы», ф. Р-1. Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) Наркомата просвещения СССР, 1918-1934 гг., оп. 1, д. 505. Список археологических, архитектурных и революционных памятников и музейных зданий Крыма, находящихся в ведении КрымОХРИСа и Главнауки и считающихся национализированными, [без даты], 6 л.
 23. ГБУ «ЦГА Москвы», ф. Р-1. Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) Наркомата просвещения СССР, 1918-1934 гг., оп. 1, д. 507. Протоколы по вопросам охраны и реставрации памятников Крыма, 1926 г., 16 л.
 24. ГБУ «ЦГА Москвы», ф. Р-1. Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) Наркомата просвещения СССР, 1918-1934 гг., оп. 1, д. 509. Обследование памятников архитектуры Крыма: пояснительные и докладные записки, 1922–1928 гг., 40 л.
 25. ГБУ «ЦГА Москвы», ф. Р-1. Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) Наркомата просвещения СССР, 1918-1934 гг., оп. 1, д. 516. Старый Крым: акты обследования, сметы, 1926 г., 5 л.
 26. ИИМК РАН НА РО, ф. 2. Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), 1919–1937 гг., оп. 2, д. 13. Дело Археологического отделения ИИМК. Отчеты и протоколы, 1924 г., 51 л.
 27. ИИМК РАН НА РО, ф. 2. Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), 1919–1937 гг., оп. 1, д. 164. Работы Бахчисарайского дворца-музея: отчет за 1927-1928 гг. и отчет о раскопках в Старом Крыму в 1928 с чертежами и фотографиями, 1929 г., 85 л.

Д. А. Ломакин
К вопросу о сохранении культурного наследия
г. Старый Крым в 20-е гг. XX в.

Резюме

Рассмотрены основные направления памятникоохранной деятельности в Старом Крыму в 20-е годы XX века. Проанализирован вклад научных организаций и местных краеведов в дело сохранения культурного наследия города. Представлена роль в решении проблемы Бахчисарайского дворца-музея тюрко-татарской культуры в Крыму, Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС), Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ). Отмечена важная роль Керченской археологической конференции.

Ключевые слова: Старый Крым, культурное наследие, охрана памятников, Бахчисарайский дворец-музей тюрко-татарской культуры в Крыму, КрымОХРИС, ЦГРМ, Керченская археологическая конференция.

D. A. Lomakin
On the History of the Cultural Heritage Preservation
in the Town of Staryi Krym in the 1920s

Summary

This article addresses the most important directions of monument protection activities in Staryi Krym in the 1920s. The author analyzes contributions made by research organizations and local historians to the preservation of this city cultural heritage. The study uncovers the contributions in the fixing of the said problem by the Bakhchisarai Palace Museum of the Turkic-Tatar Culture in the Crimea, the Crimean Department for the Cases of Museums and the Preservation of Monuments of Art, Antiquity, Environment, and People's Daily Life (KrymOKHRIS), and the Central State Restoration Workshops (CGRM). The important role of the Kerch Archaeological Conference has been underlined.

Keywords: Staryi Krym, cultural heritage, protection of monuments and sites, Bakhchisarai Palace Museum of the Turkic-Tatar Culture in the Crimea, KrymOKHRIS, CGRM, Kerch Archaeological Conference.

Рис. 1. Фасад мечети Узбека. 1925 г.

Рис. 2. Медресе и мечеть Узбека. Вид с юго-востока. 1925 г.

Рис. 3. Медресе и мечеть Узбека. Вид с востока. 1925 г.

Рис. 4. О.-Н. А. Акчокраклы на фоне караван-сарая. 1925 г.

Рис. 5. Мечеть Куришум-Джами. 1925 г.

Рис. 6. Мечеть Куришум-Джами. 1925 г.

Рис. 7. Мечеть Бейбарса. 1925 г.

Рис. 8. Участники археологической экспедиции 1925 г. на фоне мечети Бейбарса.

Рис. 9. Мечеть Бейбарса. Фото 1925 г.

КАРАНЬСКАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ КАК КУЛЬТОВЫЙ ПАМЯТНИК СВВ. РАВНОАПОСТОЛЬНЫМ ЕЛЕНЕ И КОНСТАНТИНУ

Вопросы, связанные с изучением истории культовых храмов в условиях современного многонационального и поликонфессионального общества, не всегда достаточно изучены и в настоящее время являются актуальными. Предлагаемый материал имеет своей целью реконструировать историю одного христианского культового сооружения, находящегося в окрестностях Балаклавы на месте бывшего селения Карань – церкви во имя свв. Константина и Елены (Караньская Константино-Еленинская церковь). Ее название связано с императором Константином I Великим (ок. 272–337), как известно, в свое время объединившим обе части Римской империи и также разрешившим свободное исповедание христианства, а также с его матерью – Флавией Юлией Еленой Августой (ок. 250–330 гг.), которая за свою деятельность по распространению христианства была канонизирована в лике равноапостольной.

Источниковой базой исследования истории данной церкви послужили архивные документы ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым» и ГКУ «Архив города Севастополя». Наиболее информационным является фонд Таврической духовной консистории. Консистория была создана 16 ноября 1859 года, но несмотря на это, самые ранние документы, отложившиеся в фонде, датируются концом XVIII в.

Первые упоминания о храме святых равноапостольных Константина и Елены относятся к последней четверти XVIII в. Архивные документы свидетельствуют о том, что за свою более чем 240-летнюю историю церковь во имя равноапостольных свв. Константина и Елены не раз пережила забвение, разрушение и восстановление. Обратимся к самым ранним источникам. В ведомости о числе церквей христианских в Крымском полуострове, целых и

разрушенных, составленной 17 декабря 1783 года, значится «В Каранне – 2», в графе разрушенных стоит прочерк [1, с. 35]. Вместе с тем в «Ведомости какое число во всем Крымском полуострове находилось кадылыков и в каждом кадылыке какие христианские деревни и полных дворов. И как в оных, также и в городах, какие церкви и служащие, или разоренные. А в служащих какое число священников было, значит ниже сего. Декабря 14 дня 1783 года» указано: «Село Корсань (так в документе) – Церковь царя Константина» – 1 священник, 60 дворов [2, с. 111, 138]. Авторы склонны думать, что в ведомости, где указаны две церкви в Карани, допущена ошибка. Но данный источник подтверждает, что церковь существовала еще до присоединения Крыма к России. Аналогичное подтверждение мы находим в работе епископа Гермогена «Таврическая епархия», который указывает, что церковь была построена ранее 1779 года [3, с. 181].

По сведениям прихожан и причта, Караньская Константино-Еленинская церковь была построена в 1775 году [4, л. 63об.]. Эта дата приводится также в статистико-хронологико-историческом описании Таврической епархии, составленного кафедральным протоиереем М. Родионовым, изданном в 1872 году [5, с. 146]. Однако севастопольский историк, научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» А. В. Иванов полагает, что церковь основана до 1475 года, так как турецкой администрацией пресекалось строительство культовых зданий иных конфессий, в то же время ремонт и перестройка имеющихся храмов общинам не возбранялись [6, с. 107]. Это условие неизменно оговаривалось в султанских фирманах при вступлении в должность очередного крымского митрополита.

Архивные документы и печатные источники дают возможность проследить дальнейшую историю Караньской церкви. Например, имеются сведения о пожаре здания в 1801 или 1802 году и его последующем восстановлении [7, с. 107].

После переселения христиан из Крыма в 1778 году селение Карань практически осталось без жителей и служителей культа. Но впоследствии часть жителей возвратилась из Приазовья и, кроме того, греческую общину пополнили военнослужащие Греческого войска и члены их семей. В 1804 году караньские жители в числе около 200 человек начали обращаться в Перекопское духовное правление и даже непосредственно в Екатеринославскую духовную консисторию с просьбой «возобновить и снабдить священником, дабы они не лишились слушания слова Божия и христианских треб» [8, л. 1об.].

Просили священника «греческой нации, поелику мы другого языка не знаем» [9, л. 1об.]. Епархиальное начальство назначило следствие и прописало резолюцией Перекопскому духовному правлению: «Подать справку почему ниже писанная церковь оставлена без священника и без антиминса и долго ли в таком состоянии находится» [10, л. 2]. После нескольких обследований епархиальному начальству было доложено, что церковь маленькая, сделанная наподобие избы, вся вросла в землю, стены начали разрушаться, а черепица поломана. 16 ноября 1804 года, рассматривая этот вопрос на заседании Екатеринославской духовной консистории, указывалось, что жители согласны за свой счет отремонтировать церковь, а также «собственным своим иждивением» содержать священника. Консистория, располагая сведениями о том, что вблизи Карани находятся: Камарская св. Марининская, Кадыковская св. Троицкая и Балаклавская св. Николаевская церкви, а также Балаклавский Георгиевский монастырь, предложила высокопреосвященнейшему Платону, архиепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому Константино-Еленинскую церковь упразднить. Что и было сделано указом Екатеринославской духовной консистории 30 ноября 1806 года. Церковь опечатали, а прихожан приписали к Камарской св. Марининской церкви [11, л. 15]. В вопросе об истории Константино-Еленинской церкви, безусловно, вызывает интерес записка архиепископа Гавриила (1848 г.), содержащая информацию о строительстве в селении Карань около 1833 года церкви Вознесения Господня, однако более поздние источники опровергают эти сведения. Вероятно, была проведена реконструкция здания с использованием классических архитектурных элементов с последующим переосвящением во имя Вознесения Господня. Преподобный епископ Гавриил – единственный автор, упоминающий подобное название Караньской церкви [12, с. 107]. Следует также отметить, что епископ Гермоген в своей работе «Таврическая епархия» сообщает, что в Караньской церкви хранилась икона свв. Константина и Елены, принадлежавшая ранее Балаклавскому греческому батальону [13, с. 358]. По преданию, икона была вывезена переселенцами из Афона в конце XVIII в., но документально это не подтверждается. К сожалению, дальнейшую судьбу этой святыни установить не представляется возможным.

Накануне Крымской войны Караньскую Константино-Еленинскую церковь приписали к Кадыковской Троицкой церкви, в которой исполнялись все христианские требы, как то: крещение, венчание, отпевание жителей Карани [14, л. 37]. Это также

подтверждается метрическими книгами Кадыковской Троицкой церкви, в которых были выявлены сведения о караньских прихожанах, в том числе о родных академика живописи Николая Петровича Химона (Химони). Службы в церкви в период Крымской войны подтверждаются рапортом Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, направленной в Святейший Правительствующий Синод в 1860 году, в которой указывалось, что богослужения в Караньской Константино-Еленинской церкви совершались до октября 1855 года, а «по выходе из деревни жителей, занята казенным неприятельским складом, сама церковь, так и все почти здания в деревне Карани находятся в целости» [15, л. 19об.]. О том, что церковь не пострадала в период Крымской войны, свидетельствует и литография с видом деревни Карань и Константино-Еленинской церкви, опубликованная в английском журнале «Illustrated London News» в 1855 году. По сведениям причта, Караньская Константино-Еленинская церковь «тщанием прихожан возобновлена и освящена 6 августа 1856 году» [16, л. 60]. Но правильнее будет сказать об освящении церкви после осквернения, а не разрушения.

После окончания Крымской войны в приходе насчитывалось 166 прихожан-мужчин, 179 женщин, количество дворов составляло 41 2/4. Причт церкви состоял из священника и дьяка, но «ныне состоит налицо один только священник Михаил Михо» [17, л. 412]. Затем священническую должность в Константино-Еленинской церкви занимал священник о. Яни (Папа-Яни) [18, л. 847], а 1857 году священником к церкви временно был определен иеромонах Никифор Каламатус. Но поскольку он не был российским подданным и не знал русского языка, то вскоре уволился и уехал за границу [19, л. 144–146]. Караньская Константино-Еленинская церковь являлась приписною к Кадыковской Троицкой церкви до 1862 года, а затем вместе с Кадыковской Троицкой церковью была приписана к Балаклавской Николаевской церкви [20, с. 136]. Это было связано с немногочисленным количеством прихожан в селениях и их бедностью. К тому же в 1859 году был упразднен Балаклавский греческий пехотный батальон, что в свою очередь привело к «затруднению содержания причта». Самостоятельной Караньская Константино-Еленинская церковь стала только в 1866 году [21, с. 136].

15 ноября 1860 года благочинный протоиерей Александр Демьянович обратился в Таврическую духовную консисторию с ходатайством о назначении жалования причтам церквей, которые пострадали в период Крымской войны и не могут в полной мере

содержать священников. Помимо Балаклавской, Кадыковской, Камарской и Лакской церквей, указывалась и Караньская. Консistorией было подготовлено обращение в Святейший Синод о назначении в эти церкви по одному священнику и причетнику с жалованием от казны по 96 руб. на причт [22, л. 412].

В 1860 году балаклавский мещанин Георгий Христодуло пожертвовал церкви 1 десятину 520 саженой земли [23, л. 63об.]. В 1877 году количество церковной земли увеличилось на две десятины хлебопахотной земли, пожертвованной вдовой отставного унтер-офицера Софией Николаевной Бамбука. Но земля оформлялась долго, так как вдова, вновь выйдя замуж, уехала сначала в Феодосию, затем в Анапу. Караньский причт пользовался землей, но для официального оформления требовалось составление «дарственной записи крепостным порядком». Только получив «вводный лист», церковь могла беспрепятственно владеть землей. Таврическая духовная консистория пошла навстречу причту и на своем заседании 23 мая 1879 года разрешила причту с церковным старостой использовать из кошельковых сумм до 80 руб. для оформления дарственной записи [24, л. 786]. Земля была оформлена. В клировой ведомости за 1894 год церковь сообщала, что «план и акт на сию землю имеются и хранятся в церковном архиве» [25, л. 63об.].

С 7 ноября 1866 года священником Константино-Еленинской церкви становится греческий подданный Федор Феофанидис, а с 27 апреля 1872 года он в присутствии Таврической духовной консистории принимает российское подданство и окончательно утверждается на должности священника [26, б/н].

31 января 1867 года по прошению отставного поручика упраздненного Балаклавского греческого пехотного батальона Николая Бамбуки и желанию прихожан Таврическая духовная консистория рассматривала вопрос об определении в Караньскую церковь на вакантную должность причетником его сына Константина, уволенного из кантонистского звания. Консистория, приняв во внимание, что Константин Бамбука «читает по-русски порядочно», приняла его в духовное звание и определила его на эту должность [27, л. 123–127]. Прослужив на должности причетника до 1879 года, Константин Николаевич Бамбука подал прошение о его освобождении «по слабости здоровья» и 5 декабря был уволен [28, л. 1012]. По документам консистории прослеживается приближенность семьи Бамбука к данной церкви – его родной брат Апостол Николаевич Бамбука в 60–70-е годы XIX века состоял в Караньской Константино-Еленинской церкви церковным старостой [29, л. 13–15].

«По крайней скудости средств содержания в Караньском приходе» священники не задерживались долго на должности, к тому же пришел в негодность небольшой каменный дом для священника, «за своим давним существованием <...> неудобен для жилья – холодный и сырой» [30, л. б/н]. В 1886 году подал прошение о переходе в другой приход священник Захарий Грамматикаки [31, л. б/н]. Благочинный Севастопольского округа священник Михаил Сорокин предложил прихожанам увеличить содержание своему причту до 600 руб. и построить новый дом для священника, но жители от таких предложений отказались, мотивируя тем, что не имеют средств и будут обращаться к епархиальному начальству о назначении им священника, который согласится на прежнее содержание. Священник Балаклавской св. Николаевской церкви Владимир Серафимов, не имея в 1886 году необходимого им псаломщика со знанием русского и греческого богослужения, предложил воспользоваться этим жалованием причту Караньской церкви. Консистория признала это безосновательным и не разрешила занять эту вакансию. По ее сведениям, в отличие от балаклавского причта, караньский получал от прихожан: 300 руб. священнику и 120 руб. псаломщику, а от казны им определено 141 руб. 12 коп.: священнику – 98 руб. 8 коп. и псаломщику – 47 руб. 4 коп. [32, л. 219–222].

С 13 июля 1885 года священником Константино-Еленинской церкви назначается Павел Михайловский. На запрос консистории, «может ли он существовать в Карани на прежнем содержании», в своем рапорте от 15 декабря 1885 года он объяснил, что содержание недостаточно для его семейства, состоящего из 6 душ [33, л. б/н]. Но именно Павел Михайловский, в отличие от других священников, прослужил в Караньской церкви самый длительный период – до апреля 1913 года, а затем числился заштатным священником [34]. С 1885 года был законоучителем земской школы [35, л. 63–64].

Кроме денежного содержания от казны и прихожан, причт Константино-Еленинской церкви ежегодно получал доход за требоисправления в приходе около 50 руб. и 15–20 руб. от церковной земли. В церкви имелись только богослужебные книги, а с 1891 года стали выписывать «Таврические епархиальные ведомости» и «Церковные ведомости» [36, л. 63об. –64].

В 1870 году совет симферопольского Александро-Невского братства выделил для Карани 50 руб. на оплату учителя церковно-приходской школы, но открытие школы в этот год не состоялось, деньги были возвращены и переданы Камарской школе по их просьбе [37, с. 493]. Документов, подтверждающих открытие церковно-

приходской школы, в последующие годы не выявлено, а из клировой ведомости за 1894 год стало известно, что с 1867 года в Карани действовала земская школа, в которой в 1894/1895 учебном году обучалось 13 мальчиков и 4 девочки [38, л. 63–64].

В ведомости о приходе за 1911 год, представленной в консисторию, указывалось, что число дворов (хозяйств) в Карани насчитывается 54 $\frac{1}{4}$, из них 3 двора дворян, 1 $\frac{1}{2}$ крестьян, остальные мещан. Всего прихожан 405 человек. К этому времени увеличилось казенное жалование, которое составляло 392 руб., и общественное – 480 руб. в год. Около 100 руб. в год поступало от кружечного сбора, около 400 руб. – свечного дохода [39, л. 111–112].

Благочинный церковей Севастопольского округа священник Павел Пересыпкин, подавая рапорт преосвященному Дмитрию, епископу Таврическому и Симферопольскому, с обозрением церковей за 1912 год, отмечал лишь, что в Константиновско-Еленинской церкви происходит «обветшание антиминса», и предложил его заменить [40, л. 36об.].

Таврическая духовная консистория, контролируя церковные расходы, вместе с тем материально поддерживала в различных ситуациях. 23 ноября 1914 года загорелась в Карани церковная сторожка. Пожар произошел принадлежащем Лазарю Григорьевичу Христодуло сарае, к которому была пристроена церковная сторожка. Она была непрочная, ветхая, и в результате пожара были частично разрушены даже стены. Нанесенный ущерб составлял 120 руб., о чем был составлен акт. На место происшествия выехал «заменяющий» благочинного Севастопольского округа священник Г. Васильковский. Так как церковное имущество было застраховано, то сразу же был выдан аванс, составляющий 50 % от ущерба. Эти средства по решению причта, старосты и представителей прихожан решено было использовать для постройки новой сторожки [41, л. 69–70]. В сумму страховых выплат от ущерба включалась поездка представителя консистории для составления акта. Священник Г. Васильковский «по поводу понесенных им расходов» представил отчет о своей поездке. Он не смог воспользоваться услугами Севастопольской конно-почтовой станции, так как в Карани не было почтового тракта, поэтому был нанят извозчик, и поездка священника обошлась в 6 руб. 98 коп. [42, л. 69–70].

Церковная жизнь кардинально изменилась после смены государственного строя. Декрет советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданный в 1918 году, стали внедрять лишь после установления советской власти в

Севастополе в ноябре 1920 года. В этот же год в результате муниципализации строений у Константино-Еленинской церкви были изъяты 2 дома и сарай. Дом, состоящий из 6 комнат, передали под избу-читальню [43, л. 19 об.–20].

В 1923 году религиозное общество Константино-Еленинской церкви подало на регистрацию свой устав. В описи недвижимого имущества, представленной в органы власти, указывалось «каменное здание, имеющее одну дверь и шесть оконных пролетов, одноглавое, подвального помещения нет». В графе другие постройки указывался одноэтажный, однокомнатный домик-сторожка и деревянная колокольня с четырьмя колоколами [44, л. 4]. В описи церковного имущества значились: два Евангелия: на русском языке в металлическом переплете, на греческом – в серебряном, 2 настольных серебряных креста, 3 дарохранительницы: серебряная, вызолоченная и походная, 3 серебряные иконы и 60 деревянных, 16 лампад, 4 хоругви (2 металлических и 2 полотняных) и др. [45, л. 6–6об.]. В церкви была 1 круглая медная печать, которая была изъята органами власти, чтобы не использовалась для выдачи метрических записей, так как эти функции были переданы ЗАГСам [46, л. 7]. В специальной ведомости о наличии из золота, серебра и драгоценных камней приходской совет указал все изделия из серебра [47, л. 8]. 28 сентября 1923 года представитель Балаклавского Совета А. Баранов в присутствии члена приходского совета К. П. Целио и Ф. Хритодуло осмотрели имущество церкви и обнаружили не внесенную в опись часть имущества, о чем был составлен акт [48, л. 11–11об.]. Еще некоторые вещи хранились дома у прихожан в связи с боязнью кражи. В церкви не было ни священника, ни псаломщика. Богослужения проводили иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря. В конце 1923 года в Севастополь приехал с Украины священник Василий Луговенко, который в феврале 1924 года возглавил приход. Караньское религиозное общество состояло из 71 члена [49, л. 7–8]. Председателем приходского совета был Дмитрий Константинович Бамбука, церковным старостой – Кузьма Павлович Целио, секретарем приходского совета – Константин Павлович Целио. Членами совета были греческие подданные садовладельцы Ефим Иванович Чубари и Антон (Ангели) Иванович Бизони. Все члены приходского совета, заполняя в анкетах графу «Какой партии сочувствуете», указали – коммунистической. Образование, по их сведениям, у всех было низшее, почти все окончили земскую школу. Но все они указали, что знают три языка: греческий, русский и татарский [50, л. 16–16об., 19–19об., 22–22об., 25–25об.].

Крупномасштабная антирелигиозная работа, проводившаяся в стране на протяжении 1920-х гг., закончилась изданием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях». Правительство Крыма откликнулось своим декретом и инструкцией НКВД от 30 ноября 1929 года «О порядке проведения перерегистрации религиозных объединений в Крыму». Это был сугубо политический акт, направленный на ограничение деятельности религиозных обществ. Именно в этот период многие религиозные общества отказались от дальнейшей аренды культовых храмов и не проходили перерегистрацию. Но греческие религиозные общины были стойкими. Среди других Караньское религиозное общество прошло перерегистрацию, и церковь оставалась действующей. Однако, в конечном итоге, это не помогло избежать ликвидации. Постановлением КрымЦИКа Караньская во имя св. равноапостольных Константина и Елены церковь ликвидирована в 1933 году. Ее здание в советский период использовалось как клуб и кинозал [51, с. 398–399].

В середине 1980-х годов А. Иванов составил описание состояния Константино-Еленинской церкви, планы южного и западного фасадов, а также выполнил фотофиксацию храма. По типу здание относится к церквям зального типа средних размеров (рис. 1–2). Апсида храма глухая, ориентирована на восток (15 СВ) и имеет внутренний радиус около 2,5 м. Плечи храма слабо выражены (0,7 м), т. к. постройка стоит на слабом грунте. Стены здания невысокие. Кладка выполнена из разномерных известняковых блоков. По периметру здания устроен профилированный каменный карниз. В 4 м от северной стены храма устроена крепида из грубо отесанных блоков среднего размера на известковом растворе. Южная и северная стены имеют по три прямоугольных окна (1,7х0,9 м), украшенных треугольными сандриками. С западной стороны к зданию церкви примыкает портик из четырех колонн ионийского ордера, поддерживающих узкий архитрав и небольшой фронто́н. В период использования здания под клуб и кинозал старый вход и промежутки между колоннами заложили (рис. 3–5). В образовавшемся помещении оборудовали киноаппаратную. Вместо среднего окна южной стены устроили входную дверь. Это хорошо видно на планах (рис. 1–2). Здание перекрыто двускатной стропильной кровлей. А. В. Иванов отмечает, что хорошо прослеживаются два строительных периода – постройка основного объема церкви и реконструкция ее в классических формах, с достройкой портика и сандриков. Возможно, окна были растесаны,

т. к. в большинстве средневековых храмов они щелевидные. К сожалению, интерьер церкви полностью утрачен [52, с. 108].

В начале 1990-х годов правительством Украины многие культовые сооружения были возвращены религиозным общинам. В 1994 году, спустя 61 год после ликвидации, восторжествовала духовная и историческая справедливость – Караньская Константино-Еленинская церковь была вновь освящена и в ней возобновились богослужения. В настоящее время храм отремонтирован. Фотографии (рис. 6–7) свидетельствуют о ее внешнем виде в 2013 году. В 1989 году обществом охраны памятников здание церкви было взято на предварительный учет как постройка первой половины XIX в. Но окончательное решение не было принято. Необходимо отметить, что на современном этапе Караньская Константино-Еленинская церковь не признана памятником истории и не состоит на государственном учете как объект культурного наследия. На наш взгляд, здание Караньской Константино-Еленинской церкви является культурно-историческим достоянием, связанным с религиозной самобытностью одного из старожильческих народов Крыма, и заслуживает пристального внимания со стороны органов власти и общественности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1889. № 7.
2. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году. Сообщено д.ч. Ф. Лашковым // ЗООИД. Одесса, 1888.
3. Гермоген, епископ Псковский и Порховский, бывший Таврический и Симферопольский. Таврическая епархия. Псков: Типография губернского правления, 1876. 521 с.
4. Ведомость о церкви Таврической губернии Ялтинского уезда села Карани во имя св. Равноапостольных царей Константина и Елены за 1894 год // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6202.
5. Статистико-хронологично-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. Составлено кафедральным протоиереем Михаилом Родионовым. Симферополь, 1872.
6. Иванов П. В. Храм святых царей Константина и Елены в селе Флотское (бывш. Карань) // Крымский музей. 1994. № 1.
7. Там же.
8. Прошение жителей Карани Балаклавского округа от 3 июня 1804 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5442.
9. Там же.
10. Запись в журнале походной его высокопреосвященства канцелярии от 3 июня 1804 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5242.
11. Указ Екатеринославской духовной консистории Перекопскому духовному правлению от 15 февраля 1806 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5242.

12. Иванов А. В. Храм святых царей Константина и Елены в селе Флотское (бывш. Карань) // Крымский музей. 1994. № 1. С. 107
13. Гермоген, епископ Псковский и Порховский, бывший Таврический и Симферопольский. Таврическая епархия. Псков: Типография губернского правления, 1876. 521 с.
14. Формулярный список военного селения Кадыковки Свято-Троицкой церкви священника Георгия Минтимини за 1853 год // ГАРК. Ф.118. Оп. 1. Д. 5823.
15. Рапорт Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического Святейшему Правительствующему Сенату о состоянии севастопольских и окрестных церквей. 1860 год // ГКУ «Архив города Севастополя». Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
16. Формулярные списки о священно- церковнослужителях военного селения Кадыковки св. Троицкой церкви за 1858 год // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5906.
17. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 28 ноября 1860 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1318.
18. Там же.
19. Там же.
20. Терещук Н.М. Крымские архивные источники по изучению истории греческих церквей Севастополя и Балаклавы: конец XVIII – начало XX вв. // Греки Балаклавы и Севастополя. М., 2013.
21. Там же.
22. Указ Таврической духовной консистории от 28 ноября 1860 года «О назначении жалования причтам церквей селений Кадыковки, Лак и Комары Ялтинского уезда» // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1318.
23. Ведомость о церкви Таврической губернии Ялтинского уезда села Карани во имя св. Равноапостольных царей Константина и Елены за 1894 год // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6202.
24. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 23 мая 1879 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1466.
25. Ведомость о церкви Таврической губернии Ялтинского уезда села Карани во имя св. Равноапостольных царей Константина и Елены за 1894 год // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6202.
26. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 22 апреля 1872 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1362.
27. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 31 января 1867 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1345.
28. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 24 декабря 1886 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1466.
29. Клировая ведомость о церкви и священно и церковно-служителях Каранской Константино-Еленинской за 1871 год // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6102.
30. Ведомость о церкви Таврической губернии Ялтинского уезда села Карани во имя св. Равноапостольных царей Константина и Елены за 1894 год // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6202.
31. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 24 января 1886 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1466.
32. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 4 марта 1886 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1853.
33. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 24 января 1886 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1466.

34. Метрическая книга Караньской Константино-Еленинской церкви за 1913 год // ГКУ «Архив города Севастополя». Ф. 30. Оп. 1. Д. 121.
35. Ведомость о церкви Таврической губернии Ялтинского уезда, села Карани во имя св. равноапостольных царей Константина и Елены за 1894 год // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6202.
36. Там же.
37. Протокол заседания членов совета Симферопольского Александровского братства от 15 декабря 1870 года // Таврические епархиальные ведомости. 1871. 15 августа. № 16.
38. Там же.
39. Ведомость о церкви состоящей в селении Карани Ялтинского уезда Таврической епархии за 1911 год // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6434.
40. Рапорт благочинного церквей Севастопольского округа священника Павла Пересыпкина преосвященному Димитрию, епископу Таврическому и Симферопольскому от 4 февраля 1913 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5384.
41. Протокол заседания Таврической духовной консистории от 14 декабря 1914 года // ГАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6530.
42. Там же.
43. Список муниципализированных строений по Севастопольскому району за 1920 год // ГКУ «Архив города Севастополя». Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 49.
44. Опись недвижимого имущества принадлежавшего св. Константина и Елены церкви, находящейся в деревне Карань Севастопольского округа // ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 434.
45. Опись церковного имущества св. Константино-Еленинской церкви села Карани Балаклавского района Севастопольского округа // ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 434.
46. Опись печатей и штампов, принадлежащих св. Константина и Елены церкви, находящейся в деревне Карань Севастопольского округа // ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 434.
47. Ведомость движения ценностей богослужебного и другого церковного имущества из золота, серебра, драгоценных камней в период со времени прихода в Крым Советской власти до настоящего времени, принадлежащего св. Константина и Елены церкви, находящейся в деревне Карань Севастопольского округа // ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 434.
48. Акт осмотра церковного имущества // ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 434; Список членов Караньской греческой православной общины при Константино-Еленинской церкви села Карани. 28 августа 1923 года // ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 857.
49. Анкеты для граждан, вступающих в члены греческого православного общества Севастопольского округа села Карань // ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 857.
50. Там же.
51. Севастополь. Энциклопедический справочник. Изд-е 2-е, доп. и испр. Севастополь: Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя, 2008.
52. Иванов А. В. Храм святых царей Константина и Елены в селе Флотское (бывш. Карань) // Крымский музей. 1994. № 1.

Н. М. Терещук, И. Е. Шпакова
Караньская греческая церковь как культовый памятник
свв. равноапостольным Елене и Константину

Резюме

Авторы статьи исследовали архивные документы и литературные источники по истории греческой Караньской Константино-Еленинской церкви. Храм находится недалеко от Балаклавы и действовал с последней четверти XVIII в. Более чем за два века церковь пережила неоднократное забвение и восстановление. В настоящее время церковь действующая. Многие сведения о ней и священно-церковнослужителях впервые введены в научный оборот.

Ключевые слова: Балаклава, благочинный, Карань, Константино-Еленинская церковь, причт, равноапостольные святые, Таврическая епархия.

N. M. Tereshchuk, I. E. Shpakova
The Greek Church in Karan' as a Cult Monument
to SS. Equal-to-the-Apostles Helene and Constantine

Summary

The authors have examined archival documents and literary sources on the history of the Greek SS. Constantine's and Helene's Church in Karan'. Located in vicinity of Balaklava, this church functioned from the last quarter of the eighteenth century on. During more than two centuries, this church experienced repeated oblivions and revivals. Now this church is acting anew. A lot of information about it, its priests and clergy has been introduced into the scholarship for the first time.

Keywords: Balaklava, dean, Karan', SS. Constantine's and Helene's Church, clergy, equal-to-the-apostles saints, Taurida Eparchy.

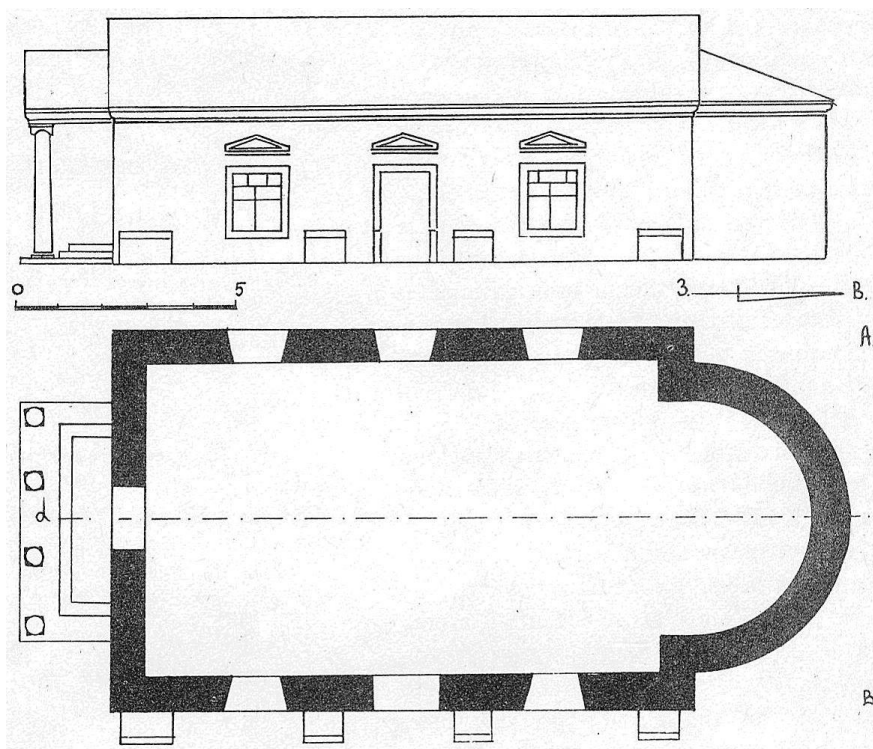

Рис. 1. План Караньской церкви. А. Южный фасад. Б. План.
Рисунок А. Иванова, 1987 г. [по: 40, рис. 2].

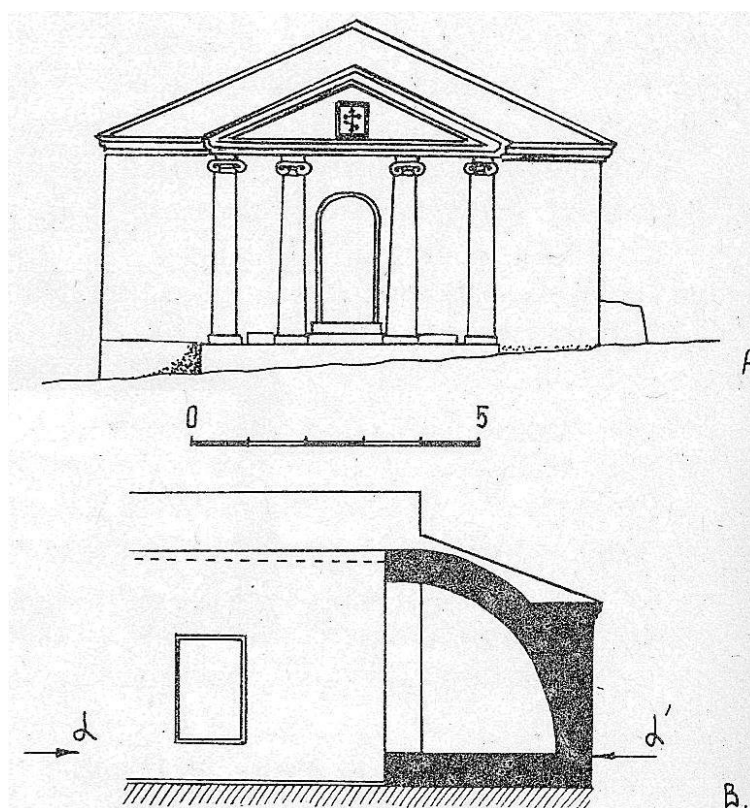

Рис. 2. План Караньской церкви. А. Западный фасад. Б. Разрез алтарной части.
Рисунок А. Иванова, 1987 г. [по: 40, рис. 3].

*Рис. 3. Константино-Еленинская церковь. Общий вид.
Фото А. Иванова, 1987 г. [по: 40, рис. 4].*

*Рис. 4. Константино-Еленинская церковь. Фасад.
Фото А. Иванова, 1987 г. [по: 40, рис. 5].*

*Рис. 5. Константино-Еленинская церковь. Апсида.
Фото А. Иванова, 1987 г. [по: 40, рис. 6].*

Рис. 6. Константино-Еленинская церковь. Общий вид. Фото И. Шпаковой, 2013 г.

Рис. 7. Константино-Еленинская церковь. Фасад. Фото И. Шпаковой, 2013 г.

Новые издания источников

УДК 911.7(477.75)+81'286

Н. И. Храпунов

*Крымский федеральный университет
Симферополь*

Н. В. Гинькут

*Музей-Заповедник «Херсонес Таврический»
Севастополь*

БАХЧИСАРАЙ И ЕГО ПАМЯТНИКИ ГЛАЗАМИ ЭДВАРДА-ДАНЬЕЛА КЛАРКА¹

Знаменитый британец Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) оставил одно из самых подробных и интересных описаний Крыма на рубеже XVIII–XIX вв., в эпоху, когда жители полуострова постепенно приспосабливались к новым жизненным реалиям, возникавшим в результате сложного и противоречивого процесса интеграции полуострова в состав Российской империи. Особый интерес у Кларка вызывали памятники прошлого, прежде всего греческие и римские древности. В его книге имеются не только подробнейшие описания античных и средневековых городищ, но и размышления об истории и древней географии Крыма, а также о состоянии памятников полуострова после присоединения к России. Известна заочная дискуссия А. Л. Бертье-Делагарда и А. И. Маркевича о том, следует ли доверять рассказам Кларка и П.-С. Палласа о тотальном разрушении древних городов, ставших жертвой русских строителей, использовавших их для добычи строительных материалов [6, с. 1–9; 20, с. 274–279]. Известия Кларка используют для реконструкции различных граней жизни Крыма, и в частности – при анализе истории археологического изучения Северного Причерноморья и исследования отдельных памятников [см.: 33]. Однако его книга, к

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

слову сказать, ставшая бестселлером и в 1810–1816 гг. выдержавшая четыре издания на английском и одно – на французском языке, до сих пор не переведена на русский. Единственный изданный на русском фрагмент, повествующий о пребывании автора на Керченском полуострове, сделан в двойном переводе с французского [16], что, разумеется, существенно повлияло на его точность. Оригинальные издания источника давно стали библиографической редкостью. Все это и объясняет актуальность предлагаемого в данной публикации аннотированного перевода отрывка из сочинения Кларка, описывающего Бахчисарай и его ближайшие окрестности, отрывка достаточно характерного для понимания авторского языка и метода, а также особенностей их интерпретации. Излишне будет говорить о том, что бывшая столица Крымского ханства включала не только мусульманские, но и христианские и караимские памятники, сформировавшиеся в эпоху средневековья и раннего нового времени. Отметим, что представления Кларка о Бахчисарае проанализированы в отдельной статье [33], в данном же случае публикуется, прежде всего, переведенный текст источника.

Кларк побывал в Крыму летом и осенью 1800 г. Ему только что исполнился 31 год [биографию см.: 59; 65, р. 52–55; 56, р. 267–274]. Выпускник Кембриджского университета, наделенный бесспорным талантом исследователя и писателя, он тяжело переживал безденежье, ставшее временным препятствием для карьеры. Младшие современники отмечали свойственные ему самолюбие и снобизм, неуживчивость и сомнение [например: 39, р. 63–64; 40, р. 244–245; 3, с. 55, 246–247]. Трудные жизненные обстоятельства заставили Кларка стать гувернером соотечественника Джона-Мартена Криппса (1780–1853) и предпринять вместе с ним длительную поездку по Европе и Ближнему Востоку. В эпоху Просвещения путешествия такого рода считались важным этапом в обучении юношества, способствующим формированию прогрессивной личности [57, р. 104–124, 376–377]. По возвращении на родину Кларк до самой смерти работал над изданием многотомного описания своих путешествий по Северной Европе, России и Османской империи, дополняя натурные наблюдения результатами кабинетных исследований. Эта книга, принеся автору заслуженную популярность, до сих пор считается классикой жанра путевых записок [об особенностях мировоззрения и авторской манере Кларка см.: 46, р. 388–390; 30, с. 400–404; 33; 36; 36а]. Но она же является и характерным примером восприятия других стран представителями образованного класса Англии, их предрассудков и стереотипов.

Во введении к своим «российским» путешествиям Кларк дает понять, что граница Российской империи была одновременно границей между двумя мирами – цивилизацией и варварством:

«Не так хорошо известно, как следовало бы, что переправа через маленькую речушку, разделяющую две страны, Швецию и Россию, [...] простое пересечение моста приводило путешественника от всего того, что украшает и облагораживает человеческое сознание, туда, где находилось все то наиподлейшее, что его унижает» [44, р. i–ii].

Показательно, что осознание этого обстоятельства не было литературным приемом, как свидетельствуют письма Кларка, отправленные на родину вскоре после пересечения границы. Своему другу (а впоследствии – биографу) Уильяму Оттеру путешественник жалуется на русское воровство, так контрастирующее со шведской порядочностью [59, р. 265]. Матери, которую он старается беречь от дурных известий, Кларк пишет о русском холоде, превосходящем любые пределы английского воображения [59, р. 268]. Позднее, когда путешественники пересекут Россию с севера на юг, оказавшись у берегов Азовского моря, письма Кларка наполнены будут характерным ощущением «цивилизованного человека в стране дикарей» [59, р. 287–288]. Причину русофобии Кларка можно искать во многих обстоятельствах – это и изначальная предубежденность, и объективные трудности путешествия, и психологический дискомфорт, вызванный пребыванием в стране с иными культурными требованиями, а также уязвленное самомнение человека, не получившего должной оценки от новых знакомых [30, с. 400–404], и трудности с реализацией задуманного коммерческого проекта по скупке и вывозу античных вещей, столкнувшегося с противодействием со стороны российских властей [31, с. 608].

В Бахчисарай Кларк прибыл днем 31 июля и отбыл оттуда вечером следующего дня, 1 августа 1800 г. Он достаточно подробно описывает жизнь города и находившиеся на его территории и в окрестностях памятники – ханский дворец, Успенский монастырь и Чуфут-Кале. Особое внимание автор уделяет разрушению древностей эпохи Крымского ханства в российскую эпоху, используя это обстоятельство для доказательства «нецивилизованности» России, ее изначальной враждебности «европейским нациям» и, следовательно, необходимости изгнания русских из Крыма [об этом сюжете: 36; 36а].

Как уже сказано, особый интерес Кларк испытывал к античной

истории и археологии. Не случайно, описывая крымские города, он концентрировался на их прошлом, реальном или воображаемом, тогда как, рассказывая о настоящем, предпочитал цитировать в то время еще неопубликованные дневники своего товарища Реджинальда Хебера (1783–1826), ездившего по Крыму в 1806 г. [52; об этом травелоге: 29; 37]. Во введении к «русской» части своих «Путешествий» Кларк так объясняет их значение:

«В дополнении к привычной аккуратности г-на Хебера, стоит упомянуть статистическую информацию, придающую особую ценность его наблюдениям; они обогатили эту книгу сведениями, которые автор самостоятельно собрать не смог» [44, р. iv–v].

Бахчисарай в этом отношении является исключением, хотя двум цитатам из Хебера нашлось место и здесь. Помимо подробных описаний ханского дворца и Успенского монастыря, которые в то время воспринимались как памятники уходящего прошлого, Кларк приводит массу сведений о современном состоянии города. Показательно, что рассказывая о плато Чуфут-Кале, которое в его время населяли караимы, путешественник, очевидно, воспринимает его как живой город, вопреки своему обыкновению почти не углубляясь в прошлое. Можно предположить, что причиной тому – общий замысел Кларка показать пагубность русской власти на примере Крыма, для чего бывшая столица Крымского ханства давала, конечно, массу материала. В связи с этим стоит отметить, что в опубликованных письмах Кларка Бахчисарай вообще не упоминается, хотя в них есть, например, восторженные описания древностей Боспора, Херсонеса и «храма Таврической Дианы» на южном берегу Крыма [59, р. 292–307]. Неизвестно, изданы ли все «крымские» письма Кларка или нет, но ясно, что если не самому Кларку, то его биографу Бахчисарай не казался чем-то очень существенным. Зато в травелоге, задачи которого были несколько иными, городу посвящено целых 30 страниц.

Помимо записок Хебера, Кларк любил цитировать сочинения знаменитого Петера-Симона Палласа (1741–1811), немецкого исследователя, много лет прожившего в Крыму, с которым Кларк познакомился в Симферополе [о нем: 27; его травелог: 23; английский перевод, использованный Кларком: 61]. Кларка покорили не только научные знания, но и личные качества великого энциклопедиста, который вылечил британца от лихорадки и сопровождал его в одной из поездок по Крыму. Кларков травелог явным образом писался под

влиянием сочинения Палласа, а в знак уважения к старшему коллеге британец поместил его профиль в виде виньетки в начале одной из «бахчисарайских» глав [подробнее: 33, с. 143–144].

Однако Кларку совершенно несвойственно обычное спокойствие Палласа, отстраненно смотревшего на объект исследования. Наоборот, его рассказ местами чересчур эмоционален. В частности, «бахчисарайский» отрывок – это довольно типичная для него смесь реалистичных сведений, политических обобщений и фантастических преувеличений. Символично, что описание города начинается и заканчивается рассказом о местных диковинках – огурцах невиданных в Англии размеров и смертельно опасных тарантулах. Довольно подробно рассказывая о памятниках архитектуры и археологии позднесредневековой эпохи, Кларк отнюдь не склонен обуздывать свою фантазию. Например, рассказывая об искусственных конструкциях в крымских скалах, он высмеивает весьма распространенные в ту эпоху представления о том, что некогда Крым находился на дне моря, а его жители населяли архипелаг, образованный торчащими над поверхностью воды горными вершинами. Но при этом в качестве альтернативы Кларк предлагает не менее фантастическую реконструкцию, согласно которой над Бахчисарайской долиной происходили представления канатных плясунов. Потому его рассказ важен не только как свидетельство о судьбе археологических памятников в российскую эпоху, но и для понимания особенностей восприятия прошлого деятелями Просвещения. Наконец, Кларк едва ли не единственным из крымских путешественников рассматривает разрушение памятников османской эпохи как показатель «нецивилизованности» России, делая из этого далеко идущие политические выводы [подробнее: 36; 36а].

Отметим, что «просвещенный европеец» Кларк смотрит на жителей Крыма свысока. Сочувствуя судьбе крымских татар, с трудом приспособившихся к новым реалиям и потому вынужденных массово покинуть родину, британец отнюдь не готов признать их равными себе. Отторгнуть Крым от России и вернуть его туркам могут британцы – крымским же жителям остается встречать их «со слезами радости» [подробнее: 33, с. 144]. Иначе говоря, речь идет о колониальном дискурсе, когда автор отказывает жителям Крыма в праве самим выбирать свою судьбу. Заметим, что, описывая попытки последнего крымского хана Шагин-Гирея провести в своих владениях реформы по «западному» образцу, Кларк именно в этом видит одну из причин его падения – иначе говоря, между «европейской цивилизацией» и крымскими мусульманами лежит непреодолимая

пропасть, попытки переправиться через которую бессмысленны и способны привести лишь к печальным последствиям.

Как уже сказано, «российская» часть сочинения Кларка выдержала четыре издания при жизни автора. Всякий раз в них вносились мелкие корректуры: добавлялись предисловия, вставлялись и убирались иллюстрации (гравюры и виньетки), в мелочах правился текст, менялась нумерация глав. Это хорошо видно по «бахчисарайскому фрагменту» в первом и четвертом изданиях [ср.: 43, р. 463–487; 45, р. 169–198]. Но изменения текста, насколько можно судить, касались не принципиальных вещей: автор попросту добивался большей ясности стиля.

Настоящий перевод выполнен по четвертому прижизненному изданию «крымской» части «Путешествий» Кларка [45, р. 169–198]. Известия, посвященные Бахчисараю, занимают значительную часть Главы IV и самое начало Главы V (по нумерации в этом издании). Названия глав и аннотации к ним в переводе опущены. Вынесенные на поля оригинального издания названия отдельных разделов перенесены в основной текст в виде заголовков и выделены **жирным шрифтом**. Имеющиеся в английском тексте подстрочные примечания сохранены и отмечены особо (*прим. авт.*), все остальные примечания содержат комментарии переводчика. Источники разнообразных сведений в примечаниях приводятся в квадратных скобках, за исключением информации по исторической географии Крыма, взятой из справочника [1]. Имена и географические названия приведены к современному написанию. В угловых скобках <> перед соответствующей частью текста указаны номера страниц по оригинальному изданию. В квадратных скобках [] стоят слова, отсутствующие в оригинале, и добавленные в русский текст для связности, там, где это кажется необходимым. К «бахчисарайской части путешествий» Кларка приложены три иллюстрации – это две виньетки в началах соответствующих глав с изображением профиля Палласа и крымских насекомых, а кроме того, гравюра, сделанная по рисунку Хебера, на которой изображен ханский дворец. Эти рисунки воспроизводятся в данной статье. К ним прибавлен портрет автора, помещенный на шмуцтитуле первого тома четвертого издания (рис. 1–4).

ДОКТОР ПРАВА Э.-Д. КЛАРК
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РАЗНЫМ СТРАНАМ СВЕТА В ЕВРОПЕ, АЗИИ И АФРИКЕ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РОССИЯ, ТАТАРИЯ И ТУРЦИЯ. ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ.
ТОМ ВТОРОЙ
<р. 169>

Бахчисарай

Бахчисарай, некогда бывший резиденцией ханов и татарской столицей Крыма, находится на расстоянии всего в тридцать верст¹ от Ак-Мечети.² Так как в наши намерения входила поездка по всей южной части полуострова, мы, не теряя времени, отправились туда. Нам повстречалось несколько караванов, груженных главным образом огурцами такой огромной длины и толщины, что нашим утверждениям об их размерах, вероятно, не поверят.³ Мы измерили некоторые из них, бывшие более двух футов⁴ длиной. Нет пищи, столь любезной русскому, как соленый огурец, а все жители Крыма выращивают это растение для засолки. У них есть разновидности этого овоща, которые в Европе неизвестны, в том числе снежно-белого цвета; это та самая необычная разновидность, что достигает упомянутых выше невероятных размеров, не роняя зерен и не теряя своего хрустящего, освежающего вкуса. По мере нашего продвижения вперед страна становилась более разнообразной за счет лесов. Близ <р. 170> селений мы видели добрые урожаи зерна и сена. Как было отмечено выше, путешественник, если он не отправляется на южный берег, может проехать всю остальную часть Крыма и заключить, по его облику, что вся страна представляет собой плоскую и унылую степь. Бахчисарай – первый объект во время путешествия из Ени-Кале⁵ в Севастополь, прервавший скучное однообразие, свойственное по меньшей мере двум третям полуострова, лежащим к северу от

¹ Двадцать английских миль (*прим. автора*). Британская сухопутная миля равна 1609 м, русская верста – 1967 м.

² На полуострове было несколько населенных пунктов с таким названием, но в данном случае имеется в виду нынешний Симферополь.

³ О выращиваемых в Крыму длинных «турецких огурцах» говорят многие путешественники и исследователи, но так как их фаршировали мясом и подавали к столу в тушеном виде [23, с. 167], очевидно, это было другое растение – вероятно, кабачки. Кларка этот загадочный овощ поразил настолько, что впоследствии он предложил акклиматизировать его в Англии, дабы сделать пищей бедняков [подробнее: 45, р. 262; 34, с. 62]. Идея эта так и не была реализована – зато, благодаря Кларку, в Англии, вероятно, была введена в культуру крымская лунная морковь [27, с. 223].

⁴ Фут – английская мера длины, равная 30,49 см.

⁵ Османская крепость Ени-Кале расположена в северной части современной Керчи. Ее возвели в начале XVIII в., а после присоединения Крыма к России некоторое время использовали русские войска [5].

Чатырдага¹ и других гор, обращенных к Черному морю своей южной стороной.

Необычный облик города

Это один из замечательнейших городов в Европе, во-первых, из-за новизны здешних нравов и обычаев – они совершенно восточные и не проявляют ничего европейского, во-вторых, из-за местоположения самого города, занимающего изборожденные склоны длинного естественного ущелья между двумя высокими горами, чем-то напоминающими вид Метлока в Дербишире.² Внезапно перед путешественником открывается вид, являющий многообразие объектов, [нагроможденных] самым неправильным и рассеянным образом, где пузырящиеся фонтаны, струящиеся водные потоки, сады, террасы, висячие виноградники и рощи черных тополей, кажется, смягчают ужасный облик скал и обрывов, даже придавая им притягательный вид.

Фонтаны

Религиозное почтение, которое татары питают к своим фонтанам, побуждает их не жалеть средств для снабжения их <р. 171> чистейшей водой. Эти фонтаны почти также необходимы для церемоний в мечети, как и для украшения города, ведь каждый истинный мусульманин оmyвает голову, бороду, руки и ноги перед тем, как переходит к молитве. В Бахчисарае так много фонтанов, что их можно увидеть во всяком районе города; вода, текущая из них и днем, и ночью, холодна как лед и чиста как хрусталь. У одного из этих фонтанов имеется не менее десятка сливов, откуда чистейшие потоки непрерывно падают на мраморные плиты. Ежедневно по четыре раза можно видеть, как татары, по призыву своих мулл с высоких минаретов, собираются вместе, выполняют омовение и следуют в мечети.³ Если принять позицию Пейли в том, что «человек, проявляющий рвение в религии, не может быть плохим человеком»,⁴ магометане, будучи самой ревностной сектой верующих на земле,

¹ Чатырдаг – горный массив в южной части Крыма, близ Алушты.

² Метлок – город в графстве Дербишир в центральной Англии.

³ Ежедневный молитвенный цикл у мусульман состоит из пяти молитв. Возможно, из-за короткой летней ночи крымские мусульмане вынуждены были совмещать посл едний и предпоследний намаз – такие случаи известны в других регионах России [22, с. 266–267].

⁴ «Проповеди» Пейли, Слово 1, Лондон 1808 (*прим. автора*). Цитата из проповеди Уильяма Пейли (1743–1805), знаменитого английского богослова и философа [60, р. 621].

должны пользоваться уважением; и следует признаться, что мы никогда не видели мусульманина за молитвой, не почувствовав трепетного воодушевления, вызванного искренностью его набожности. С его губ не срывается иных слов, кроме имени Бога, которое слышится время от времени в сопровождении низких выразительных вздохов. Кажется, его душа полностью погружена в мысленное общение с <р. 172> объектом его молитвы, и ничто не может отвлечь его внимания.¹

Разрушения, нанесенные русскими войсками

Чтобы описать, чем был Бахчисарай, нужно будет дать представление, по крайней мере, о нынешнем состоянии его развалин, но сделать это очень сложно. Дикость и грубое варварство русских обнаружило, что через величие этой столицы можно в полной мере реализовать свою любимую страсть к разрушению. Город делился на несколько кварталов; одна греческая колония полностью занимала обширную долину. Ее они полностью разрушили, так что здесь не осталось и камня на камне.² Дворец хана в центре города³ служил

¹ Действенность внутренней молитвы в противоположность внешним жертвам показано с убедительной простотой на примере раннеанглийского стихотворения, восходящего ко времени королевы Елизаветы, сохранившегося в «Путешествиях некоего англичанина в дальние страны», напечатанных в 1609 г. Это окончание латинской надписи из Кельнской церкви (на приношениях трех волхвов), переложенной на английский метр следующим образом: «Ведь золото представляет совершенное сердце, / ведь мирра позволяет ему плакать, / ведь ладан, истекающий из твоей груди, / суть дым простых молитв» (*прим. автора*). Имеется в виду знаменитый золотой ковчег конца XII – начала XIII в. из собора в Кельне (Германия), в котором хранятся мощи трех волхвов, пришедших поклониться новорожденному Христу. Перевод латинской надписи с реликвария имеется в прославленном «Путешествии» Уильяма Биддалфа, автора которого, описавшего свои поездки по разным странам Европы, Азии и Африки в 1600–1601 гг., Кларк вполне мог считать своим предшественником [41, р. 825]. Елизавета I – королева Англии в 1558–1603 гг.

² Вероятно, речь идет о православном селении Марианполь (от греческого *Μαριανούπολις*, «город Марии»), возникшем у Успенского монастыря на окраине Бахчисарая и названном в честь покровительницы обители. В 1778 г. по инициативе российского правительства христианское население покинуло Крымское ханство [подробнее см.: 11, с. 328; 8, с. 56], после чего и монастырь, и селение пришли в запустение. Ниже Кларк довольно подробно описывает остатки монастыря.

³ Дворец крымских ханов в Бахчисарае представляет собой совокупность нерегулярных построек XVI–XVIII вв., в том числе залы для приемов, жилые и служебные помещения, гарем, сады, внутренний двор, две мечети и ханское кладбище. После присоединения Крыма к России дворец перешел в ведение

зданием, где тот обычно жил; но у него было любимое и более приятное убежище в величественном доме, расположенном в приятнейшем месте, под горой, на пологом склоне прекрасной долины. Его они <р. 173> полностью стерли с лица земли, так что без помощи проводника не удастся даже понять, где он находился.¹ От прочей части города ныне сохранилось не более трети. Если бы нам пришлось рассказать о половине тех жестокостей, вымогательств, грабежей и варварства, которые русские обрушили на обреченных жителей Крыма и их обманутого хана, то этому рассказу никто не поверит. Следующим свидетельством мы обязаны одному из их командиров, имя которого сохраним в тайне. Когда муллы, то есть татарские священники, в полдень поднимались на минареты, чтобы, по обычаю, возгласить час молитвы, русские солдаты развлекались, стреляя в них из мушкетов; при одном из таких случаев был убит священник.² Отвращение, который всякий английский читатель питает к подобным преступлениям, может заставить его усомниться в достоверности этого рассказа, но он приведен здесь в том виде, как был услышан от свидетеля этого факта.

Причины, приведшие к смещению и смерти покойного хана

Покорение Крыма привлекло внимание всей Европы, но обстоятельства, которые привели к смещению и смерти хана, известны не так широко.³ Русские искусно скрыли их, а поражающий воображение блеск завоевания Крыма препятствует должному интересу <р. 174> к темным и зловещим маневрам, которыми был обставлен заговор для подчинения полуострова. Потемкин,⁴

Министерства внутренних дел, причем его запасное помещение было открыто для посещения; здесь же останавливались государственные особы [4, с. 7–27; 10]. Подробнее Кларк описывает его ниже. Ныне дворец стал частью Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.

¹ Загородный дворец ханов Ашлама-Сарай до наших дней не сохранился [20, с. 273–275], однако Кларк, по обыкновению, преувеличивает склонность русских к разрушению [33, с. 145].

² Этот шокирующий рассказ опровергался современниками, однако его продолжали повторять в Бахчисарае до начала XX в. Мечеть, о которой идет речь – Ешиль-Джами, располагавшаяся близ ханского дворца [33, с. 145–146].

³ Сегодня обстоятельства присоединения Крыма известны достаточно хорошо [26, с. 126–207; 49; 38]. Картина, нарисованная Кларком, интересна не столько как исследование событий, сколько как их восприятие в определенных кругах британских интеллектуалов, напуганных усилением России.

⁴ Князь Григорий Александрович Потемкин (1739–1791), российский государственный деятель, генерал-губернатор Новороссийского края, то есть фактический правитель юга нынешних России и Украины [см.: 8].

первосвященник интриги и коварства, полностью спланировал и реализовал его; для исполнения этих замыслов совершенно неважно было нарушение законов, попрание принципов, совершение убийств и надругательство над верой. Его главными любимцами были жулики, авантюристы, сводники, паразиты – не имевшие принципов люди всех мастей, но особенно не имевшие принципов талантливые люди находили в нем охотного покровителя.

Хорошо известно, что согласно последнему мирному договору с турками перед завоеванием полуострова,¹ на крымский трон был посажен Шагин-Гирей² из ханской семьи, который был заключенным и заложником в Петербурге. То был первый шаг к ниспровержению этого царства. С момента его восшествия на престол, российский министр в Крыму,³ хитрый и коварный иностранец, хорошо подобранный из Потемкинского списка для исполнения тех планов, которые тот имел в виду, начал возбуждать татар против хана, вызывая среди них смятение, подкупая недовольных и подбивая народ к частым бунтам. За короткое время он добился расположения хана, <р. 175> подучивая его делать все, что станет самым непопулярным в глазах его подданных. Среди прочих опасных нелепостей, он настоял, чтобы тот поставил все в своих учреждениях на русскую основу; обучил свое войско на русский манер; построил фрегаты на побережье, вкладывая ему в голову несообразные мысли о плавании по Черному морю. Так он вызвал непомерные расходы, которые заставили его выжимать все соки из своих подданных и увеличили их мучения. Российский министр, равно активный на обеих сторонах, не терял возможности как поощрять хана [к новым] глупостям, так и усиливать недовольство знати. Результат превзошел самые большие его надежды: случился мятеж, который вскоре стал всеобщим, и напуганный хан вынужден был бежать, сначала в Каффу,⁴ затем в Тамань.

Затем был нанесен завершающий штрих политической интриги. Хана убедили обратиться за помощью к русским войскам, которые с

¹ Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. [подр.: 11].

² Шагин-Гирей (Шахин Герай, 1745–1787), последний крымский хан.

³ То есть представителя России при хане. Вероятно, Кларк имел в виду Петра Петровича Веселицкого, выходца из Далмации (совр. Хорватия), бывшего резидентом при крымском хане в 1780–1783 гг. [26, с. 127, 193; 25, прим. 281].

⁴ Каффа или Кафа – название средневекового (генуэзского) города в восточном Крыму, на берегу Черного моря, на месте которого прежде находилась античный город Феодосия. В османское время произносилось и писалось как Кефе. После присоединения к России город вновь переименовали в Феодосию, но прежнее имя также оставалось в ходу [28, с. 189 слл.].

готовностью ожидали этого обращения и с готовностью же воспользовались им. Так русская армия смогла беспрепятственно войти в самое сердце Крыма. Под предлогом наказания тех, кто восстал против хана, за мятеж, который они сами же возбудили, они <р. 176> предали смерти всех, кого сочли нужным, захватили власть над твердынями и осуществили свои обычные злоупотребления. Татары, некоторые принуждением, другие уговорами, а куда большее число страхом, изгнаны были из своей страны и принуждены искать прибежище в других местах. Хан вернулся в Карасубазар,¹ где стояла лагерем русская армия, и там, в присутствии русских войск, его уговорили отдать приказ о казни дворян через побиение камнями; его лицемерные союзники усладили свои взоры убийством людей, которых сами изначально побудили к мятежу против своего суверена, а затем заставили безжалостно убить за то, что те подчинились их желаниям. Итак, обманутый принц и его еще более обманутые подданные, точно также одураченные хитроумными злодеями, которым они позволили захватить свою страну, начали, наконец, задумываться о последствиях и попытались освободиться от союза, имевшего столь фатальные результаты. Было уже слишком поздно; сам хан стал пленником посреди русской армии. Безнравственность их дальнейшего поведения по отношению к нему превзошло все, что было раньше.

Ему сделали предложение отказаться от крымской короны, выехать из полуострова и засвидетельствовать собственноручной подписью, что <р. 177> члены его семьи, законные наследники трона, навсегда лишаться всяких на него прав. Он встретил это дерзкое предложение с достойным его изумлением и негодованием, но ему напомнили, что, будучи обязан русским своим царствованием, он должен отказаться от него тогда, когда они этого пожелают. Доказательства были сомнительными, но очень эффективными, когда подкреплены дулами пушек, и несчастный принц, которому их адресовали, остался пленником в лагере своих врагов. В дополнение к этому предложению были присоединены условия, так что вместо того, чтобы лишиться своих достоинств по согласию, он принужден будет жить в Петербурге; что он должен будет держать там двор с куда большей помпой и величием, чем у него было в Крыму; что ему будет предоставлена ежегодная пенсия в сто тысяч рублей, дополненная разного рода подарками, что он будет наслаждаться благами этой великой столицы, и примет участие в тех развлечениях, которые

¹ Ныне город Белогорск в центральной части Крыма.

постоянно устраивает Екатерина¹; что на его личность не будет наложено ограничений, но он будет полностью волен поступать так, как считает нужным. Хан понял, что попал в ловушку, но не было способа из нее освободиться. Он проявил, однако, достаточную твердость, упорно продолжая отказываться; вследствие этого, применили силу <р. 178> для того, чего не смогло добиться коварство. Как пленника, его увезли в Калугу,² богом забытую деревушку на реке Ока, пока еще служившую столицей одноименного наместничества, отстоявшую от Петербурга на тысячу верст. Выезжать за пределы этого места ему не позволялось. В этом жалком состоянии, обнаружив, что ему не платят пенсии, и ни единое обязательство русскими не исполняется, он настаивал на том, чтобы поехать в Петербург, но ему было сказано, что этого не может быть позволено. В конце концов, придя в совершенное отчаяние, он воскликнул: «Пусть лучше я стану жертвой турок! Они не откажут мне, по крайней мере, в праве выбрать способ собственной смерти, ведь враги мои решили меня уничтожить!» Беспрецедентная жестокость русских побудила их согласиться с этой просьбой; узнав о ней, они очень обрадовались, поскольку она позволяла легко избавиться от ограбленного ими, чье присутствие теперь было ни нужным, ни желательным. Поэтому они выслали несчастного принца на турецкую границу, где его <р. 179> схвати и впоследствии, отправив на Родос, обезглавили.³

¹ То есть российская императрица Екатерины II (1762–1796).

² Г-н Итон («Обозрение Турецкой империи», с. 323) говорит, что он был «отставлен [с местожительством] в Калуге». Была ли свобода уходить в отставку когда-либо известна в России? Похожее выражение, однако, появляется на с. 308: «Он покинул Россию и удалился в отставку в Константинополь». Надеемся, что увлекательная работа г-на Итона не испытала цензуры от рук российской полиции (*прим. автора*). Кларк имеет в виду книгу британского купца Уильяма Итона, много лет занимавшегося причерноморской торговлей [48 (другое издание с иной нумерацией страниц)].

³ Читатель, внимательно изучивший этот рассказ, решит, совершила ли Франция по отношению к Испании злодеяние, равное тому, что сотворили русские для овладения Крымом. Г-н Итон в своем «Обозрении Турецкой империи», на с. 304 пишет, что их право на полуостров было священным, и что «нечестивы те уста, которые попытаются отрицать его». Рассказанное же г-ном И[тоном] во многих местах этому противоречит: например, на с. 327 он свидетельствует о выселении русскими из Крыма 75 000 христиан, причем почти все они погибли из-за их жестокости в ногайских пустынях; а на с. 333 он говорит, что «те кто предпочел остаться» после завоевания Крыма «были оставлены в полном владении совей собственностью и своей верой» (*прим. автора*). Кларк проводит параллели между присоединением Крыма к России и Пиренейскими войнами, которые Наполеон

Если же сегодня спросят о том, как вели себя русские в отношении Крыма после той безнравственности, жестокости и убийств, посредством которых он был приобретен, ответ можно дать в немногих словах. Они опустошили страну, вырубili деревья, снесли дома, сломали священные постройки местных жителей и все их общественные здания, разрушили общественные водопроводы, ограбили население, оскорбляли татар во время их публичных богослужений, извлекли из могил тела их предков, бросив их останки в выгребные ямы и сделав их гробы кормушками для свиней, уничтожили все памятники древности, разломав гробницы и святых, и язычников, и развеяв их прах <р. 180> по ветру. *Auferre, trucidare, rapere falsis nominibus, imperium; atque, ubi solitudinem faciunt, pacem apellant.*¹

Было нечто очень многозначительное в речи бедного татарина, который однажды в своем саду, жалуюсь на опустошение, которое произвел среди его деревьев сильный мороз, сказал: «У нас никогда не было такой суровой погоды; но с тех пор как пришли русские, они, кажется, принесли с собой свою зиму».²

вел в Испании в 1807–1814 гг. против Испании, Португалии и Великобритании. Поскольку вторжение французов на Пиренейский полуостров привело к появлению там британских войск, Кларк, очевидно, намекает на необходимость интервенции англичан в Крым, чтобы отторгнуть его от России [подробнее об этом он скажет после: 45, с. 268–270]. Христиане были выселены из Крыма незадолго до его присоединения, в 1778 г., по инициативе российского правительства и при поддержке русской армии [11, с. 328; 8, с. 56]. Данные о количестве переселенцев и высочайшем уровне смертности среди них взяты из книги Итона [48, р. 337]. Современные исследователи приводят другие цифры. Е. И. Дружинина оценивает число переселенцев в более чем 30 000 [11, с. 328], а по данным В. М. Кабузана в 1779–1780 г. на иждивении российских властей в Азовской губернии находилось примерно столько же переселенцев из Крыма [12, с. 127, 133].

¹ «Отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир» (*лат.*). Эта фраза взята из сочинения древнеримского историка Корнелия Тацита «Агрикола» (Тас., *Agr.*, 30). Ее якобы произнес в I в. н. э. британский вождь Калгак, возглавивший восстание против римлян [18, с. 328]. Так Кларк проводит параллели между покорением Крыма Россией и римским завоеванием Британии, намекая на наличие известного сходства между свободолюбивыми англичанами и крымскими татарами.

² Подобные представления были действительно распространены среди крымских татар [23, с. 161], но Кларк, кажется, был склонен сматривать в природном феномене нечто большее. В эпоху Просвещения, благодаря авторитету Шарля-Луи Монтескье, были очень популярны представления о зависимости культуры от климата. Россия в этом контексте рассматривалась как холодная северная страна, причем холоду приписывалась определяющая роль в формировании ряда

Ханский дворец

Главный дворец ханов¹ сохраняется в порядке, и, возможно, ему удастся избежать общего разрушения, поскольку покойная императрица [Екатерина II] приказала его отремонтировать, совершенно в соответствии с его нынешним восточным видом. Когда она приехала в Бахчисарай, для нее подготовили покои во французском вкусе; это сильно ее прогневало, и стало причиной приказа сохранить его в соответствии с видимым в постройке оригинальным стилем. Он находится посреди садов, и из-за этого обстоятельства город получил свое название.² Сады эти наполнены фонтанами и прекрасными фруктовыми деревьями. Интерьер представляет собой род декораций, описанных в восточных <р. 181> романах, которые пытаются воспроизвести наши театры, в виде совокупности залов, галерей и переходов, настолько запутанных и нерегулярных, что невозможно ни составить их план, ни представить себе цель, ради которой они сооружены. В целом, для резиденции монарха – это довольно незначительная постройка. В большой зал, сообщающийся через арки с садами сераля³ и разными внутренними дворами, ведут несколько лестниц, поднимавшихся из разных уголков дворца. Из этого зала через дверь хан проходил в небольшую мечеть, где он уединялся для молитвы, если не хотел появляться на публике. Поднявшись в покои, мы не нашли там ничего подобного европейскому. Комнаты небольшие, с диванами вдоль стен; окна забраны деревянными решетками, или, как их называют французы, жалюзи. Некоторые из этих окон открываются всего лишь из одной комнаты в другую; но будучи, вероятно, предназначены скорее для украшения, чем для удобства, они состоят из небольших створок, образующих небольшие вытянутые ряды, а переплет и решетки заполняют их так плотно, что увидеть через них хоть что-нибудь невозможно. В окнах лучших покоев мы иногда видели цветные стекла. Несколько лестниц, по которым одна группа покоев сообщается с другой, находятся на открытом воздухе, но

особенностей российского государства и национального характера [7, с. 109–118].

¹ Довольно подробное описание резиденции крымских ханов у Кларка представляет ценность, поскольку автор видел дворец до многочисленных реставраций XIX–XX вв. [о современном состоянии дворца см.: 4, с. 10–27].

² Бахчисарай означает «дворец в садах». См. «Путешествия» Палласа, т. II, с. 26 (*прим. автора*). Кларк имеет в виду английский перевод сочинения Палласа [61, р. 26, note *; ср.: 23, с. 29, 226, прим. 15*].

³ Сераль – дворец восточного правителя, в частности – османского султана или крымского хана.

поднимающихся или спускавшихся по ним людей <р. 182> скрывали от внешних взглядов шпалеры. Главная забота, которую преследуют и турки, и татары в своих жилищах, кажется, в том, чтобы скрыться от посторонних глаз. Их покои очень холодны и для большинства европейцев были бы зимой непереносимы; но татарин, которому в эту пору года делать нечего, кроме как сидеть и курить, завернувшись в просторную шубу, точно также образом счел бы комнаты неудобными, если бы там было теплее.

Приготовления, сделанные для приема покойной императрицы

Очень симпатичная баня, приготовленная в одном из крыльев дворца для покойной Екатерины, достойна упоминания, поскольку, сохранившись точно в том же виде, как была для нее приготовлена, она доказывает то, сколь неумеренно тратил деньги Потемкин во время ее прославленного путешествия в Крым. Столь же комфортные условия создавались везде, где она останавливалась, наряду с элегантными и удобными дворцами, здания которых меблировали, словно для ее постоянных резиденций. Она взяла за практику ежедневно принимать ванну с холодной водой, и с этой целью повсеместно возвели великолепнейшие бани; и, хотя многие из них использовали только один раз, все они были целиком оббиты матами из белого хлопка и обставлены коврами и диванами и того же материала.

Сераль

Часть сераля, специально предназначенная для <р. 183> женщин, носит, как это широко известно, имя гарема.¹ Чувствуешь естественное побуждение осмотреть внутреннюю часть того места, которое мусульмане скрывают от посторонних взоров со столь тщательными предосторожностями. Однако там нет ничего, что могло бы удовлетворить любопытство, раззадоренное такой тайной. Ханский гарем сохранился в своем первоначальном состоянии, без малейших изменений. Потемкин проводил там ночи во время визита императрицы² и весьма развлекался, думая о том, что спит в гареме.

Описание гарема

Он состоит из группы весьма посредственных покоев

¹ Произносится *харем*, с гортанным придыханием, как греческая *х* (*прим. автора*).

² Екатерина II и ее спутники находились в Бахчисарае 20–22 и 24–26 мая 1787 г. [13, с. 462–471, 482–485].

квадратной формы, ведущих из одного в другой, не имеющих ни пышности, ни удобства. Эти покои отделены от дворца и окружены садом с высокими стенами. Благодаря закрывающим окна решеткам и высаженным перед ними деревьям, несчастные пленницы, некогда обреченные на жизнь внутри, едва ли имели возможность увидеть даже небо, единственный объект, который им позволялось созерцать. Лишенные доступа к чтению, заточенные здесь женщины проводили время, как сообщили мне дамы, имевшие обыкновение их навещать, за рукоделием и питием очень плохого кофе, иногда с шербетом, и лимонадом дурного сорта. В турецких гаремах <р. 184> женщинам дозволялось величайшая роскошь – курение: для человеческие существа, оказавшегося в таких условиях, оно должно было служить важной радостью жизни. Наиболее примечательная часть сераля – это вход, по извилистому коридору, такому узкому, что пройти здесь мог только один человек за раз, причем ему приходилось ступать так близко к стражнику, что он разбудил бы его, даже если бы тот заснул. В этот проход хан спускался по особой лестнице, предназначенной для него одного.

Армянские купцы из Нахичевани,¹ которые, вместе почти со всеми христианами полуострова, выехали из Крыма, изначально были жителями Бахчисарая²; их потеря стала резко ощущаться начиная с самого завоевания этой страны русскими. Нынешнее население, включая как мужчин, так и женщин, насчитывает около шести тысяч душ.³ В это число включено более одиннадцати сотен евреев: четыреста двадцать из них зарегистрированы в качестве купцов. <р. 185> Число татар не превышает трех тысяч; из этого числа двадцать

¹ См. с. 397 предыдущего тома (*прим. автора*). Кларк имеет в виду Нахичевань-на-Дону – город, основанный выселенными из Крыма в 1778 г. армянами, ныне вошел в состав Ростова-на-Дону. Его рассказ об этом городе содержит подробнейшую цитату из дневников Хебера [44, р. 397–399], отсутствующую в издании последних [ср.: 52, р. 226–227]. Вероятно, Кларк в свойственной ему манере небрежно отнесся к бумагам своего товарища и не вернул ему соответствующие страницы. Ср. слова самого Хебера: «...поскольку д-р Кларк выбрал из моих дневников все, что он счел самым любопытным, мои бумаги так сильно рассеяны, что я совершенно потерялся, не знаю, как вернуться к какой бы то ни было их части» [52, р. 359].

² Число эмигрантов достигало 75 000; все они, за исключением 7 000, погибли от холода, голода и других причин в степях у западной части Азовского моря (*прим. автора*).

³ Пять тысяч семьсот семьдесят шесть, согласно Палласу («Путешествия», т. II, с. 29), включая греков, армян, евреев и татар (*прим. автора*). Кларк почти дословно цитирует соответствующий отрывок из английского перевода сочинения Палласа [61 р. 29; ср.: 23, с. 30].

принадлежат к знатным классам, двести тридцать семь купцов, сто семьдесят три священника и семьдесят восемь студентов богословия.

Поездка в крепость Чуфут-Кале

На следующее утро после нашего прибытия, полковник Ричард Дюнант,¹ уроженец Смирны, офицер на российской службе, житель Бахчисарая, сопровождал нас [в поездке] на лошадях вверх по крутой теснине, которая ведет из города к еврейской колонии Чуфут-Кале², расположенной на горе, на расстоянии около пяти верст. Эти евреи принадлежат к секте, называющейся «караи»; они населяют древнюю крепость, изначально построенную генуэзцами на очень высоком склоне. Поднимаясь по теснине, которая ведет к крепости, мы видели среди могил и разрушенных мечетей нескольких татарских женщин в длинных снежно-белых покрывалах, казавшихся множеством привидений; их покрывала полностью закрывали лицо, за исключением глаз, а у некоторых из них голова и верхняя часть туловища были целиком скрыты от чужих взглядов. Их прекрасные ниспадающие одежды и интересные группы, которые они образовали среди руин, стали бы привлекательным сюжетом для <р. 186> карандаша художника. Как если бы их покрывал было недостаточно, чтобы скрыть их от наблюдения, то, едва заметив мужчину, они склоняли головы и пытались избежать взглядов при помощи бегства.

Анекдот об английском слуге

Английский слуга, привезенный в Крым адмиралом Мордвиновым,³ заметив такое поведение татарских женщин, счел, что, скрывая свои лица и убегая при его появлении, они ведут себя невежливо по отношению к нему; потому, где бы он их не встречал,

¹ «Richard Dunant» – имя, характерное не столько для грека или турка, уроженца малоазиатской Смирны (Измира), сколько для француза или англичанина. В одном из писем Кларка (если это, конечно, не опечатка) данная фамилия записана иначе – как «Дюрант» («Durant») [59, р. 307].

² «Чуфут» – имя, изначально бранное, данное евреям, а «Кале» означает «крепость» (*прим. автора*). Чуфут-Кале (Джуфут-Кале) – средневековая крепость на юго-восточной окраине Бахчисарая, занимающая плоскую вершину горы, возвышающейся над окрестными долинами. Первые жители появились здесь не раньше VI в. В описываемое время его население составляли караимы – этноконфессиональная группа, представители которой говорят на тюркском языке и исповедуют особую разновидность иудаизма: они почитают только Ветхий завет и отвергают свод его токований – Талмуд [21, с. 163 слл.; 15, с. 91 слл.].

³ Николай Семенович Мордвинов (1754–1845) – русский адмирал и государственный деятель, владевший поместьями в Крыму [см.: 17].

то прикрывал свое лицо и бежал, только пятки сверкали, чтобы скрыться в первом же попавшемся месте. Некоторое время это проходило незамеченным; наконец, татарские женщины, удивленные тем необычным обстоятельством, что увиденный ими мужчина постоянно их избегал и пытался укрыться от их взглядов, позволили части своих покрывал опуститься при следующей с ним встрече; это заставило его бежать еще быстрее, чем прежде. Такое поведение еще больше возбудило их любопытство, и в конце концов они открыли за ним настоящую охоту; преследуя его группами до самого его убежища, подняв покрывала, они решили посмотреть на мужчину, который впервые прятал свое лицо при появлении женщин, и, схватив его, они, как ни удивительно, потребовали объяснений его неслыханному поведению.

Необычное кольцо

Продвигаясь по теснине все время вверх, мы миновали остатки <р. 187> той части упомянутого выше города, которая принадлежала грекам.¹ Сейчас она представляет собой груды развалин, где на своем месте не осталось и единого камня. Дальше нам показали железное кольцо на самом верху скал, к которому в прошлом якобы привязывали корабельные концы, хотя оно находится на сотни футов выше нынешнего уровня Черного моря.² Эту традицию, однако, можно или даже следует отбросить в пользу куда более рационального объяснения для того же самого кольца, а именно, что в дни праздников сюда прикрепляли канат, шедший поперек теснины к подобному кольцу на противоположной его стороне, и ханы развлекались, наблюдая за человеком, перебиравшимся через долину по этому канату, от одного склона до другого, подобно тому, как прежде в Венеции, во время карнавала, наемного канатоходца поднимали на верхушку башни св. Марка,³ откуда он спускался по

¹ Это были развалины селения Марианполь, о котором речь шла выше.

² Согласно распространенному как среди местных жителей, так и у путешественников XVIII–XIX вв. мнению, некогда уровень Черного моря был много выше, а на месте Крыма находился архипелаг, представлявший собой выступавшие над волнами горные вершины. Его обитатели привязывали свои лодки к высеченным в скалах кольцам. В реальности средневековые жители горного Крыма предпочитали селиться в возвышенных, труднодоступных местах из страха перед врагами, а высеченные в камне крепления использовались, например, фиксации скота [33, с. 149; 35, с. 81–82].

³ То есть на колокольню собора св. Марка (кафедрального храма Венеции), построенную в XVI в. Нынешняя постройка – это точная копия башни, разрушившейся в 1902 г. Дож – выборный глава Венецианской республики [2; 42].

другому канату, держа в руке букет цветов, чтобы подарить его дождю. С этим мнением согласны те, кто лучше всего информирован о волшебном кольце близ Бахчисарая, но барон де Тотт¹ весьма доверчиво воспринял оригинальную традицию, при всей ее абсурдности. Единственное возражение против более рациональной версии заключается в том, что сложно представить, как натянутый таким образом канат сможет выдержать вес человека и не порваться. <р. 188>

Невиданные пещеры

Выше по теснине виднеется совершенно замечательный результат человеческого труда – греческий монастырь, или капелла, высеченная в самом крае обрыва, так, что снаружи не видно ничего, кроме небольших пробитых отверстий, через которые внутрь попадал свет.² В Крыму татары запретили грекам пользоваться общественными церквями и не позволяли публично исполнять обряды своей религии; вследствие этого они бежали к скалам и кручам, втайне выкапывая практически недоступные пещеры, поднимаясь к своим подземным храмам по маленьким винтовым лестницам, скрытым от взглядов извне. Этот пример их труда и благочестия остается одной из немногих вещей, которые не смогли разрушить русские; это одна из самых необычных достопримечательностей Крыма; кажется, она подвешена, словно гнездо куницы, на фасаде высоченного обрыва, под громадными скалами.

Еврейское кладбище

Теперь мы приблизились к нижнему краю отвесных скал и увидели на вершине стены Чуфут-Кале. В лощине по нашей правой

¹ Французский дипломат венгерского происхождения барон Франсуа де Тотт (1733–1793) в 1767–1769 гг. служил консулом Франции в Крыму [47], а затем был переведен в Константинополь. Итогом его длительного пребывания на Востоке стали увлекательные мемуары, впрочем, наполненные разного рода небылицами [64; 62]. Рассказывая о кольце, он ссылается на слова местного жителя, которые подтвердили его собственное наблюдение над наличием осадочных пород высоко в крымских горах [66, р. 100–103]. К сожалению, Кларк не уточняет, кто были те авторитеты, согласные с его собственной версией – совершенно фантастической с нашей точки зрения, хотя бы по причине указанной самим Кларком.

² Это Успенский монастырь, расположенный на окраине Бахчисарая, первые достоверные сведения о котором относятся к XV в. Монастырь, состоявший из наземных и пещерных помещений, запустел после выселения христиан из Крыма в 1778 г. Его возродили в 1850 г., вновь закрыли большевики после Октябрьской революции, и снова возвратили верующим в 1992 г. Сегодня облик древней обители существенно искажен из-за недавних перестроек [21, с. 177–178],

руке появилось кладбище, или «поле мертвых», принадлежащее евреям-караимам. Невозможно себе представить место, лучше приспособленное <р. 189> для священной медитации. Это прекрасная ложбина в горной расселине, мрачность которой придают тени высоких деревьев и нависающих скал. Вьющаяся тропа проходит сквозь эту торжественную сцену. Несколько могил из белого мрамора изящно контрастировали с темной зеленью листвы, и тут и там виднелись фигуры женщин в белых покрывалах, предававшихся благочестивому оплакиванию могил. Вечерний или утренний визит к гробницам ушедших друзей – видимо, единственная прогулка, которую позволяют себе еврейские женщины, поскольку они редко покидают свои дома; в этом отношении их обычаи сходны с татарскими и турецкими.¹ Если приверженцы Христа согласятся с верой, которую питают представители этих наций, в то, что души умерших парят над своей земной обителью и поддерживают общение с живыми, то трудно будет направить человеческий разум на исполнение какой-либо службы, вызывающей более утешительные и более возвышенные переживания. Невозможно наблюдать за находящимися в этих обстоятельствах мусульманами и евреями, не чувствуя чего-то очень похожего на желание разделить с ними по крайней мере этот аспект их веры. <р. 190>

Подъем от кладбища к крепости хоть и короткий, но настолько крут, что нам пришлось спешиться и практически вскарабкаться к воротам. Однако по пути вверх нас обогнали несколько рабов, занятых перевозкой воды на спинах ослов. Снабжающий их [водой] ручей находится ниже по теснине, и для пользы колонии подготовлен весьма объемный резервуар, высеченный в скалах наверху.² Когда мы прошли через ворота и вступили в город, нас встретили несколько его обитателей. Полковник Дюнант спросил о своем знакомом еврее,

¹ В этом примечании Кларк цитирует следующий фрагмент из Палласа в английском переводе: «Жида придают такое большое значение этой маленькой, называемой Иосафатовой долине, что когда бывшие ханы надумали вытребовать с них добровольный подарок, то, чтобы получить его, им достаточно было угрозы вырубить деревья этого места, будто бы нуждаясь в дровах» [23, с. 32; ср.: 61, р. 35].

² Водоснабжение расположенного на сухой горной вершине Чуфут-Кале было предметом особой заботы его обитателей. В частности, дождевую и талую воду собирали в резервуары-отстойники, об одном из которых пишет Кларк, а родниковую воду возили на ослах из источника Гази-Мансур, расположенного у подножья горы. Занимались этим водовозы – члены общины, рабами отнюдь не бывшие [24, с. 159]. По-видимому, их труд показался путешественнику настолько тяжелым, что добровольно заниматься им свободный человек не стал бы.

бывшем одним из главных людей в том месте. Нас провели к его дому, и мы нашли его спящим на диване среди бела дня. Он поднялся, чтобы принять нас, и сейчас же угостил нас различными видами сладостей, среди которых были консервированные листья розы и конфитюр из грецких орехов; нам подали также яйца, сыр, холодные пироги и коньяк. Был отправлен гонец к раввину, которого он пригласил на встречу с нами, и который явился вскоре. Этот почтенный человек пользовался их всеобщим глубоким уважением, и не без причины, ведь он был чрезвычайно сведущ и прошел в Петербурге публичное испытание с особым отличием, к которому был специально назначен императрицей Екатериной.¹ Нас очень интересовал не только разговор с ними, но и <р. 191> сама уникальная ситуация, в которой оказалось это еврейское поселение, вероятно, единственное на Земле, где этот народ существует в уединении от прочего человечества, свободно практикуя свои древние обычаи и причуды.² В городе около двенадцати сотен жителей обоего пола и не более двухсот домов. Татары оставили здесь величественный мавзолей, возведенный для дочери одного из их ханов, ныне разрушенный.³ Основная часть каждого дома принадлежит

¹ По мнению Д. А. Прохорова (личное сообщение), это был Ицхак бен Шломо (Исаак бен Соломон, 1755–1826), газзан (глава) караимской общины Чуфут-Кале. В 1795 г. он побывал в Петербурге, где добивался прав и привилегий для крымских караимов. В итоге Екатерина II указом от 8 июня 1795 г. освободила их от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя [см. также: 15, с. 255].

² В этом примечании Кларк цитирует следующий фрагмент из Хебера: «кажется необыкновенным, что подобные крепости оказались во владении у такого народа; но даже в Абиссинии [народ] фалаша, как оказалось, занимает похожее место, а Джексон упоминает Еврейскую скалу в Марокко» [52, р. 260; ср.: 29, с. 679–680]. «Абиссинией» называли нынешнюю Эфиопию. Фалаша – эфиопские неталмудические иудаисты (негроиды, говорившие на амхарском языке). Вероятно, являются потомками либо местных жителей, обращенных в иудаизм евреями в южной Аравии, либо евреев, попавших в Эфиопию из Йемена. К настоящему времени большая их часть переселилась в Израиль [63]. Джеймс Грей Джексон, британский путешественник, автор описания Марокко, о «еврейских скалах», кажется, не говорит, но сообщает, что в городах Могадор (ныне Эс-Сувейра), Марокко и Мекнес евреи жили в особых, обнесенных стенами кварталах [54, р. 101, 115, 119]. Хебер, конечно, не бравший его книгу в путешествие, судил по памяти и мог забыть детали, вспомнив главное – изолированное положение иудеев от остального населения, что соответствовало ситуации Чуфут-Кале.

³ В центре Чуфут-Кале сохранился мусульманский мавзолей (дюрбе), внутри которого находился саркофаг с погребальной надписью Джанике-ханым, дочери золотоордынского хана Тохтамыша, умершей в 1437 г. [21, с. 172].

женщинам, но у всякого главы семьи есть собственные частные покои, где он спит, курит и принимает своих друзей. Комната, где нас развлекали, относилась именно к таким; она была заполнена рукописями, многие из которых были написаны нашим хозяином, другие – его детьми, и все вместе – прекрасными иудейскими буквами. Караимы считают актом благочестия раз в жизни переписать Библию или обширные комментарии к ее тексту. Все их рукописные копии Ветхого Завета начинаются с Книги Иосии; даже в самых из них древних нет Пятикнижия. Его хранят отдельно, <р. 192> не в рукописи, но в печатном виде, для использования в школах.¹ В их синагогах, за исключением Книг Моисеевых, все книги рукописные. Раввин спросил, есть ли у нас в Англии представители их секты, караи – вопрос, на который мы не смогли ответить. По его словам, несколько [караимов] живут в Голландии. Этимология их имени неясна. Различие между их верой и верой евреев, в целом, согласно информации, полученной от раввина, состоит в отрицании Талмуда, в пренебрежении ко всякого рода традиции, ко всяким раввинистическим писаниям или мнениям, ко всем маргинальным вставкам в текст Писания, и, отчасти, в их вере в чистую букву Закона. Они утверждают, что владеют текстами Ветхого Завета в самом подлинном его состоянии.

[Поскольку мы] жаждали получить одну из их Библий, раввин, которому, казалось, это обстоятельство доставило удовольствие, позволил нам приобрести прекрасный рукописный экземпляр, написанной на пергаменте, примерно четырехсотлетней давности; но, оставив этот том в Крыму, чтобы его переслали через Петербург, впоследствии мы не получили его обратно. <р. 193> Подобно всем остальным, он начинался с книги Иосии.²

¹ Причина, которой раввин объяснил отсутствие Книг Моисеевых в их рукописных копиях, заключалась в том, что Пятикнижие, постоянно используемое для обучения их детей, хранилось отдельно, дабы уберечь весь том от повреждений, которые ему в результате могли нанести (*прим. автора*).

² Имевшиеся у караимов переводы Священного писания на турецкий язык интересовали европейцев, особенно в связи с проектами проповеди христианства среди российских мусульман. Так, например, в 1820 г. знаменитый британский библеист и путешественник Эбenezер Хендерсон (1785–1858) ознакомился с караимским переводом Ветхого Завета, впрочем, невысоко оценив его качество [53, р. 331–339; 9, с. 214–220]. Караимская рукопись – не единственная, приобретенная Кларком в путешествии. Так, целую коллекцию манускриптов он вывез с греческого острова Патмос [19, с. 314]. Каталог рукописей, переданных Кларком в Бодлианскую библиотеку Оксфордского университета, включает два тома, в первом из которых описаны греческие рукописи [50], а во втором – арабские [58].

Сведения о секте караимов

Характер евреев-караимов прямо противоположен тому, что обычно приписывают их собратьям в других странах, будучи, в общем, безупречными. Их честность вошла в поговорку в Крыму, а слово караима считается равным клятве. Почти все они занимаются торговлей или ремеслом. Они соблюдают свои посты с самой безупречной строгостью, круглые сутки воздерживаясь даже от нюхательного табака и курения. В самые ранние периоды еврейской истории эта секта отделилась от главного корня – так, по крайней мере, утверждают они сами, и ничто с ними связанное не должно идти от раввинистов, которые относятся к ним с омерзением. По этой причине сообщения Льва Моденского, раввина из Венеции,¹ доверять не стоит. Говорят, что их схизме такая же древняя, как и возвращение из Вавилонского плена. Они проявляют невероятную заботу об образовании своих детей, которых учат публично, в синагогах; в этом отношении татары [также] лишены недостатков. Нам редко доводилось, приехав в татарскую деревню в дневное время, не встретив детей, собравшихся в каком-то общественном месте, где их наставляли лица, назначенные заботиться <р. 194> об их образовании; громкими голосами они повторяли отрывки из Корана или занимались переписыванием лежавших перед ними рукописных уроков. Платье караимов мало отличается от того, что носят татары. Все они, независимо от возраста, отпускают бороду, а среди татар борода является знаком возраста, тогда как молодые люди носят только усы. Караимы носят также высокую шапку из толстого войлока, отороченную овчиной; она тяжелая и держит голову в сильном тепле. Турки и армяне часто носят такие же; в жарком климате эта мера предосторожности, кажется, предохраняет от опасных последствий, вызванных затрудненным потением.

Мы были удивлены, увидев продающиеся на улице виноградные листья, особенно потому, что они изобилуют в той стране; но на этот товар есть очень большой спрос – для стряпни. Рубленное мясо они заворачивают в виноградные листья и подают на стол в виде сосисок.²

¹ Леоне да Модена (1571–1648 или 1649) – знаменитый раввин, ученый и переводчик, живший в Венеции. Кларк, вероятно, имеет в виду его книгу «История еврейских ритуалов», написанную по-итальянски и вскоре переведенную на английский, излагающей основы иудаизма для христиан. Здесь возникновение караимизма относится к концу эпохи Второго Храма, то есть к I в. н. э. [55, р. 218].

² Речь идет о традиционных голубцах «сарма».

Из этой интересной колонии мы вернулись по другой дороге, шедшей по горным вершинам, в Бахчисарай.¹ В отношении этого места, <р. 195> надеюсь, не было упущено ничто из того, что можно считать достойным внимания читателя. <р. 197>

Паук-тарангул

По приезду в дом, где мы остановились, мы нашли нашего слугу, пытавшегося сбросить очень большого тарангула, которого он поймал в одном из сараев. Наши энтомологические исследования, сколь бы несовершенными они ни были, принесут известную пользу

¹ В этом примечании Кларк цитирует следующий фрагмент из Хебера: «В Бахчисарае живут исключительно татары, евреи и армяне – это самый населенный город из тех, что мы видели в Крыму. В нем есть несколько мечетей, не считая очень красивой [мечети] в серале с двумя минаретами, знаком царского достоинства. Здесь есть несколько приличных лавок ножевщиков и несколько мастерских, [где делают] войлочные ковры и в одной – красную и желтую кожу. Дома почти повсеместно [сложены] из дерева и слабообожженных кирпичей, с деревянными верандами и наклонными крышами красной черепицы. Имеется новая церковь, посвященная св. Георгию; но самая поразительная вещь – это дворец, который, не будучи ни большим, ни правильно спланированным, тем не менее, благодаря живописному стилю своей архитектуры, своей резьбе и позолоте, своим арабским и турецким надписям, и фонтанам прекрасной воды в каждом дворе, заинтересовал меня более, чем я могу выразить. Его покои, за исключением зала правосудия, низкие и нерегулярные. В одном [из них] есть множество дурных картин с разными видами Константинополя и, к моему удивлению, изображениями птиц в полете, вопреки магометанскому запрету на изображение любых животных. Он содержится в удовлетворительном состоянии, а на диванах в лучших комнатах еще остались подушки. Покои, которые занимала императрица Екатерина, отделаны в жалкой манере бальных залов с люстрами и прочим, являясь исключением из общего стиля. Гарем – бедная постройка, отделенная от прочих апартаментов небольшим, окруженным стенами садом и имеющая кухню, с шестью или восемью маленькими и бедными спальнями, каждую из которых (как нам рассказал наш проводник – еврей, помнивший его во времена ханов) обычно занимали две дамы. В саду есть большой, очаровательный киоск, окруженный решетками, с идущим по кругу диваном внутри, в центре вымощенный мрамором и имеющий фонтан. Слово “серай” или “сераль”, данное этому ряду построек, как кажется, в татарском и турецком языке соответствует всем смыслам нашего английского слова “court”; [его] применяют в равной мере ко двору гостиницы или месту внутри дворцовой ограды» [ср.: 52, р. 259–260; 29, с. 679]. В издании дневников Хебера во фразе про бахчисарайские ремесла стоит дополнительная запятая, несколько меняющая смысл фрагмента: «...мастерских, [где делают] войлок, ковры...». Какую новую церковь в Бахчисарае имеет в виду Хебер, ясно не вполне – возможно, он перепутал посвящение Николаевского собора, возведенного в городе в 1789 г. [21, с. 177]. Далее Хебер описывает часть построек в комплексе Ханского дворца – Большую ханскую мечеть, Зал совета и суда, жилой корпус, гарем и летнюю беседку [о них см.: 4, с. 11–14, 18–23].

даже в том случае, если просто помогут будущим путешественникам избегать опасных последствий, [которые влечет за собой] нападение этих животных.¹ Немного внимания, уделенного изображению на соседней странице, поможет всякому с известной точностью определить трех из четырех ядовитых насекомых Крыма, ведь рисунок сделан с оригинальных экземпляров. Четвертое, *phalangium araneoides*, погибло во время перевозки в нашу страну – об этом можно пожалеть, поскольку его укус наиболее вредоносен, а точного изображения этого насекомого до сих пор не существует.² Наблюдения более подробные сделаны в предшествующей главе,³ так что мы не будем вновь обращаться к теме, но лишь сообщим о том, что противоречит популярным представлениям о безобидной природе этих животных. Исходя и из нашего собственного опыта, и из весьма <р. 198> обширных знаний профессора Палласа,⁴ мы имеем право

¹ Для многих европейцев отличительной особенностью воображенного ими Востока были жившие там экзотические насекомые, представлявшие опасность для жизни и хозяйства [например: 32, с. 462–463], потому интерес Кларка к крымской энтомологии, как представляется, был не только научным.

² Обыкновенная (южнорусская) сольпуга, один из видов фаланг, впервые описана Палласом [51, р. 257–258]. Вопреки мнению Кларка, не имеет ядовитых желез.

³ Имеется в виду описание из Главы III в этом томе: «[...] другие насекомые, наводняющие [Крымский] полуостров, заслуживают более подробного упоминания из-за опасности, которую они представляют для ничего не подозревающего путешественника. Они бывают трех сортов – первые два, по своему внешнему виду кажутся пауками, но, по мнению натуралистов, один из них относится к роду *Aranea* – это большой черный тарантул, известный во многих районах Южной Италии, издавна знаменитый тем, что дал свое имя танцу, который, говорят, помогают выздоровлению от его укуса, в противном случае смертельного. В Крыму это животное достигает ужасающих размеров. Одного из них мы поймали с помощью щипцов – когда его разложили на столе в натуральной позе, своими клешнями он охватывал окружность, имевшую почти три дюйма в диаметре. Другой же, хотя и меньшего размера, гораздо более опасен. Профессор Паллас назвал его *phalangium araneoides*. Он желтоватого цвета, выглядит как большой паук, ноги которого покрыты волосом. Спереди у него пара жвал, похожих на клешни лобстера. Паллас уверил нас, что его укус оказывался смертельным, в тех случаях, когда он сам навещал пациента. К счастью, это насекомое весьма редкое. В течение некоторого времени мы хранили одно из них в спирту – но препарированный экземпляр погиб во время переезда в Англию. Третий сорт насекомых, опасных своим укусом, это *centipede*, или *scolopendra morsitans*. Это вредное животное очень часто [встречается] в сухом дереве и под камнями и в трещинах в земле, там, где тепло. В горах также водятся скорпионы» [45, р. 135–137].

⁴ Знаменитый немецкий естествоиспытатель Петер-Симон Паллас (1741–1811), поступивший на русскую службу и предпринявший ряд «ученых путешествий» по отдаленным провинциям империи. В частности, в 1793–1794 гг. он ездил по

утверждать, что в теплых странах нанесенные ими раны иногда оказываются смертельными. Ампутация пораженной части [тела] была единственным способом спасения наших солдат в Египте,¹ которых покусали скорпионы; Паллас же сообщил нам, что видел самые опасные последствия нападений сколопендры, фаланги и тарантула.

Отъезд из Бахчисарая

Вечером, спустившись из крепости, принадлежавшей еврейской колонии, мы покинули Бахчисарай и достигли большого Ахтиарского залива²; во времена Екатерины II русские наградили это место фантастическим названием – «Севастополь»³ [...]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник / ред. Л. В. Гурбова. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. 459 с.
2. Акرويد П. Венеция: прекрасный город / пер. В. Кулагина-Ярцева, Н. Кротовская, Г. Шульга. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2012. 498 с.
3. Александер Дж. Россия глазами иностранца / пер. А. Базилевич. М.: Аграф, 2008. 304 с.
4. Арбитайло И. Б., Белый А. В., Лазаренко Е. И., Могаричев Ю. М. Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник. Путеводитель. Симферополь: Таврия, 2000. 96 с.
5. Белик Ю. Л., Ткачук Г. В. Крепость «Ени-Кале» на рубеже XVIII–XIX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2007. Вып. XIII. С. 523–540.

Крыму, а в 1795 г. поселился на полуострове, продолжая заниматься самыми разными научными и экономическими проектами. В 1799–1801 гг. в Германии вышло не раз цитированное Кларком описание его путешествия по югу России в двух томах, вторая часть которого целиком посвящена Крыму [27].

¹ Возможно, Кларк имеет в виду английский десант, высадившийся в Египте в 1801 г. для борьбы с французской армией, отправившейся по приказу Наполеона в Египетскую экспедицию.

² Нынешней Севастопольской бухты.

³ Своеобразным памятником научных и идеологических проектов Екатерининской эпохи стало «великое перемещение названий», при котором вновь основанные и старые города нередко получали имена античных и византийских центров, в реальности отстоявших на сотни километров [67]. В частности, поскольку имя средневекового Херсона (античного Херсонеса), располагавшегося на юго-западной оконечности Крымского полуострова, получил нынешний областной центр на Нижнем Днепре, название для базы Черноморского флота, возводившейся близ развалин Корсуни, пришлось искать в Восточном Причерноморье, позаимствовав его у римского Севастополя – нынешнего Сухума в Абхазии [14, с. 86–87, 234, 304–305].

6. Бертъе-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. 1893. № 12. С. 1–64.
7. Богданов К. А. Переменные величины. Погода русской истории и другие сюжеты. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 368 с.
8. Болотина Н. Ю. Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М.: РАГС, 2010. 140 с.
9. Гендерсон Э. Библийские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ, с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи / пер. В. Л. Вихнович, А. А. Алексеев. СПб.: Российское библийское общество, 2006. 350 с.
10. Гернгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. Апрель. С. 3–32.
11. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: АН СССР, 1955. 367 с.
12. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М.: Наука, 1976. 306 с.
13. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб.: [б. м.], 1886. 1012 с.
14. Качарава Д. Д., Квирквелия Д. Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). Тбилиси: Мецниереба, 1991. 655 с.
15. Кизилов М. Б. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 335 с.
16. Кларк М. Е.-Д. [sic!] Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. Н. Иванкевич, Н. Бусарева // Археология и история Боспора. Вып. III. Керчь: [б. м.], 1999. С. 11–38.
17. Конкин Д. В. «Мнение относительно Крыма» Н. С. Мордвинова: взгляд русского помещика на земельный вопрос в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.) // Крымское историческое обозрение. 2016 (в печати).
18. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах [в одной книге]. 2е изд. / Пер. А. С. Бобович. СПб.: Наука, 1993. 774 с.
19. Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / пер. Т. А. Сенина. СПб.: Свое издательство, 2012. 490 с.
20. Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 267–315.
21. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. 192 с.
22. Мухаметшин Р. М. Ислам в Татарстане: между прошлым и будущим // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М.: ОГИ, 1997. С. 265–274.
23. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. А. Л. Бертъе-Делагард, С. Л. Белявская. М.: Наука, 1999. 246 с.

24. Полканов Ю. А., Шутов Ю. И. Водоснабжение древней крепости Джугф Кале // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Ч. II. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 158–163.
25. [Прозоровский А. А.] Записки генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского. М.: Российский фонд культуры; Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 2004. 784 с.
26. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005. 542 с.
27. Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. 2е изд. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 456 с.
28. Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев: Наукова думка, 1984. 219 с.
29. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV. С. 645–697.
30. Храпунов Н. И. Другая Николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Дж. Александер. Россия глазами иностранца // Ab imperio. 2011. № 2. С. 397–405.
31. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. XVII. С. 595–630.
32. Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473.
33. Храпунов Н. И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4. С. 141–153.
34. Храпунов Н. И. Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 58–68.
35. Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник. Т. 2: Франция и Восток Москва: [б. и.], 2014. С. 63–101.
36. Храпунов Н. И. Эдвард-Даньел Кларк о крымских древностях: как сделать археологию орудием идеологии // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь: [б. и.], 2016. С. 526–530.
- 36а. Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3 (154). С. 116–132.
37. Храпунов Н. И. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // Крымское историческое обозрение. 2016 (в печати).
38. Черкасов П. П. Франция и присоединение Крыма к России (1779–1783) // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. М.: Наука, 2000. С. 37–61.
39. Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and the

- Crimea in 1829. With Sketches of the Imperial Fleet and Army, Personal Adventures, and Characteristic Anecdotes. Vol. I. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 308 p.
40. Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829. With Sketches of the Imperial Fleet and Army, Personal Adventures, and Characteristic Anecdotes. Vol. II. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 327 p.
 41. [Biddulph W.] The Travels of Four Englishmen, and a Preacher, into Africa, Asia, Troy, Bythinia, Thracia, and to the Black Sea... // A Collection of Voyages and Travels... Compiled from the Curious and Valuable Library of the Late Earl of Oxford. Vol. I. London: Thomas Osborne, 1745. P. 761–830.
 42. Braunstein P., Delort R. Venise: portrait historique d'une cité. Paris: Édition de Seuil, 1971. 253 p.
 43. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Part the First. Russia Tartary and Turkey. London: T. Cadell and W. Davies, 1810. 759 p.
 44. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 533 p.
 45. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.
 46. Cross A. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in the Eighteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 474 p.
 47. Dehérain H. La mission du Baron de Tott et de Pierre Ruffin auprès du Khan de Crimée de 1767 à 1769 // Revue de l'histoire des colonies françaises. 1923. T. 15. P. 2–32.
 48. Eton W. A Survey of the Turkish Empire... London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 526 p.
 49. Fisher A. W. The Russian Annexation of the Crimea, 1772-1783. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 180 p.
 50. [Gaisford Th.] Catalogus sive notitia manuscriptorum qui a cel. E. D. Clarke comparati in bibliotheca Bodleiana adservantur. Pars prior. Oxford: Clarendon Press, 1812. 105 p.
 51. Harvey M. S. Catalogue of the Smaller Arachnid Orders of the World. Collingwood: Csiro Publishing, 2003. 385 p.
 52. Heber A. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. Vol. I. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. 684 p.
 53. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia; Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus; With Observations on the State of the Rabbinical and Karaite Jews, and the Mohammedan and Pagan Tribes, Inhabiting the Southern Provinces of the Russian Empire. London: James Nisbet, 1826. 538 p.
 54. Jackson J. G. An Account of the Empire of Marocco, and the District of Suse; Compiled from Miscellaneous Observations Made during a Long Residence in, and Various Journeys through, those Countries. Philadelphia: Fry and Kammerer, 1810. 242 p.

55. Leo Modena. *The History of the Rites, Customes, and Manner of Life of the Present Jews, through the World* / tr. Ed. Chilmead. London: Martin and Ridley, 1650. 249 p.
56. Lower M. A. *The Worthies of Sussex: Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, From the Earliest Period to the Present Time; With Incidental Notices, Illustrative of Sussex History*. Lewes: Gro. P. Bacon, 1865. 346 p.
57. Mead W. E. *The Grand Tour in the Eighteenth Century*. Boston; New York: Houghton Mufflin Company, 1914. 480 p.
58. [Nicoll A.] *Catalogus sive notitia manuscriptorum qui a cel. E. D. Clarke comparati in bibliotheca Bodleiana adservantur. Pars posterior*. Oxford: Clarendon Press, 1815. 22 p.
59. Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke*. New York: J. & J. Harper, 1827. 528 p.
60. [Paley W.] *The Works of William Paley, D. D., Archdeacon of Carlisle, Complete in One Volume*. Edinburgh: University Press, 1827. 712 p.
61. Pallas P. S. *Travels through the Sothern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794. Vol. 2. 2nd ed.* London: John Stockdale, 1812. 523 p.
62. Peyssonnel [Cl. Ch.] de. *Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott*. Maestricht: J. E. Dufour & Ph. Rou, 1785. 133 p.
63. Quirin J. *The Evolution of the Ethiopian Jews: A History of the Beta Israel (Falasha) to 1920*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 336 p.
64. Ruffin [P.]. *Lettre de M. le baron de Tott, etc. // Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. T. 2. Amsterdam, 1785. P. 1–32 [Appendice]*.
65. *The Georgian Era: Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, From the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth. Vol. III*. London: Vizetelly Branston and Co., 1834. 588 p.
66. [Tott F. de] *Memoirs of baron de Tott, Containing the State of the Turkish Empire and the Crimea during the Late War with Russia. 2nd ed. Vol. I. Part 2*. London: G. G. J. and J. Robinson, 1786. 287 p.
67. Unbegaun B. *Les noms des villes russes: la mode grecque // Revue des études slaves. 1936. T. 16. Fasc. 3–4. P. 214–235*.

Н. И. Храпунов, Н. В. Гинькут
Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка
Резюме

Публикация представляет собой аннотированный перевод отрывка из сочинения знаменитого британского путешественника Э.-Д. Кларка (1769–1822), оставившего одно из самых подробных и интересных описаний Крыма в эпоху после его первого присоединения к России. В данном отрывке речь идет о Бахчисарае, где сохранялись памятники трех культур – мусульманской, христианской и караимской. Кларк не только подробно описывает состояние архитектурно-археологического наследия Крыма, но и использует его для политических и идеологических спекуляций.

Ключевые слова: воображаемая география, дневник путешествия, Эдвард-Даньел Кларк, Крым, Бахчисарай.

N. I. Khrapunov, N. V. Ginkut
Bakhchisarai and Its Monuments through the Eyes of Edward Daniel Clarke
Summary

This is a publication of an annotated Russian translation of an excerpt from famous British travelogue by Edward Daniel Clarke (1769–1822), who compiled a detailed and interesting account of the Crimea after its first joining Russia. This excerpt discusses the town of Bakhchisarai, which kept monuments of three cultures, Moslem, Christian, and Karaite. Clarke not only provides a detailed account of current condition of archaeological and architectural monuments, but also used it for political and ideological speculations.

Key words: imaginative geography, travelogue, Edward Daniel Clarke, Crimea, Bakhchisarai.

Рис. 1. Портрет Эдварда-Даньела Кларка [по: 44, имуцтитул].

Рис. 2. «Сераль, или ханский дворец в Бахчисарае, с видом на гарем». Гравюра с рисунка Реджинальда Хебера [по: 43, вклейка].

Рис. 3. «Профиль профессора Палласа» [по: 45, р. 143].

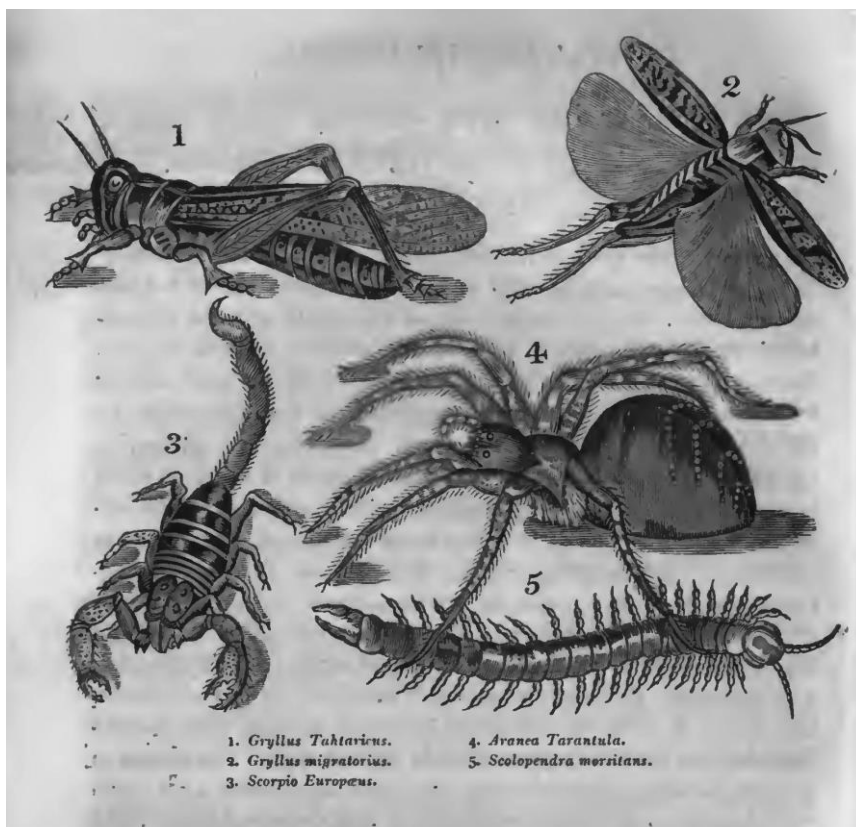

Рис. 4. Насекомые Крыма (классификация по Кларку):
 1 – саранча татарская; 2 – саранча перелетная; 3 – скорпион европейский;
 4 – тарантул; 5 – сколопендра [по: 45, р. 196].

Вместо заключения

УДК: 930.2=161.1“0/20”(477.75)

Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь*

ИСТОРИЯ КРЫМА В НОВОЕ ВРЕМЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ¹

Изучение истории Крымского полуострова как самостоятельного объекта исследования началось в XVIII в. [2; 9; 20]. И хотя с тех пор полуостров перестал быть белым пятном на карте науки, непроясненных и даже никогда не анализировавшихся сюжетов в его истории по-прежнему много. Остаются нерешенными и важнейшие методические вопросы. Наконец, история Крыма пребывает в центре идеологических споров. Последний раз концептуальные проблемы ее изучения обсуждались четверть века назад [1]. И хотя новые «обобщающие» труды продолжают появляться с завидной регулярностью, многие интерпретации и приемы изложения не отличаются новизной, следуя шаблоном, без преувеличения, вековой давности [7].

Но существует ли Крым как историко-культурное единство? Имеет ли смысл изучение его истории как дисциплины, отличной от краеведения? Можно ли анализировать ее, отказавшись от «патриотических нарративов»? Здесь применимы те же вопросы, которые задавали И. Валлерстайн об Индии [4] и М. фон Хаген – об украинской истории [15].

Определяющим фактором истории Крыма было его географическое положение. Крымский полуостров делится на три неравные зоны: северную засушливую степь с континентальным климатом, субтропический южный берег и разделяющие их горные гряды [10, с. 10–126]. Природа делала Крымский полуостров

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

одновременно и легко-, и труднодоступным. Море обеспечивало связь со средиземноморскими центрами, но становилось непреодолимым барьером в условиях прекращения навигации с середины осени до середины весны. Широкая полоса степей к северу от полуострова защищала Крым от нападений оседлых или полукочевых племен, но делала полуостров уязвимым для номадов. Море и степи как изолировали Крым, так и способствовали его включению в состав обширных государственных образований.

Крым являлся классическим пограничьем, местом взаимодействия и противоборства великих империй. Перманентная зыбкость и динамичность политических границ в регионе при более стабильном культурном и религиозном влиянии извне заставляет смещать акценты исследования с политико-административных вопросов на культурные процессы. Крым был феноменом, где проницаемость границ и восприимчивость к внешним культурным импульсам сочетались с консервированием этнокультурных «остатков» предшествующих эпох (например, поздних скифов или средневековых готов). Здесь же формируются и развиваются отдельные этносы (караимы, крымские татары, крымчаки). В результате в Крыму перманентно фиксируется многоэтничное и поликонфессиональное население, культуры которого пребывали в сложном, диффузном взаимодействии, а значит, на его историю можно взглянуть как на феномен значительно более разнообразный, чем мононациональная территория. Наконец, после первого присоединения к России в 1783 г. Крым был осознан как самостоятельная культурная целостность и превратился в объект коллективного воображения [6], в частности, наделявшего его чертами рая [12; 16]. Думается, перечисленные факторы и делают историю Крыма самостоятельным и значимым объектом исследования.

Пограничное положение Крыма заставляет отказываться от «крымоведческого» подхода, ставящего полуостров в центр повествования и игнорирующего синхронные процессы, происходящие за его границами, в пользу сравнительного анализа и сопоставления с другими регионами. Следует помнить, что великие цивилизации – греки, римляне, византийцы – воспринимали Крым как далекую периферию, что сказывалось на описаниях полуострова «извне», с позиций более высокой культуры.

С источниковедческой точки зрения история Крыма делится на два больших этапа. Античность и средневековье характеризуются ограниченным и фрагментарным набором письменных свидетельств.

Это порождает исчерпанность ряда сюжетов. Письменные свидетельства приходится дополнять данными археологии, нумизматики и иных дисциплин. Здесь же возникает проблема адекватности археологических данных для реконструкции исторических процессов. Характерными примерами теоретических и практических сложностей являются соотнесения археологических слоев пожаров и разрушений с конкретными эпизодами, известными из письменных источников; применение археологических свидетельств для политико-административных реконструкций; интерпретация материальных, культурных и религиозных особенностей населения, фиксируемых археологически, как показателя его этничности. Более перспективным кажется использование археологических данных для реконструкций повседневной жизни человека прошлого, производства, технологий, культуры, религиозных ритуалов и пр.

В Новое время, начало которого в Крыму, по-видимому, совпадает с утверждением власти Османской империи в конце XV в., возникает проблема, во-первых, введения в научный оборот колоссального массива неопубликованных источников, а во-вторых, отбора из этой массы необходимых для изучения конкретной проблемы, поиска исследовательской «оптики», позволяющей изучить исторические процессы с самых разных, порой неожиданных сторон. Многие современные исследователи пользуются ограниченным набором старых, давно известных материалов. Например, последние обобщающие научные монографии по истории Крымского ханства появились более ста лет назад. При этом остаются неизданными множество архивных документов. Трудно представить, насколько изменятся наши представления о периоде в результате осмысления этих и многих других материалов.

Сегодня к истории Крыма почти не применяют «конструктивистские» подходы к изучению наций и национализма. В результате у каждой из национальных общин есть своя версия истории, которая подается в духе традиционных «примординалистских» схем и потому переживается эмоционально. Думается, полезно будет обсудить разные видения ключевых моментов истории Крыма в рамках специального проекта – по образцу известного российско-польского издания [3]. Необходимо такое конструирование исторического повествования, в котором нашлось бы место всем этническим группам как субъектам, а не как объектам истории. Следует отказываться от взгляда из одной точки, будь то Москва, Киев, Бахчисарай или Константинополь, что

неизбежно ведет к противопоставлению государств и культур как «своих» и «чужих». Так, взаимоотношения между Россией и Крымским ханством в XVI–XVIII вв. лучше рассматривать не в логике борьбы политических субъектов между собой, но как конкурентные проекты по объединению Восточной Европы. Нужна «денационализация» средневековой и раннемодерной истории, выведения ее из плоскости национальных мифов. Использование современных подходов к изучению наций и сама констатация того, что нация в нынешнем смысле – продукт Нового времени, поможет снять болезненные ощущения национальных исследователей, отождествляющих себя с объектом исследования. Продуктивность этой методики продемонстрировал американский исследователь Б.-Г. Вильямс, показав, что в конце XVIII–XIX вв. крымские татары полагали свою связь с миром ислама, репрезентированного османским султаном, куда более глубокой, чем связь с Крымом, чем и объясняется легкость нескольких волн эмиграции. Ему же принадлежит важное наблюдение, что решающую роль в формировании крымскотатарской нации оказала депортация 1944 г. [19, p. 111–170, 374–410].

Актуален вопрос об унификации исследовательского словаря. Современный язык науки чрезвычайно перегружен терминами, что затрудняет взаимопонимание исследователей, изучающих разные периоды и использующие данные разных дисциплин (так, археологам трудно бывает понимать историков Нового времени). Идеальным выходом было бы создание словаря истории Крыма, подобно знаменитым оксфордским справочникам по античности и византиноведению [17; 18].

Одной из актуальных задач является отказ от устоявшихся объяснительных схем и стереотипов. Классическим примером последнего является представление о том, что Россия традиционно рассматривала овладение Крымом как одну из целей своей внешней политики. Этот подход позволяет политизированным историкам как обличать «российский империализм», так и говорить об «исторической миссии России». Куда более продуктивным представляется размышление о том, насколько крымская политика России и ее соперников определялась целенаправленным планированием и в какой – ситуационными решениями.

Традиционный взгляд сквозь «оптику» политической истории приводит к тому, что исторический процесс представляется как череда войн, завоеваний и побед, в альтернативном нарративе превращающихся в поражения и страдания. Отсюда и диаметрально

противоположное отношение к героям повествования, в котором единственной альтернативой фигуре Екатерины II как идеальной государыни [8, с. 18 слл.] оказывается образ безжалостной гонительницы мусульман [5, с. 40, 49, 130–150]. Очевидна необходимость смещения фокуса от монархов и военачальников к деятелям культуры, ученым, благотворителям и людям невысокого социального ранга, жизнь которых может характеризовать особенности существования репрезентуемой ими социальной группы.

Особой, плохо изученной темой является интеграция Крыма в Российскую империю в конце XVIII – начале XX в. Сегодня можно констатировать существование «параллельных научных миров», когда исследователи из крупных научных центров не знают о трудах своих региональных коллег, вводящих в научный оборот новые комплексы источников, тогда как региональные ученые мало используют современную научную методiku и не пытаются рассматривать происходившие в Крыму процессы на более широком историко-культурном фоне.

Применение «столичных методик» к обильным крымским материалам даст уникальную возможность уловить «многоголосье инородцев» – крымского татарина, караима, крымчака – в источниках, отражающих сотрудничество и взаимодействие старожильского населения с имперским правительством. Архивные материалы позволят реконструировать интеграционные процессы в Крыму, оценить их с точки зрения мусульманского или караимского духовного служителя, рядового члена крымскотатарской, крымчакской, армянской и других национальных общин.

Говоря о новой исследовательской «оптике», можно попытаться взглянуть на интеграцию Крыма в логику «внутренней колонизации» России [см.: 13, с. 100–101]. Переселение на полуостров славянских крестьян и отставных солдат окажется вариантом колониализма по образцу действий европейских держав в Африке и Азии, причем славянское население оказывается «депортированным» во враждебную физически и ментально среду. Как внешнюю колонизацию можно рассматривать организованные в Крыму на пустующих землях поселения меннонитов, греков, армян и др., получивших от имперской власти автономные права и ряд экономических привилегий. Парадоксальным результатом имперской политики России стало то, что мусульманское население Крыма

пользовалось правами и льготами, значительно превосходящими имеющиеся у православных жителей империи¹.

Следует более внимательно изучить личностный фактор, влиявший на особенности управления Крымом всесильными императорскими наместниками в условиях принципа делегирования полномочий «самодержец – личный агент». По-видимому, на действия Г. А. Потемкина в Причерноморье оказывал влияние опыт его работы с мусульманами в Уложенной комиссии, а особенности деятельности М. С. Воронцова на Кавказе объясняются его прошлым новороссийского губернатора. Крым можно рассматривать в качестве полигона по обкатке программ, предназначенных для мусульман остальной России, и адаптации исламских институтов к общероссийским административно-правовым нормам.

Интересная тема для исследования – «присвоение истории» российской элитой, навязывавшей старожильческому населению региона собственные представления об их истории, культуре и традициях [ср.: 11, с. 59–60; 14, р. 194]. В частности, к концу XIX в. крымскотатарские интеллектуалы стали интерпретировать традиционную форму мусульманской благотворительности, вакуф, в парадигме социалистических идей.

Любопытно изучить этапы государственной политики по использованию неправославных конфессий для интеграции окраинной территории в состав империи. На протяжении «долгого» XIX в. российская власть и местное неправославное духовенство проявляли готовность к диалогу. Империя конструировала органы духовного самоуправления «инородцев», тем самым регламентируя иррациональную духовную жизнь подданных, что приводило к десакрализации этой жизни, секуляризации мышления прихожан.

К числу перспективных тем относится изучение «воображаемой географии» Крыма в трудах путешественников и исследователей, а также местных интеллектуалов Нового времени, то есть альтернативных представлений о полуострове, складывавшихся в российской, «западной» и «старожильческих» культурах, которые, в свою очередь, влияли на многие практические решения, принимаемые, например, политиками в реальной жизни.

¹ Исследователи уже обращали внимание на то, что положение класса крепостных крестьян великорусского происхождения в рамках Российской империи было значительно худшим по сравнению не только с помещиками одного с ними этнического происхождения, но и с представителями других народов – например, остзейскими аристократами [7а, с. 297].

Интересен вопрос об использовании языков в Крыму. В османское время здесь одновременно существовало нескольких языков культуры (поэтический – персидский, эпиграфический – арабский, документооборота – староосманский), отличавшихся от языков повседневного общения. После первого присоединения к России сюжет становится еще более запутанным благодаря появлению франкоязычной русской аристократии и русскоязычного делопроизводства. Заметим, что «перевод» прежде действовавших в Крыму исламских правовых норм на язык русской бюрократии был затруднен тем, что ряд важнейших мусульманских принципов и понятий попросту не существовал в русском языке, и потому русские чиновники не были готовы их осмысливать.

Перечисление перспективных тем для исследования можно продолжать и далее. Ясно, что сегодня обобщающий труд по истории Крыма возможен только как совокупность ряда малых историй, разработанных специалистами по узким периодам и проблемам. Отсюда следует важность унификации исследовательского словаря и методик хотя бы на уровне основных приемов, понятий и языка. Остается актуальной популяризация современных научных идей, способная сократить дистанцию между исследователями и обществом, объяснив последнему, какую позитивную функцию играют историки. Все это позволит конвертировать нынешний интерес к истории полуострова в исследования на современном методическом уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III.
2. [Байер Г.-З.]. Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего города до возвращения под Российскую державу. СПб., 1782.
3. Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.
4. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? // Логос. 2006. № 6 (56).
5. Возгрин Е. В. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.
6. Зорин А. Л. Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.
7. Конкин Д., Храпунов Н. Рец. на кн.: Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2014; История Крыма. Москва, 2015 // Ab Imperio. 2015. № 2. 413–425.

- 7а. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 283–323.
8. Маленко А. Ю. «Была пора: Екатеринин век...». Екатерина II и Крым. Симферополь, 2013.
9. Нарушевич А. С. Таврикия, или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Киев, 1788.
10. Подгородецкий П. Д. Крым: природа. Симферополь, 1988.
11. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013.
12. Храпунов Н. И. Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 3 (130). Екатеринбург, 2014.
13. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.
14. Dirks N. B. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton, 2001.
15. Hagen M. von. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 3.
16. Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 1.
17. The Oxford Classical Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1970.
18. The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1–3. New York; Oxford, 1991.
19. Williams B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden; Boston, 2001.
20. Βούλγαρης Ε. Έκθεσις της Ταυρικῆς Χερσοννήσου ἤτοι της λεγομένης Μικρᾶς Ταταρίας. Έκδοσις ἀπὸ τοῦ ἀυτὸγραφοῦ κώδικα Mscr. Dresd. DA 54 καὶ ἐπίμετρο Ἰλῖα Χατζηπαναγιώτη. Αθήνα, 2008.

Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов

История Крыма в Новое время: новые подходы к изучению Резюме

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы, встающие перед исследователями истории Крыма. Полуостров был классическим пограничьем на периферии великих империй, потому изучение его истории подразумевает осознание «внутриимперских» процессов и сравнительный анализ с другими регионами. Немаловажен отказ от привычных объяснительных схем, использование новых методов и подходов, которые облегчат встраивание «малых» и «национальных» историй и сюжетов в общую историю полуострова. Актуальны поиск новых героев и сюжетов, которые позволят расширить спектр исторических реконструкций, а также унификация исследовательского словаря и популяризации последних научных достижений.

Ключевые слова: история Крыма, методика исторического исследования, национальный нарратив, критика источников.

D. V. Konkin, N. I. Khrapunov

Crimea's Modern History: New Research Approaches

Summary

This paper addresses some topical aspects appearing in front of researchers of the history of the Crimea. This peninsula was a typical frontier on the periphery of great empires, therefore the research in its history implies understanding of “inner imperial” processes and comparative analysis with other regions. Important is the refusal of traditional explanatory patterns and application of new methods and approaches of research, which would facilitate the inclusion of “minor” or “national” histories and plots into the general Crimean history. Topical is the search for new heroes and subjects in order to widen the variety of historical reconstructions, and the unification of research dictionary and popularizing of new scholarly achievements.

Key words: history of the Crimea, methods of historical research, national narrative, source criticism.

Сведения об авторах

ВОЛЬХИН ДЕНИС АНТОНОВИЧ, ассистент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; lomden@mail.ru

ГИНЬКУТ НАТАЛИЯ ВИТАЛИЕВНА, ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»; n-ginkut@yandex.ru

КОНКИН ДЕНИС ВАЛЕРИЕВИЧ, кандидат исторических наук, зав. отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; denis_konkin@mail.ru

ЛОБАНОВА МАРИЯ ВАЛЕРИЕВНА, кандидат исторических наук.

ЛОМАКИН ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; lomakinda@mail.ru

НИКИФОРОВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; ftnearpol@mail.ru

ПРОХОРОВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; prohorov1da@yandex.ru

ТЕРЕЩУК НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА, заведующая архивом Законодательного Собрания города Севастополя; tereshyk@list.ru

ТУР ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»;
vgtur@ukr.net

ХАЙРЕДИНОВА ЗАРЕМА ЗУДИЕВНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; hzarema@gmail.com

ХРАПУНОВ НИКИТА ИГОРЕВИЧ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; khrapunovn@mail.ru

ШВЕЦ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВНА, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; fusion10@mail.ru

ШПАКОВА ИРИНА ЕГОРОВНА, историк-архивист, г. Севастополь.

ЯКОВЛЕВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления географического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; funikuler84@mail.ru

Список сокращений

АГС	– Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя»
БИКАМЗ	Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»
БРСДП (т. с.)	– Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесных социалистов)
БРСДП (ш. с.)	– Болгарская рабочая социал-демократическая партия (широких социалистов)
БРСДП (о)	– Болгарская рабочая социал-демократическая партия (объединенная)
ВНАВ	– Всесоюзная научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАРК	– Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым»
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
Главнаука	– Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата по образованию РСФСР (г. Москва)
ДДДИИ	– Департамент духовных дел иностранных исповеданий
ИИМК РАН НА РО	– Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук, рукописный отдел (г. Санкт-Петербург)
КрымОХРИС	– Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МВД	– Министерство внутренних дел Российской империи
МГИ	– Министерство государственных имуществ Российской империи

Минюст	– Министерство юстиции Российской империи
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РОПИК	– Российское общество по изучению Крыма (г. Москва)
РСДС	– Рабочий социал-демократический союз
СЕИВ Канцелярия	– Собственная его императорского величества Канцелярия
СЗРИ	– Свод законов Российской империи
ТМДП	– Таврическое магометанское духовное правление
ТПГС	– Таврическая палата гражданского суда
ЦГА Москвы	– Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы» (г. Москва)
ЦГРМ	– Центральные государственные реставрационные мастерские (г. Москва)

Содержание

Введение	3
Религиозная политика империи	
<i>Тур В. Г.</i> Религиозные общины иностранных исповеданий Крыма в правовом поле России первой половины XIX в.	7
<i>Хайрединова З. З.</i> Правовое регулирование статуса крымскотатарского духовенства в период включения Крыма в состав России (конец XVIII – первая половина XIX вв.)	26
<i>Никифоров М. А.</i> Деятельность Г. А. Потемкина в Крыму в контексте интеграции полуострова в состав Российской империи	32
Империя и земельные отношения	
<i>Конкин Д. В.</i> Проблема землевладения крымских татар в проекте К. И. Габлица «О разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму» (1802 г.)	43
<i>Конкин Д. В.</i> Проблемы вакуфного землевладения в Крыму после окончания Восточной войны (1853–1856 гг.)	55
Межнациональные отношения на окраине империй	
<i>Прохоров Д. А.</i> К проблеме численности и социальной дифференциации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII века	71
<i>Швец А. Б., Яковлев А. Н., Вольхин Д. А.</i> Проблема пространственного анализа социокультурных противоречий в Крыму	100
<i>Лобанова М. В.</i> Теоретики болгарского центризма об особенностях социал-демократического восприятия тюркизма в государственной идеологии младотурок (практика регионального анализа)	110
Государство и охрана памятников	
<i>Ломакин Д. А.</i> К вопросу о сохранения культурного наследия г. Старый Крым в 20-е гг. XX в.	122
<i>Терецук Н. М., Шпакова И. Е.</i> Караньская греческая церковь как культовый памятник Свв. равноапостольным Елене и Константину	139

Новые издания источников

<i>Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.</i> Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка	156
--	-----

Вместо заключения

<i>Конкин Д. В., Храпунов Н. И.</i> История Крыма в Новое время: новые подходы к изучению	190
---	-----

Сведения об авторах	199
----------------------------	-----

Список сокращений	201
--------------------------	-----

Contents

Introduction	3
Empire's Religious Policies	
<i>Tur V. G.</i> Religious Communities of Foreign Confessions in the Crimea within the Legal Map of Russia in the First Half of the Nineteenth Century	7
<i>Khairedinova Z. Z.</i> Legal Regulation of the Crimean Tatar Clergy Status under the Crimea's Joining Russia (Late Eighteenth to the First Half of the Nineteenth Centuries)	26
<i>Nikiforov M. A., G. A.</i> Potemkin's Works in the Crimea in the Context of the Peninsula's Integration into the Russian Empire	32
Empire and Land Relations	
<i>Konkin D. V.</i> The Case of Crimean Tatars' Land Ownership in Carl Hablitz's Project "On the Splitting of the New Russia Governorate and the Organization of Administration and Economy in the Crimea" (1802)	43
<i>Konkin D. V.</i> Aspects of Wakf Land Properties in the Crimea after the End of the Crimean War (1853-1856)	55
International Relations in the Borderland of Empires	
<i>Prokhorov D. A.</i> On the Problem of the Number and Social Differentiation of the Karaite Community of Chufut-Kale in the Late Eighteenth Century	71
<i>Shvets A. B., Yakovlev A. N., Volkhin D. A.</i> The Problem of Spatial Analysis of Socio-Cultural Contradictions in the Crimea	100
<i>Lobanova M. V.</i> Theorists of Bulgarian Centrism on the Particulars of Social-Democratic Perception of Turkism in the Young Turks' State Ideology (Practices of Regional Analysis)	110
State and Protection of Monuments and Sites	
<i>Lomakin D. A.</i> On the History of the Cultural Heritage Preservation in the Town of Saryi Krym in the 1920s	122
<i>Tereshchuk N. M., Shpakova I. E.</i> The Greek Church in Karan' as a Cult Monument to SS. Equal-to-the-Apostles Helene and Constantine	139

New Publications of Sources

<i>Khrapunov N. I., Ginkut N. V.</i> Bakhchisarai and Its Monuments through the Eyes of Edward Daniel Clarke	156
---	-----

Conclusions

<i>Konkin D. V., Khrapunov N. I.</i> Crimea's Modern History: New Research Approaches	190
--	-----

Contributors	199
---------------------	-----

Abbreviations	201
----------------------	-----

Материалы к истории Причерноморья в Новое время

Перевод резюме на английский язык: Н. И. Храпунов

Технический редактор С. И. Власова

Редактор А. С. Шеремет

Подписано в печать 27.10.2016 г.
Формат 60×80/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,03. Тираж 50. Заказ № НИ/2.
295007, г. Симферополь,
Проспект Академика Вернадского, 4
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского